

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 2 № 1
2022

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 2 № 1
2022

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 2 № 1 2022

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал принимает к опубликованию материалы по следующим специальностям Перечня ВАК Минобрнауки России:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования
- 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
- 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, И. А. Шадрин, Л. М. Букина

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 2 N° 1 2022

“**Russian Journal of Deviant Behavior**” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal’s priority is to support young scholars.

The journal accepts for publication materials on the following specialties of the VAK List Ministry of Education and Science of Russia:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology
- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich’s Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, I. A. Shadrina, L. M. Bukina
Design and layout – S. N. Gorbunova

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ (Россия, Москва)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, Российская академия образования (РАО) (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор, профессор (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Калининград)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Злоказов К. В. – кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Ляковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, Институт педагогики, психологии и социальных проблем (заместитель директора по науке, ведущий научный сотрудник) (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, председатель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Dr.Sci. (Pedagogy), Member of Russian Academy of Education, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU, (Russia, Moscow)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, PhD in Philology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Russian Academy of Education (RAO) (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, (USA, Washington)

Geyzhan N.F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, Kaliningrad)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Zlokazov K. V. – PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Ilakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V.L. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banská Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	8
Современная девиантология: теории и концепции	
Гилинский Я. И. Девиантология постмодерна.....	10
Комлев Ю. Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии.....	17
Антропология девиантного поведения	
Балахонский В. В., Балахонская Л. В. Девиантное поведение: проблема методологического понимания нормы и ее социально-образовательных репрезентаций.....	27
Психологические исследования девиантного поведения	
Тю Росалина, Муслумов Р. Р. Психолого-педагогическое исследование особенностей сформированности критического мышления у девиантных подростков (на примере школьников России и Индонезии).....	39
Гаррисон Е., Ворошилова М. Б., Сальцев А. А. Метафорический метод в подготовке субъектов профилактики девиантного поведения подростков.....	51
Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения	
Григорович Л. А., Горелов А. А., Чудаков А. Ю. Девиантологическая компетентность будущих педагогов и психологов.....	63
Зуйкова А. А., Сафронов А. И., Ерофеева М. А. Факторный анализ индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска.....	77
Криминологические исследования девиантного поведения	
Бабук А. В. Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе.....	85
Батболд Галбадрах Девиантное поведение заключенных в местах лишения свободы Монголии.....	93
Терещенко Т. Г. Предупреждение насильственной преступности в интересах социально-экономического развития государства (опыт Республики Беларусь).....	99
Шевелева С. В., Шатанкова Е. Н. О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы.....	109

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	8
Current trends in deviance: theories and concepts	
Gilinskiy Ya. II. Postmodern deviantology.....	10
Komlev Yu. Yu. From digitalization of society to cybercrime, cyber deviance and the development of digital deviantology.....	17
Anthropology of deviant behavior	
Balakhonsky V. V., Balakhonskaya L. V. The deviant behavior: the problem of methodological understanding of the norm and its socio-educational representations.....	27
Psychological research of deviant behavior	
Tio Rosalina, Muslumo R. R. Psychological and pedagogical study of the nature of the critical thinking development in deviant adolescents (on the example of schoolchildren in Russia and Indonesia).....	39
Garrison E., Voroshilova M. B., Sal'cev A. A. Metaphorical method in training work with subjects of prevention of youth deviations.....	51
Psychological and pedagogical research and prevention of deviant behavior	
Grigorovich L. A., Gorelov A. A., Chudakov A. Yu. Deviantological competence of future teachers and psychologists.....	63
Zuykova A. A., Safronov A. I., Erofeeva M. A. Factor analysis of the personal characteristics of individuals of the addictive risk group.....	77
Criminological research of deviant behavior	
Babuk A. V. Flaming as a speech conflict inciting tool in Internet-discourse.....	85
Batbold Galbadrakh Deviant behavior of the incarcerated in the prison facilities of Mongolia.....	93
Tereschenko T. G. Violent crime prevention in the interests of socio-economical state development (Republic of Belarus case).....	99
Sheveleva S. V., Shatankova E. N. On freedom of will, coercion, manipulation in philosophy, psychology and law: towards the formulation of the problem.....	109

Уважаемые читатели!

Приветствую вас от имени редакционной коллегии «Российского девиантологического журнала», с этого номера начинается второй год его существования. Востребованность опубликованных статей, ваши отклики и предложения помогли нам пересмотреть редакционную политику – мы увеличили количество номеров с двух до четырех, пригласили в состав экспертов ведущих специалистов, расширили типы статей и в этом году предложим вашему вниманию обзоры научных форумов, посвященных проблемам девиантологии, с использованием технологии дополненной реальности.

Для этого номера редакционная команда постаралась выбрать самые актуальные исследования, освещающие различные аспекты девиантного поведения. Уверен, что каждый из вас сможет найти интересные материалы.

Открывает журнал раздел «Современная девиантология: теории и концепции», в который мы включили статью «Девиантология постмодерна», рассматривающую основные идеи девиантологии (социологии девиантности) современного общества постмодерна. Автор утверждает, что особенности общества постмодерна, в котором живет современное человечество, влияют на все социальные процессы, в том числе и на девиантные проявления (преступность, наркотизм, алкоголизация, проституция, самоубийства и др.). Соответственно, общественные науки, включая девиантологию, в значительной степени корректируют сложившиеся ранее представления. Еще одно исследование этого раздела посвящено вопросам цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии. В статье раскрыты основные этапы и специфика социально-технологических перемен в мире и России начала XXI века. Показано, что цифровизация и сетевизация – фундаментальные измерения социума эпохи постмодерна. Выделены основные проявления преступности и девиантности в киберпространстве. Показано, что на современном этапе пользователи интернета, социальных сетей и цифровых платежных систем — основные жертвы пандемии киберпреступности. Автор уверен, что исследования киберпреступности и других проявлений девиантности следует проводить с опорой на гибридизацию социологических, технологических и других знаний, сделан вывод, что сложились онтологические и методологические предпосылки для развития цифровой девиантологии как интегративной социологической науки о киберпреступности и других проявлениях кибердевиантности.

Исследованию проблемы методологии понимания нормы и ее социально-образовательных репрезентаций посвящена статья в разделе «Антропология девиантного поведения». Авторы рассматривают методологические и содержательные проблемы понимания образовательной нормы, выясняют сущность и неоднозначность последствий девиантного поведения субъектов образовательной деятельности. В статье обосновывается понимание образовательной нормы как синтеза организационных регламентаций данного вида деятельности и учета возможностей конструктивных отклонений от этой нормы, направленных на достижение социально либо индивидуально значимых педагогических результатов. Теоретическое значение такого подхода позволяет избежать упрощения и односторонности в понимании соотношения нормы и девиации в области педагогики, практическое значение – в возможности его методологического использования в процессе организационного нормирования образовательной деятельности.

Раздел «Психологические исследования девиантного поведения» начинается с кросс-культурного изучения критического мышления у девиантных подростков, авторы которого провели сравнительный анализ критического мышления девиантных подростков из России и Индонезии и выявили среди причин различий культурно-исторические факторы, особенности построения образовательных программ, психологические аспекты личности детей. Исследование показало, что имеется значимая связь степени выраженности самооценки учащихся из России и Индонезии и показателями критического мышления и IQ, а ведущим фактором формирования критического мышления является правильно выстроенная в процессе обучения таксономия задач, а также особым образом организованный процесс обучения, включающий в основном интерактивные формы работы. Следующий материал «Метафорический метод в подготовке субъектов профилактики девиантного поведения подростков» посвящен обсуждению проблем координации деятельности субъектов профилактической работы с несовершеннолетними.

Раздел «Психологические исследования девиантного поведения» начинается с кросс-культурного изучения критического мышления у девиантных подростков, авторы которого провели сравнительный анализ критического мышления девиантных подростков из России и Индонезии и выявили среди причин различий культурно-исторические факторы, особенности построения образовательных программ, психологические аспекты личности детей. Исследование показало, что имеется значимая связь степени выраженности самооценки учащихся из России и Индонезии и показателями критического мышления и IQ, а ведущим фактором формирования критического мышления является правильно выстроенная в процессе обучения таксономия задач, а также особым образом организованный процесс обучения, включающий в основном интерактивные формы работы. Следующий материал «Метафорический метод в подготовке субъектов профилактики девиантного поведения подростков» посвящен обсуждению проблем координации деятельности субъектов профилактической работы с несовершеннолетними.

ми, решение которых авторы видят в разработке практик группового взаимодействия субъектов профилактики, позволяющих сформировать целостный и непротиворечивый образ подростка в трудной жизненной ситуации. Результатом исследования стали апробация методики конструирования метафорической модели, определение типовых характеристик образа девиантного подростка, установлены возможности и ограничения применения методики для выявления причин и условий девиантного поведения подростков. Дальнейшая разработка методов координации межведомственного взаимодействия субъектов профилактики девиантного поведения в работе с трудными подростками является очевидной перспективой исследования.

Раздел «Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения» представлен статьей «Девиантологическая компетентность будущих педагогов и психологов», в которой авторы изучили представления в области девиантологии тех специалистов, которые работают непосредственно с подростками, в частности, будущих педагогов и психологов, что предполагает формирование у них профессиональной компетенции, направленной на сдерживание роста асоциального поведения в молодежной среде.

В статье «Факторный анализ индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска» рассматривается проблема ранней диагностики употребления психоактивных веществ в детско-подростковой среде, а также изучения индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска. Полученные авторами результаты позволяют практическим работникам в области психологии и педагогики зависимого поведения лучше понимать природу формирования рискометрического профиля подростков, склонных к употреблению психоактивных веществ, оказывать им адресную профилактическую помощь, разрабатывать и корректировать содержание профилактических мероприятий, прогнозировать поведенческие стратегии, выстраивать индивидуальный профилактический маршрут с учетом их индивидуально-личностных характеристик.

Традиционно раздел «Криминологические исследования девиантного поведения» объединяет материалы ученых из разных стран по широкому спектру актуальных криминологических проблем. Белорусские ученые посвятили работы флеймингу как инструменту разжигания речевого конфликта в Интернет-дискурсе и предупреждению насильственной преступности в интересах социально-экономического развития государства. Автор статьи «Девиантное поведение заключенных в местах лишения свободы Монголии» обратил внимание, что именно во время отбывания наказания в местах лишения свободы своими действиями, поведением человек продолжает создавать собственную атмосферу существования посредством коммуникативных связей. При этом жизненные планы и ценности у заключенных, приговоренных к пожизненному лишению свободы, утрачены, что приводит к совершению различных противоправных действий. Российские исследователи предприняли попытку «имплементирования» достижений в области философии, психологии, политологии в канву современного уголовного права для выработки рабочих формул определения принуждения, манипуляции, ответственности и их соотношения со свободой воли как базовой категорией всех нормативно-правовых актов, изучили формы реакции органов общественной безопасности на случаи домашнего насилия.

30 сентября 2022 года под эгидой журнала состоится международная научная конференция **«Российская девиантологическая панорама: теория и практика»**. Это крупное научное событие в мире девиантологии состоится на базе Санкт-Петербургского университета МВД России в гибридном формате. К участию приглашены ведущие ученые и практикующие специалисты, занимающиеся исследованием девиаций и их психолого-педагогической профилактикой. На сегодняшний день заявки для участия поступили из многих образовательных организаций нашей страны и ближнего зарубежья. Сборник докладов будет опубликован накануне конференции.

«Российский девиантологический журнал» открыт для новых исследований и научных дискуссий, приглашаем к опубликованию материалов как состоявшихся ученых, так и молодых исследователей – аспирантов и адъюнктов.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор, Академик
РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель
научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства,
Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального
поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ А. А. Реан**

УДК 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-10-16

Девиантология постмодерна

Гилинский Яков Ильич

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
yakov.gilinsky@gmail.ru

ORCID: 0000-0003-4544-7167

Аннотация

В статье рассмотрены основные идеи девиантологии (социологии девиантности) современного общества постмодерна. Особенности общества постмодерна, в котором живет современное человечество, влияют на все социальные процессы, включая девиантные проявления (преступность, наркотизм, алкоголизация, проституция, самоубийства и др.). Соответственно, общественные науки, включая девиантологию, в значительной степени корректируют сложившиеся ранее представления.

Ключевые слова

девиантность, постмодерн, девиантология

Для цитирования: Гилинский, Я. И. (2022). Девиантология постмодерна. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 10–16. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-10-16.

Original paper

Yakov I. Gilinskiy

Herzen State Pedagogical
University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
yakov.gilinsky@gmail.ru

ORCID: 0000-0003-4544-7167

Postmodern deviantology

Abstract

The article examines the main ideas of deviantology (sociology of deviance) of postmodern society. The features of the postmodern society, in which modern humanity lives, affect all social processes, including deviant manifestations (crime, drug addiction, alcoholism, prostitution, suicide, etc.). Accordingly, the social sciences, including deviantology, are largely correcting the previously established beliefs.

Keywords

deviance, postmodern, deviantology

For citation: Gilinskiy, Ya. I. (2022). Postmodern deviantology. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 10–16. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-10-16.

Предисловие

Феномен девиации – интегральное будущее общества.
P. Higgins, R. Butler

В мире людей всегда были, есть и будут деяния, не соответствующие принятым «нормам» – формальным (установленные государством законы) и неформальным (мораль, обычаи, традиции), «отклоняющиеся»

от этих норм. Во все времена государство и общество пытались противостоять таким «отклонениям», девиациям. А представители общественных наук старались объяснить такие отклонения и предложить методы противодействия им. В результате постепенно сформировалась, например, криминология как наука о преступности и преступлениях (XVIII–XIX вв.).

Позднее пришло осознание того, что есть нечто общее, что объединяет различные виды девиаций –

преступность, пьянство, наркотизм, проституцию, самоубийство (негативные девиации) и... творчество (позитивная девиантность) (Гишинский и Исаев, 2015). Соответственно социология девиантности и социального контроля (так называется 29-й исследовательский комитет — Deviance and Social Control — Международной социологической ассоциации), или девиантология, формируется значительно позже, во второй половине — конце XX века.

Так, именно после Второй мировой войны публикуются девиантологические работы R. Akers (1985), N. Ben-Yehuda (1990), D. Downes & P. Rock (1988), E. Goode (1949), E. Goode & N. Ben-Yehuda (1994), P. Higgins & R. Butler (1982), T. Hirschi (1969), S. Lamnek (1990), E. Lemert (1951), A. Liazos (1972), A. Liska (1987), S. Palmer & J. Humphery (1990), E. Pfuhl & S. Henry (1993), A. Podgórecki (1969), E. Schur (1971), C. Sumner (1994), S. Traub & C. Little (1975), P. Wilson & J. Braithwaite (1978) и др.

В 1974 году в рамках Международной социологической ассоциации появляется вышеупомянутый 29-й исследовательский комитет — Deviance and Social Control. С 1979 года начал выходить международный журнал «Deviant Behavior». И только в 2001 году опубликована первая четырехтомная энциклопедия: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior.

В 1971 году — 50 лет тому назад — выходят и первые отечественные работы по девиантологии (Гишинский, 1971a; Гишинский, 1971b; Здравомыслов, 1971). Только тогда в СССР нежелательно было употреблять иностранные слова, так что статьи были посвящены «отклоняющемуся поведению» («социальным отклонениям»), а не девиантному. В этих работах ленинградских авторов ставился вопрос о необходимости рассмотрения различных нежелательных для общества нормонарушающих проявлений с позиции более общей социологической теории, поскольку отклоняющееся поведение есть именно социальный феномен, различные его виды имеют общий генезис, находятся в сложных взаимосвязях и зависимости от экономических, политических и социальных условий. Отмечалось значение понимания и выбора критерия (точки отсчета) «отклонения», оценки и измерения его «величины», а также направленности. Ибо, с точки зрения одного из авторов (Я. Гишинского), отклоняющееся поведение может быть как со знаком «минус» (негативное, отрицательное), так и со знаком «плюс» (позитивное — социальное, научное, техническое, художественное творчество).

В дальнейшем развитие теории девиантности сопровождалось многочисленными эмпирическими исследованиями — преступности, самоубийств, пьянства — как на локальном, так и на международном уровне («Social Problems around Baltic Sea», «Police and Population» и др.).

Наибольшую роль в развитии отечественной девиантологии сыграли труды В. С. Афанасьева, Я. И. Гишинского, И. А. Грошевой, И. Л. Грошева, Л. И. Грошевой, И. Н. Гурвич, Ю. А. Клейберга, Ю. Ю. Комлева, В. Н. Кудрявцева, Б. М. Левина, М. Е. Поздняковой, Н. Н. Проскурниной, Т. А. Хагурова, Т. В. Шипуновой и др. А в годы СССР еще и А. Габиани (Грузия), А. Лепса и Э. Раски (Эстония), Ю. Блувштейна, А. Добрынина и В. Юстицкого (Литва) (Гишинский, 2021a).

Формируются подотрасли девиантологии: *экономическая* девиантология (Р. Оленев и др.), *военная* девиантология (В. Вагин, С. Ворошилов, Я. Гишинский, Д. Клепиков, А. Тюриков), *ювенальная* девиантология (Г. Забрянский, А. Комарницкий, А. Салагаев), *психология* девиантного поведения (Ю. Клейберг, Е. Змановская, И. Горьковая, И. Первова и др.), *пенитенциарная* девиантология (И. Осинский, М. Гайдай), *география* девиантных проявлений (А. Габиани, Е. Демидова).

Российские девиантологи активно включаются в мировую девиантологию. Совместные исследования, участие в работе 29-го исследовательского комитета Международной социологической ассоциации в Билефельде (Германия, 1994), Брисбене (Австралия, 2002), Гетеборге (Швеция, 2010), Йокогаме (Япония, 2014).

Девиантность в обществе постмодерна

Реальность является девиантной.

Н. Луман

Постепенный переход к современному обществу постмодерна (постклассическому, постсовременному) начался в конце XX века. Сегодня уже очевидны его особенности, влияющие на все социальные процессы, включая преступность и иные девиантные проявления (Гишинский, 2017).

Технологическая революция времен постмодерна порождает невиданные ранее технические новеллы (позитивная девиантность!), «цифровой мир», искусственный интеллект, но и киберпреступность, компьютерное мошенничество, возможность тотального контроля над людьми — оруэллизацию бытия (дилемма «меры безопасности vs права и свободы человека» — одна из важнейших проблем современности (Щедрин, 2018; Щедрин, 2019; Гишинский, 2021b).

Характерная для эпохи постмодерна *глобализация* экономических, финансовых, технологических, транспортных потоков сопровождается глобализацией преступности (торговля наркотиками, людьми, оружием, человеческими органами, терроризм и др.), проституции, мошенничества.

Глобализация порождает *массовую миграцию*, а, следовательно, «конфликт культур» (Селлин, 1966), «преступления ненависти» (hate crimes), тот же терроризм.

Мы живем в параллельных мирах – реальном и виртуальном. *Виртуализация* бытия влечет неоднозначные последствия. С одной стороны, уход молодежи в мир интернета повлек общемировое снижение уровня тяжких насильственных и иных уличных преступлений (street crimes). Так, например, в России к 2020 г. уровень убийств (на 100 тыс. населения) снизился с 23,1 в 2001 г. до 5,2; уровень грабежей с 250,3 в 2006 г. до 26,1, уровень разбойных нападений с 44,8 в 2005 г. до 3,6¹. В интернете подростки и молодежь встречаются, общаются, играют в «стрелялки», удовлетворяя потребность в самоутверждении. Но в виртуальном мире появилась киберпреступность, массовое мошенничество (уровень которого вырос в России с 60,2 в 2003 г. до 228,7 в 2020 г.).

Катастрофически растущее *экономическое неравенство* привело к разделению человечества и населения каждой страны на *включенных* (included) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и *исключенных* (excluded) из нее. Социально-экономическое неравенство служит главным криминогенным и девиантогенным фактором, а исключенные становятся социальной базой преступности, алкоголизации, наркотизма, проституции, самоубийств. Только по официальным данным МВД России, доля лиц без постоянного источника доходов (аналог исключенных) составляет последние годы в России 65–67 % всех осужденных, а среди убийц и насильников – 72–75 %. По результатам исследования самоубийств, их максимальный риск присущ безработным, лицам с образованием ниже среднего (Ушакова, 2011).

Социальное и экономическое неравенство, деление всех на включенных и исключенных приводит к дальнейшему разделению и включенных, и исключенных на отдельные фрагменты общества – к его *фрагментаризации*. А это означает, что представления о нормальном / ненормальном (девиантном), допустимом / недопустимом различны для представителей различных фрагментов (субкультур). Так, то, что нормально, обыденно для молодежи, недопустимо с точки зрения представителей старших поколений (эта извечная проблема обострилась в условиях постмодернистского «ускорения времени»).

Мир постмодерна – мир *неопределенности*. «Постмодернизм – это признание онтологической и гносеологической неопределенности социального мира, это проблематизация социальной реальности, которая интерсубъективна, стохастична, зависит от значений, которые ей приписываются, это относительность знаний о любом социальном явлении и процессе (и праве), это признание сконструированности социального мира, а не его данность» (Честнов, 2014). А это означает, что нормальное / ненормальное (девиантное) –

понятия относительные. Что все «девиантности» сконструированы человеком (государством, обществом), а не являются чем-то определенным по своему содержанию «раз и навсегда».

Технологические новеллы, цифровизация, глобализация, виртуализация, фрагментаризация, неопределенность, ускорение времени и иные особенности современного мира постмодерна (уже постпостмодерна?) приводят к *шизофренизации сознания* (Андерсон, 2011, с. 76), что может способствовать росту девиантных проявлений.

”

Характерная для эпохи
постмодерна глобализация
экономических, финансовых,
технологических, транспортных
потоков сопровождается
глобализацией преступности
(торговля наркотиками, людьми,
оружием, человеческими
органами, терроризм и др.),
проституции, мошенничества.

“

Девиантология постмодерна

Все действительно разумно.
Гегель

Социология девиантности и социального контроля находится на окраине социологических знаний. Объект девиантологии – преступность, наркотизм, пьянство, коррупция, терроризм, проституция, самоубийства и т.п. – не вызывает симпатии. О них еще царский министр народного просвещения г-н А. С. Шишков начертал: «Хорошо извещать о благих делах, а такие, как смертоубийства и самоубийства, должны погружаться в вечное забвение» (Гернет, 1974). Этому завету многие годы следовала и советская власть... (Напомню, что с середины 1930-х годов до середины 1960-х годов криминология была запрещена в СССР как «буржуазная лженаука» наряду с социологией, генетикой, кибернетикой).

¹ Состояние преступности в РФ. Retrieved December 20, 2021, from <https://мвд.пф/folder/101762>

Но со временем все чаще в самых различных странах тематика девиантности стала приобретать все большее значение, а проблемы социального контроля перемещались из поля научных дискуссий в практическую сферу: как предупредить, сократить вал преступности, массовую алкоголизацию / наркотизацию населения, террористические акты, разъедающую экологию и общественную нравственность коррупцию.

Девиантология с момента возникновения развивалась по классическим канонам социологии (напомним, девиантология – это *социология* девиантности, девиантных проявлений). Но в последнее время девиантологи либо заговорили о ее «смерти» (Sumner, 1994), либо стали размышлять о необходимости пересмотра устаревающих представлений. Автор этих строк относит себя ко второму направлению (есть, конечно, и третье – продолжать развивать общепринятые идеи, постулаты). Замечу, что в отраслях, изучающих отдельные проявления девиантности, например, в криминологии (социологии преступности) такое переосмысление «общепринятых» понятий уже произошло (Гишинский, 2021; Жалинский, 2009; Жмуров, 2012; Исмаилов, 2018).

Так ли уж «особенны», отличны от обычного, повседневно, «нормального» поведения придуманные государством «преступления», попытки изменить обыденное сознание (алкоголем, наркотиками, клеем «Момент» или парами бензина), немножечко продаться (продажность политиков, деятелей культуры, ученых, врачей и учителей или же женская и мужская проституция)? Ведь еще Э. Дюркгейм (1858–1917) писал: «Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно» (Дюркгейм, 1966, с. 40). Да и что такое «преступность», как не собрание законодателем деяний, занесенных в уголовный закон? Не существует деяний, «преступных» по своему содержанию. «Преступление», «преступность» – конструкты, сконструированные законодателем в интересах правящей верхушки (Barkan, 1997; Caffrey & Mundy, 1995; De Keseredy & Schwartz, 1996; Gregoriou, 2012; Hester & Eglin, 1992; Muncie & McLaughlin, 1996, с. 13; Гишинский, 2021b).

Более того, со времен Э. Дюркгейма известно: «Преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права... Сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит!» (Дюркгейм, 1966, с. 42–43). При этом Э. Дюркгейм ссылается на пример Сократа, приговоренного к смертной казни за идеи, опередившие его век.

Да разве только Сократ? А сожженный за «ересь» Джордано Бруно? А разделившие его судьбу Мигель

Сервет и Ян Гус? А находившийся в заточении Галилео Галилей, отрекшийся от правды во избежание смертной казни?

Не удивительно, что спустя 120 лет после Э. Дюркгейма современный швейцарский криминолог, профессор К.-Л. Кунц утверждает: «Общество нуждается в преступности как двигателе социальных преобразований. Общество без существенных отклонений в поведении криминального характера застыло бы в своем развитии» (Кунц, 2019, с. 245).

Проституция (продажность) была, есть и будет, пока существуют товарно-денежные отношения. Это – нормально (в смысле соответствует природе товарно-денежных отношений). Проституция в сфере сексуальных отношений легализована в Нидерландах, Германии, Австрии, Швейцарии, Греции, Турции, Венгрии, Латвии и ряде других стран. Да и в России до 1917 г. были публичные дома и «желтые билеты» у проституток.

Во все времена люди пытались воздействовать на центральную нервную систему для получения «удовольствий». (Кстати, это любят и животные, вспомним кошку и валерьяну). Потребление наркотиков, алкоголя, различных психотропных веществ, клея «Момент», одеколona, политуры, паров бензина, спайсов – чего только не испробовало человечество в целях «одурманивания», изменения психики... Можно запрещать что-либо, или не запрещать, люди всегда будут пытаться «поймать кайф», используя все новые и новые средства... Это – нормально (в смысле имеет место быть).

Человек устал, может выпить бокал вина, или выкурить сигарету с табаком или марихуаной, или выпить чашку крепкого кофе. Почему одно допустимо, а другое – «преступно»? И если марихуана (гашиш, анаша) «преступна» в России, то разрешена в Бельгии, Нидерландах, Чехии и многих других странах. А вино, разрешенное и продающееся на каждом углу в названных странах, «преступно» в ОАЭ (до 7 лет лишения свободы).

То, что считалось и отчасти считается представителями старших поколений недопустимым – наркопотребление, свободные сексуальные отношения – в мире постмодерна считается нормальным, допустимым, не подлежащим запрету.

Нормальны (обычны) и самоубийства. Добровольно уходят из жизни мужчины (чаще) и женщины, подростки и молодые люди, взрослые и старики. Покончить жизнь самоубийством могут бомжи и миллиардеры... В некоторых случаях (тяжелая неизлечимая мучительная болезнь) добровольный уход из жизни понятен, оправдан и заслуживает в необходимых случаях помощи (эвтаназия, легализованная в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Канаде, кантоне Цюрих, и являющаяся тяжким преступлением – убийством в России и ряде других стран).

Ни в коем случае не одобряя все названные и не названные негативные девиантные проявления, пони-

мая необходимость в большей или меньшей степени противодействовать им, нужно понимать, что все они *нормальны* в смысле повседневной реальности человеческого бытия, а потому заслуживают рационального подхода. Уголовное законодательство каждой страны должно быть минимизировано, криминализации подлежат только действительно опасные деяния (убийство, изнасилование, разбой и т.п.), а не «нарушение изобретательских и патентных прав» (ст. 147 УК РФ) – это гражданско-правовой деликт, не «оскорбление религиозных чувств верующих» (ст. 148 УК РФ), не «уничтожение или повреждение имущества по неосторожности» (ст. 168 УК РФ) – и это гражданско-правовой деликт. В современной России предусмотрена уголовная ответственность за организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), которая была легализована в России до 1917 г., легализована во многих странах Европы, фактически процветает и в сегодняшней Российской Федерации. В спальных районах крупных городов, включая Санкт-Петербург, реклама проститутки висит на столбах, на стендах, прописана на асфальте. В Москве и Санкт-Петербурге открыты Dolls Hotels с силиконовыми девушками. Но за 5 тыс. руб. в час можно снять номер с натуральной спутницей.

Уголовной ответственностью преследуется незаконное изготовление и оборот порнографических материалов и предметов (ст. 242 УК РФ). Правда, неизвестно, что такое «порнография»... Отсутствует ее юридическое определение. Является ли порнографическим предметом роман Дж. Джойса «Улисс» – шедевр мировой литературы, запрещенный в свое время, как «порнографический»? А как быть с изданным в 2002 г. издательством «Продолжение жизни» (Санкт-Петербург) сборником произведений Генри Миллера, включая его роман «Тропик Рака». Ведь на первых же его страницах детальнейшим образом описаны половые акты с Таней, Ирен, Илоной... Конечно, в свое время этот роман был запрещен как «порнографический»! С моей точки зрения, никакой «порнографии» нет. Есть изображения, произведения, которые не очень одобряются моралью данного общества в данное время и которые не стоит демонстрировать детям (Гишинский, 2021с).

Излишняя криминализация превращает каждого гражданина (включая автора этих строк) в преступника.

Одна из тем девиантологии — *генезис* различных проявлений девиантности, поиск девиантогенных факторов. Хорошо известны различные экономические (экономическое неравенство, бедность), политические и даже космические факторы (солнечная активность (Чижевский, 1995), влияющие на преступность, самоубийства, алкоголизацию и наркотизацию людей. Девиантогенные факторы подробно описаны в соответствующей литературе. И получается, что одни и те же факторы оказываются и криминогенными, и суицидогенными, и наркогенными, и алкогенными, и прости-

тутогенными. Более того, они же – креативогенные, «порождающие» различные виды творчества. Как восклицал художник Э. Мунк: «Не в аду ли я?» – и создал знаменитую картину «Крик». А по словам А. Эйнштейна, «Теория относительности» была «актом отчаяния». Все, что делают люди – от привычных текущих дел до тяжчайших преступлений и величайших открытий – есть результат одних и тех же «факторов», жизненных обстоятельств (да и личностных особенностей — интеллектуальных, волевых, характерологических).

Заключение

Означает ли вышесказанное, что девиантология исчерпала себя и заслуживает некролога (obituary), как предсказывал С. Sumner? Конечно, нет. Напротив, именно в современную эпоху постмодерна появились новые возможности переосмыслить наработанное и двигаться вперед, исследуя как отдельные «старые» (преступность, наркотизм, проституция, самоубийства), так и новые виды девиантности, совершаемые в виртуальном мире.

Какие существуют отношения между негативными и позитивными девиациями? Можно ли использовать развитие творчества как метод «вытеснения» негативных девиаций? Еще в 1970-е годы я предложил формулу «баланса социальной активности», демонстрирующую такую возможность (Гишинский, 1978). Дальнейшее изучение творчества как позитивной девиантности и соотношения с негативными проявлениями поможет выявить механизм и возможности сокращения одних — негативных — путем замещения, вытеснения их позитивными.

Осознание того, что само понятие девиантного, отклоняющегося от «нормы» носит относительный характер, исторически меняется и может рассматриваться только с позиции «здесь и сейчас», поможет избежать нагнетания социальной обстановки в «борьбе» с тем, что стало «нормой», и содействовать развитию социального творчества, которое не всегда легко распознать.

Важная задача современности — привлечение молодых ученых к исследованию весьма насущных проблем девиантологии. К сожалению, даже ранее активная молодежь отходит от исследовательской деятельности. Конечно, это проблема не только девиантологии. Сложное финансовое положение, слабая заинтересованность «руководителей» науки приводят к вакууму, который трудно будет восполнить. Сюда же следует добавить «неудобность» для властей и девиантологии, и криминологии.

Любая наука интернациональна, если она – наука. Важная задача – продолжать и развивать международные связи (совместные исследования, участие в международных конференциях, конгрессах, публикации в зарубежных изданиях и т. п.). К сожалению, сегодня наблюдается противоположная тенденция. Ее необходимо переломить.

Список литературы

- Андерсон, П. (2011). *Истоки постмодерна*. Москва: Территория будущего.
- Гернет, М. Н. (1974). *Избранные произведения* (стр. 370-371). Москва: Юридическая литература.
- Гилинский, Я. И. (1971a). Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения». В М. Шаргородский (ред.) *Преступность и ее предупреждение*. Ленинград: ЛГУ.
- Гилинский, Я. И. (1971b). Отклоняющееся поведение как социальное явление. *Человек и общество*, 8, 113-118.
- Гилинский, Я. И. (1978). Исследование социальной активности населения при региональном социальном планировании. В *Региональное социальное планирование: тезисы докладов конференции* (Ч.1). Уфа.
- Гилинский, Я. И., Исаев, Н. А. (2015). *Творчество как позитивная девиантность*. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс.
- Гилинский, Я. И. (2017). *Девиантность в обществе постмодерна*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гилинский, Я. И. (2021a). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»* (4-е изд., стр. 130-174). Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гилинский, Я. И. (2021b). *Криминология постмодерна (неокриминология)*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Гилинский, Я. И. (2021c). Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: взгляд криминолога. *Криминалист*, 2 (35), 18-22.
- Дюркгейм, Э. (1966). Норма и патология. В *Социология преступности*. Москва: Прогресс.
- Жалинский, А. Э. (2009). *Уголовное право в ожидании перемен: Теоретико-инструментальный анализ* (2-е изд.). Москва: Проспект.
- Жмуров, Д. В. (2012). *Криминология в эпоху постмодерна. В поисках новых ответов*. Иркутск: БГУ.
- Здравомыслов, А. Г. (1971). *Методологические проблемы изучения девиантного поведения: материалы социологического симпозиума*. Ереван.
- Исмаилов, Р. Н. (2018). *Криминология в обществе постмодерна*. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс.
- Кунц, К.-Л. (2019). *Введение в криминологическое мышление*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Селлин, Т. (1966). Конфликт норм поведения. В *Социология преступности* (стр. 282-287). Москва: Прогресс.
- Ушакова, Е. С. (2011). *Суицидальный риск: социологический анализ*. LAP LAMBERT Academic Publishing.
- Честнов, И. Л. (2014). Постмодернизм как вызов юриспруденции. *Общество и человек*, 4 (10), 47-48.
- Чижевский, А. Л. (1995). Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. Москва: Мысль.
- Щедрин, Н. В. (2018). Пределы предупредительной деятельности. *Lex Russia*, 9, 39-53. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053>
- Щедрин, Н. В. (2019). Меры безопасности и (или) права человека? Социальный контроль над преступностью: Что делать? Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
- Barkan, S. (1997). *Criminology: A Sociological Understanding*. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River.
- Caffrey, S. & Mundy C. (Eds.) (1995). *The Sociology of Crime and Deviance*. Greenwich University Press.
- De Keseredy, W. & Schwartz, M. (1996). *Contemporary Criminology* (pp. 45-51). Wadsworth Publishing Co.
- Gregoriou, Ch. (Ed.) (2012). *Constructing Crime*. Palgrave Macmillan.
- Hester, S. & Eglin, P. (1992). *Sociology of Crime* (pp. 27-46). NY., L.: Routledge.
- Muncie, J. & McLaughlin, E. (Eds.) (1996). *The Problem of Crime*. United Kingdom: SAGE.
- Sumner, C. (1994). *The Sociology of Deviance. An Obituary*. Buckingham: Open University Press.

References

- Anderson, P. (2011). *Istoki postmoderna*. Moscow: Territoriya budushchego.
- Gernet, M. N. (1974). *Izbrannyye proizvedeniya* (str. 370-371). Moscow: Yuridicheskaya literatura.
- Gilinskij, Ya. I. (1971a). Nekotorye problemy "otklonyayushchegosya povedeniya". V M. Shargorodskij (red.) *Prestupnost' i ee preduprezhdenie*. Leningrad: LGU.
- Gilinskij, Ya. I. (1971b). Otklonyayushcheesya povedenie kak social'noe yavlenie. *Chelovek i obshchestvo*, 8, 113-118.
- Gilinskij, Ya. I. (1978). Issledovanie social'noj aktivnosti naseleniya pri regional'nom social'nom planirovanii. V *Regional'noe social'noe planirovanie: tezisy dokladov konferencii* (Ch.1). Ufa.
- Gilinskij, Ya. I., Isaev, N. A. (2015). *Tvorchestvo kak pozitivnaya deviantnost'*. Saint Petersburg: Alef-Press.
- Gilinskij, Ya. I. (2017). *Deviantnost' v obshchestve postmoderna*. Saint Petersburg: Aletejya.
- Gilinskij, Ya. I. (2021a). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»* (4-e izd., str. 130-174). Saint Petersburg: Aletejya.
- Gilinskij, Ya. I. (2021b). *Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya)*. Saint Petersburg: Aletejya.
- Gilinskij, Ya. I. (2021c). Prestupleniya protiv zdorov'ya naseleniya i obshchestvennoj npravstvennosti: vzglyad kriminologa. *Kriminalist*, 2 (35), 18-22.

- Dyurkgejm, E. (1966). *Norma i patologiya*. V *Sociologiya prestupnosti*. Moscow: Progress.
- Zhalinskij, A. E. (2009). *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: Teoretiko-instrumental'nyj analiz* (2-e izd.). Moscow: Prospekt.
- Zhmurov, D. V. (2012). *Kriminologiya v epohu postmoderna. V poiskah novyh otvetov*. Irkutsk: BGU.
- Zdravomyslov, A. G. (1971). *Metodologicheskie problemy izucheniya deviantnogo povedeniya: materialy sociologicheskogo simpoziuma*. Erevan.
- Ismajlov, R. N. (2018). *Kriminologiya v obshchestve postmoderna*. Saint Petersburg: Alef-Press.
- Kunc, K.-L. (2019). *Vvedenie v kriminologicheskoe myshlenie*. Saint Petersburg: Alef-Press.
- Sellin, T. (1966). Konflikt norm povedeniya. V *Sociologiya prestupnosti* (str. 282-287). Moscow: Progress.
- Ushakova, E. S. (2011). *Suicidal'nyj risk: sociologicheskij analiz*. LAP LAMBERT Academic Publishing.
- Chestnov, I. L. (2014). Postmodernizm kak vyzov yurisprudencii. *Obshchestvo i chelovek*, 4 (10), 47-48.
- Chizhevskij, A. L. (1995). *Kosmicheskij pul's zhizni: Zemlya v ob'yatnyah Solnca. Geliotaraksiya*. Moscow: Mysl'.
- Shchedrin, N. V. (2018). Predely predupreditel'noj deyatel'nosti. *Lex Russia*, 9, 39-53. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053>
- Shchedrin, N. V. (2019). *Mery bezopasnosti i (ili) prava cheloveka? Social'nyj kontrol' nad prestupnost'yu: Chto delat'?* Saint Petersburg: Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A. I. Gercena.
- Barkan, S. (1997). *Criminology: A Sociological Understanding*. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River.
- Caffrey, S. & Mundy C. (Eds.) (1995). *The Sociology of Crime and Deviance*. Greenwich University Press.
- De Keseredy, W. & Schwartz, M. (1996). *Contemporary Criminology*. Wadsworth Publishing Co.
- Gregoriou, Ch. (Ed.) (2012). *Constructing Crime*. Palgrave Macmillan.
- Hester, S. & Eglin, P. (1992). *Sociology of Crime*. NY., L.: Routledge.
- Muncie, J. & McLaughlin, E. (Eds.) (1996). *The Problem of Crime*. United Kingdom: SAGE.
- Sumner, C. (1994). *The Sociology of Deviance. An Obituary*. Buckingham: Open University Press.

Информация об авторе:

Гилинский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 05.01.2022

Одобрена после рецензирования 10.02.2022

Опубликована 29.04.2022

About the author:

Yakov I. Gilinskiy – Dr. of Sciences (Law), Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted January 05, 2022

Approved after reviewing February 10, 2022

Accepted April 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 316.1:343.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-17-26

От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии

Комлев Юрий ЮрьевичКазанский юридический институт МВД России
(Казань, Россия)
levkom@list.ru

Аннотация

В статье раскрыты основные этапы и специфика социально-технологических перемен в мире и России начала XXI века. Показано, что цифровизация и сетевизация – фундаментальные измерения социума эпохи постмодерна. Выделены основные проявления преступности и девиантности в киберпространстве. Показано, что на современном этапе пользователи интернета, социальных сетей и цифровых платежных систем – основные жертвы пандемии киберпреступности. Исследования киберпреступности и других проявлений девиантности следует проводить с опорой на гибридизацию социологических, технологических и других знаний. Предложено использовать в интернет-исследованиях методологическую триангуляцию эмпирических методов в сочетании с вычислительными алгоритмами и аналитикой «big data». Сделан вывод, что сложились онтологические и методологические предпосылки для развития цифровой девиантологии как интегративной социологической науки о киберпреступности и других проявлениях кибердевиантности.

Ключевые слова

цифровизация, сетевизация, постмодерн, цифровое общество, киберпреступность, кибердевиантность, интегративный подход, методологическая триангуляция, цифровая социология, цифровая криминология, цифровая девиантология

Для цитирования: Комлев, Ю. Ю. (2022). От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 17–26. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-17-26.

Original paper

Yuri Yu. KomlevKazan Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia (Kazan, Russia)
levkom@list.ru

From digitalization of society to cybercrime, cyber deviance and the development of digital deviantology

Abstract

The article reveals the main stages and specificity of socio-technological changes in the world and in Russia at the beginning of the XXI century. It is shown that digitalization and networkization are fundamental dimensions of society in the postmodern era. The main manifestations of crime and deviance in cyberspace are highlighted. It is shown that at the present stage, Internet, social networks

and digital payment systems users are the main victims of the cybercrime pandemic. Research into cybercrime and other manifestations of deviance should be based on a hybridization of sociological, technological and other knowledge. It is proposed to use the methodological triangulation of empirical methods in combination with computational algorithms and big data analytics in Internet research. The author concludes that ontological and methodological prerequisites for the development of digital deviantology as an integrative sociological science about cybercrime and other manifestations of cyberdeviance have been formed.

Keywords

digitalization, networkization, postmodernity, digital society, cybercrime, cyberdeviance, integrative approach, methodological triangulation, digital sociology, digital criminology, digital deviantology

For citation: Komlev, Yu. Yu. (2022). From digitalization of society to cybercrime, cyber deviance and the development of digital deviantology. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 17–26. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-17-26.

Введение в проблематику исследования

Цифровые технологии, компьютеры, смартфоны и другие «умные» девайсы и «вещи» радикально преобразовали образ жизни и практики людей в условиях турбулентности, рисков и неопределенности социума эпохи постмодерн. Проблематика цифровой и сетевой трансформации, особенно в последние годы, имеет свою специфику, что отражается на положительном и отрицательном контекстах радикальных социальных перемен.

Проводятся многочисленные интернет-исследования, растет количество публикаций и научных конференций на тему цифровизации и кибердевиантности, формируются новые предметные области на стыке наук об обществе, человеке, IT-технологиях. Ответы на пандемийный рост киберпреступлений и других девиаций ищет зарубежная и отечественная наука. Изучение англоязычных и отечественных работ методом качественного контент-анализа, обобщение передового опыта исследований кибердевиантности показывают, что ясно просматривается вектор на интеграцию не только социальных, психологических, юридических, но прежде всего технологических знаний. В исследовательскую практику девиантологов проникают бесконтактные методы и подходы интернет-исследований. Альянс криминологов, девиантологов, математиков и IT-специалистов показывает преимущества методологической триангуляции в сочетании с алгоритмами обработки «big data» при изучении преступности и девиантности в киберпространстве.

Вслед за цифровой социологией все четче определяется понятийный ряд, предметное поле и методология цифровой криминологии как наиболее развитой части девиантологии цифрового мира и других наук, объектом которых является отклоняющееся поведение человека. Непротиворечивый синтез, гибридизация социальных и технологических знаний с математически выверенными оценками, прогнозированием и мониторингом цифровых преступлений ведут к разработке и внедрению новых практик цифрового социального контроля, опирающихся на цифровые технологии и искусственный интеллект, что делает их адекватными вызовам XXI века.

Цифровизация и сетевизация – фундаментальные измерения социума постмодерна: хронология социально-технологических перемен

На связь технологий и социальных сдвигов внимание обращали как классики социологии О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, так и их последователи. В XX веке под влиянием достижений научно-технической революции технологический детерминизм нашел яркое отражение в работах Т. Веблена, У. Ростоу, Д. Бэлла, А. Тоффлера, У. Огборна, Л. Мамфорда, Ж. Эллюля, Е. Масуды, Т. Стоуньера, М. Кастельса.

Как известно, в 1941 году в США была разработана первая электронно-вычислительная машина (ЭВМ) «Марк I». В 1950 году в СССР были созданы автоматическая цифровая вычислительная машина АЦВМ М-1 и малая электронная счетная машина МЭСМ. Изобретение ЭВМ стало величайшим событием XX века, сопоставимым с появлением колеса, письменности или огнестрельного оружия. Последовавшее затем стремительное развитие элементной базы вычислительной техники, операционных систем и программного обеспечения привело к появлению персональных компьютеров.

Что характеризует специфику социально-технологических перемен в мире постмодерна?

Во-первых, к началу XXI века, благодаря техническому и технологическому прогрессу, персональные компьютеры стали доступными для массового потребителя.

Во-вторых, развитие на рубеже веков локальных, связанных между собой вычислительных станций с переходом к протоколам мгновенной передачи текстовых данных стало ключевой предпосылкой для «живого» общения пользователей в режиме реального времени. В 1989 году Тим Бернерс-Ли сформулировал идею компьютерной сети как «всемирной паутины». В рамках своего гипертекстового проекта Бернерс-Ли создал первый веб-сервер и веб-браузер «WorldWideWeb». В 1990-е годы произошло объединение большинства существовавших компьютерных сетей. В итоге технологических решений сложился интернет – как глобальная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации, объединяющая

по каналам цифровой связи своих пользователей. Интернет стал стремительно обретать популярность за счет того, что его пользователи получили общедоступные и практически неограниченные возможности для создания, обработки, накопления, а также передачи и получения текстовых, графических, аудио- и видеоданных. Ко второй половине 2010-х годов интернет как глобальный и высокотехнологичный инструмент осуществления связи и коммуникаций, получения информации существенно потеснил «классические» институты массмедиа (телевидение, радио, печать), нарастил свою аудиторию. По открытым данным Digital 2020, количество интернет-пользователей в мире достигло 4,54 миллиарда. В России зарегистрировано 118 миллионов интернет-пользователей (по числу посетителей «мировой паутины» страна на 8-м месте в мире).¹

”

Изобретение ЭВМ стало величайшим событием XX века, сопоставимым с появлением колеса, письменности или огнестрельного оружия. Последовавшее затем стремительное развитие элементной базы вычислительной техники, операционных систем и программного обеспечения привело к появлению персональных компьютеров.

“

Интернет объединяет не только миллионы своих пользователей по всему миру, но и необходимые им цифровые ресурсы, массу «умных вещей» – Internet of Things (IoT). В соответствии с этим трендом любые цифровые медиаплатформы и девайсы работают, обмениваются данными между собой с минимальным участием человека или даже без него.

Интернет-ресурсы предоставляют все больше возможностей не только для поиска и использования ин-

формации, осуществления почтовой переписки, визуального online-общения, но и ведения online-бизнеса, online-шопинга, online-обучения, online-развлечений, online-гражданской активности и других форм человеческой деятельности.

Интернет стал центральным звеном практически всех форм деятельности и социального взаимодействия людей.

В-третьих, использование интернета сочетается с развитием новых цифровых технологий беспроводной связи (4G, 5G-сети), отличающихся быстротой соединения абонентов и высоким качеством передачи данных. Происходит дальнейшая конвергенция — объединение сервисов первого поколения (передачи голоса, данных и видео) с возможностями новых цифровых сервисов на основе нейротехнологий и искусственного интеллекта, алгоритмов обработки «big data», использования интернета «умных вещей».²

В цифровой экономике широко используются не только быстродействующие телекоммуникации интернет вещей, но и промышленный интернет, технологии дополненной и виртуальной реальности, системы распределенного реестра (блокчейн), квантовые технологии, новинки робототехники и сенсорики. Наряду с самой заметной работой по цифровизации в сфере экономики она распространяется на другие социально значимые виды деятельности (цифровая медицина, цифровое образование, цифровая безопасность, работа государственных органов и др.). Процесс «перехода на цифру» охватил практически весь социум.

Цифровизацию общества можно определить в социологическом значении как широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы социальной реальности – жизни и деятельности человека.

В 2020–2021 годы этот процесс ускоряется из-за пандемии коронавируса. Периодические локдауны стимулируют дальнейшую цифровизацию образовательной системы, медицины, банковского дела, транспортного обслуживания, ряда других отраслей экономики и социальной сферы. Интернет-торговля, сервисы для работы из дома получают еще большее распространение. В 2020 году Россия на 200 % увеличивает затраты на цифровизацию экономики. На Восточном экономическом форуме в сентябре 2021 года эксперты определяют, что по уровню цифровизации страна занимает 27-е место в мире.³

В настоящее время цифровизацией охвачены практически все подсистемы российского социума:

¹ Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite - [Электронный ресурс]. URL:<https://e-libris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/>

² Конвергенция Next Step. часть 1: Как сбываются прогнозы - [Электронный ресурс]. URL:<https://telesputnik.ru/materials/convergence/conv/konvergentsiya-2-0/>

³ Россия заняла 27-е место в рейтинге стран по цифровизации - [Электронный ресурс]. URL:<https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748459672.html>

экономика, управление, транспортное обслуживание и логистика, образование, массмедиа, здравоохранение. В цифровом измерении трансформируется и социальная структура, что выражается в «цифровой стратификации», неравном доступе к цифровым услугам, в различии в цифровых компетенциях. Появление online-банков, online-вузов, online-магазинов, online-поликлиник отразилось и на функционировании социальных институтов. Цифровые технологии все глубже проникают в образ жизни и поведение современного человека, утверждая в повседневной жизни массы людей новые социально-коммуникативные практики и эффекты.

В-четвертых, с 2002 года и по сей день за счет распространения online-платформ в интернете, миниатюризации планшетов, смартфонов, сочетающих функционал компьютера с преимуществами сотовой связи, происходит взрывной рост популярности социальных сетей и в целом социальных медиа. Наибольшую популярность среди пользователей приобретают online-платформы: Facebook, Youtube, WhatsApp, Instagram, Tiktok, Twitte, Вконтакте, Одноклассники. Так, Facebook объединяет 2,5 миллиарда активных пользователей в месяц, Youtube – 2 миллиарда, WhatsApp – 1,6 миллиарда, «Вконтакте» более 300 миллионов, в «Одноклассниках» – 290 млн человек. Численность участников сетевого общения в России составляет 50 % от всего населения страны.

Таким образом, происходит масштабная *сетевизация социума*. Социальные сети в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей, существовали, разумеется, во всех обществах и до компьютерной эпохи и цифровизации. В настоящее же время число сетевых пользователей достигло такого уровня, что позволяет электронным коммуникациям с помощью online-платформ охватить практически все общности и слои социума. В итоге сетевизация привела к образованию и стремительному расширению сетевых online-сообществ.

Пользователи социальных сетей могут посредством включения или исключения из списка контактов себя или других людей автономно его определять или переопределять, устанавливая, поддерживать и развивать социальные связи и взаимодействия. Они вправе самостоятельно создавать веб-ссылки и самостоятельно выбирать и транслировать тот или иной контент. Благодаря этому в социальных сетях происходит интенсивное общение людей, живущих в разных городах и странах, объединенных в группы общими интересами, целями, планами, профессиональными и иными признаками. В сетях удобно презентовать и рекламировать свои идеи, проекты, искать заинтересованную аудиторию, приумножать число сторонников или партнеров по увлечению или бизнесу. Online-платформы создают уникальные условия для самореализации, самообра-

зования, интенсивного обмена новостями, другой актуальной информацией. Таким образом, в социальных сетях происходит индивидуализация их пользователей в плане конструирования собственной автономии, самореализации, самопрезентации, самоорганизации.

Последствия цифровой сетевизации предрек М. Кастельс на исходе XX века, указав, что сети составят новую социальную морфологию социума. В сетевом обществе (*network society*) «ключевые социальные структуры» и деятельность его членов будут «организованы вокруг сетей электронных коммуникаций».

В-пятых, сетевизация ускоряет процесс цифровизации социума. На online-платформах сегодня разворачиваются практически все виды эффективной деятельности и социальной активности в цифровом пространстве — не только персональное дружеское общение, но и бизнес, коммерция, маркетинг, образование, развлечения, обсуждения новостей в сфере отдыха и здоровья, путешествий и социально-политической активности.

”

Цифровые технологии все глубже проникают в образ жизни и поведение современного человека, утверждая в повседневной жизни массы людей новые социально-коммуникативные практики и эффекты.

“

Развивающееся по экспоненциальному закону социальное online-пространство представляет собой сегодня, по оценке Карен Моссбергер, «социально-технологическую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство». (Mossberger et al, 2008).

Таким образом, в первые десятилетия XXI века интернет, цифровые технологии в области передачи и обработки данных, online-платформы привели к цифровизации и сетевизации общества эпохи постмодерна. Социум приобрел эти новые фундаментальные изменения. Они в значительной мере определяют не только

новую социальную структуру, функционирование социальных институтов, но и новые формы социального взаимодействия и новые социальные практики.

Движение к цифровому обществу – процесс прогрессивный, неотвратимый, но неоднозначный. С одной стороны, он стимулирует позитивные социальные сдвиги. Так, в хозяйственной деятельности: исключается рутинный бумажный документооборот; ускоряются все технологические процессы; повышается производительность труда, прибыль; минимизируются издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров; снижается влияние ошибок, связанных с «человеческим фактором». К несомненным плюсам цифрового мира относят: практически неограниченные возможности для удаленного общения, для самовыражения и саморазвития личности, для развлечений и обучения при чтении, просмотре и прослушивании контента. Колоссальные возможности он создает для использования рекламы в продвижении бизнеса, организации интернет-торговли и других форм заработка, создания или получения множества цифровых услуг.

Кроме того, цифровой мир разнообразит формы индивидуализации и самореализации цифровых пользователей, лучше обеспечивает права человека на свободу выражения мнений и свободу получения информации. Кастельс прозорливо считал, что с развитием социальных сетей и online-сообществ «дух свободы выпущен из запечатанной бутылки медиа, и эта свобода оказывается доступной людям во всем мире».

Однако, с другой стороны, цифровизация и сетевизация создают немало социальных проблем. Социологи и девиантологи обращают внимание на негативные социальные последствия, которые являются следствием очередной технологической революции. Среди них в первую очередь заявляет о себе феномен «цифрового социального неравенства», состоящий в разрыве уровней образования между людьми (в обладании цифровыми компетенциями), в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. «Цифровое социальное неравенство» служит новым индикатором для обозначения взаимосвязи социального неблагополучия определенных групп общества с отсутствием доступа к цифровым технологиям. Эта проблема актуальна для представителей бедных и малообеспеченных социальных групп, либо людей, живущих в отдаленных регионах, где нет интернета, а также для лиц с ограниченными возможностями.

Кроме того, в цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы и клерки, занятые рутинной, поддающейся оцифровке. Все эти люди как жертвы массовой безработицы могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом к новым цифровым

условиям на рынке труда. Сетевые ресурсы и медиа создаются разработчиками, интересы которых определяются коммерческими и корпоративными императивами, а не пользователями. Отсюда неумное стремление цифровых корпораций к извлечению прибыли в рамках цифровой экономики, что нередко сопряжено с нарушением и даже разрушением социальных норм сомнительным контентом. Перевод личной и конфиденциальной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, кем, как и где хранятся, используются его данные.

От преступлений против компьютеров к преступлениям против пользователей интернета и социальных сетей, цифровых платежных систем

Переход в цифровой мир создал невиданные ранее технологические возможности и условия для развития криминальных форм девиантности. Киберпреступность можно определить как множество проявлений негативной кибердевиантности, состоящих в нарушении уголовно-правовых запретов с использованием компьютеров, цифровых технологий и обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей. В обзоре австралийских криминологов (Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон) структурирован ряд наиболее общественно опасных киберпреступлений. Среди них:

- киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным, с помощью взломов, онлайн-атак и / или «вредоносных программ, вирусов»;
- киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ;
- кибертерроризм в форме сообщений, поддерживающих предполагаемые террористические акты; распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и другого оружия и прочее;
- киберсекс-торговля людьми и секс-туризм, а также сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве.

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе было признано, что киберпреступность стала одним из наиболее критических, глобальных рисков в контексте финансового ущерба от кибератак, который исчисляется триллионами долларов. Причем эти оценки весьма условны, поскольку не отражают в полной мере положения дел в бизнесе из-за стремления финансовых организаций избежать репутационных потерь. Среди новых проявлений кибердевиантности, обусловленных сетевизацией, следует выделить такие:

- сетевая зависимость с утратой навыков реального общения;
- бегство от действительности (искейперство);
- киберлудомания;

- виртуальные сексуальные домогательства и насилие;
- компьютерная педофилия;
- запугивание и киберпреследование;
- интернет-торговля наркотиками;
- пропаганда ненависти и распространение экстремистских идей.

Сетевизация породила и новые формы кибервиктимизации. Многие молодые люди, беспечно размещая и пересылая в социальных сетях личную информацию, фото и видео, рискуют стать жертвами злоумышленников, поскольку online-платформы никогда не удаляют контент пользователей и о пользователях. Например, серверы «Facebook» каждую неделю накапливают около 100 терабайт личной информации.

По мере роста online-сообществ быстро растет объем и так называемой «темной стороны» социальных сетей, где не соблюдаются законы, где похищаются и продаются личные данные пользователей и клиентов, различных, чаще всего банковских сервисов. Наибольшие риски кибервиктимизации существуют для таких уязвимых социальных групп, как обладатели электронных кошельков и платежных карт, а также подростки, женщины, пожилые люди, этнические меньшинства, участвующие в сетевом общении.

С начала 1990-х годов социологи все чаще задаются вопросами о том, как интернет и новые способы высокотехнологичной коммуникации влияют на общество, на жизнь и социальные практики людей. Количество социологических исследований в области «цифрового сдвига» нарастает в начале нового столетия, о чем свидетельствуют научные публикации и конференции. Чем больше используются людьми интернет-технологии, тем большее значение приобретают социологические исследования социально-цифровых феноменов. Нейл Селвин, выражая позицию цифровых социологов, полагает, что «современное общество лучше понимать как сплетение человечности, материальности и дигитальности».

Цифровые реалии в жизни социума постмодерна оказали глубокое влияние на многие аспекты социальной жизни, социальные институты и социальные структуры, потребовали их осмысления на всех уровнях социологического анализа (макро, мезо, микро), что изменило и саму социологию, способствовало быстрому развитию цифровой науки об обществе. В 2009 году в англоязычном дискурсе в научный оборот вводится термин «digital sociology» («цифровая социология»). К настоящему времени трудами «цифровых социологов» (в их числе Нх. Маррес, С. Хэлфорд, Х. Кеннеди, К. Ортон-Джонсон, К. Грегори, Д. Дэниэлс, Т. Стэмм, Т. Макмиллан Коттом, Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон, М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис, Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон, О. В. Крыштановская, М. В. Кобакин, С. А. Гришаева, В. Ф. Ницевич, А. П. Климович, Д. Е. Добринская, М. М. Назаров,

А. В. Смирнов, А. А. Деревянченко, Т. Ф. Кузнецова и многие др.) анализируются феноменология «цифрового общества», социальные эффекты и проблемы цифрового мира, создаваемые интернетом, популярными социальными сетями и медиа. В 2019 году в России начал издаваться журнал «Цифровая социология».

Примечательно, что в интернет-исследованиях широко используются положения семиотики, теории массмедиа, социологии культуры, социологии науки и технологий. Они существенно раздвигают границы социологического изучения цифровых реалий в жизни социума, в том числе цифровых парадоксов и цифровой девиантности. Многие интернет-исследования наряду с проблематикой социального неравенства затрагивают вопросы девиантизации и виктимизации интернет-пользователей.

Дэбора Лаптон – один из ярких исследователей интернета – в структуре цифровой социологии выделяет цифровые практики, состоящие в использовании цифровых инструментов для создания платформ, социальных сетей, электронных портфолио, онлайн-профилей. Она критически анализирует использование цифровых технологий, показывает роль социальных сетей и медиа в создании или воспроизводстве социальных институтов и структур, обобщает методы сбора цифровых данных в интернет-исследованиях. Лаптон обращает внимание на ключевую роль цифровых технологий как в контексте воспроизводства цифрового неравенства, так и кибердевиантности, совершения киберпреступлений, цифровой виктимизации. Кроме того, для зарубежных интернет-исследований весьма типичен анализ идентификационных процессов, происходящих в киберпространстве. Среди них: изучение online-сообществ, представителей маргинальных групп, расовых и этнических меньшинств, ЛГБТ-сообществ, а также экстремистов и групп ненависти.

Судя по содержанию публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах, наибольший интерес зарубежные и отечественные исследователи проявляют к изучению старых и новых форм киберпреступности, специфики социального контроля над их проявлениями, а также методам исследования. На основании материалов контент-анализа можно сделать ряд обобщений.

Во-первых, на начальном этапе цифровизации – в первые годы XXI века – интерес исследователей (Монтгомери, Клаф, Уолл, Смит, Грабоски, Урбас и др.) был обращен преимущественно к *киберпреступлениям, совершаемым в отношении компьютеров*. Среди них: взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам, киберкражи денежных средств и финансовых данных, интеллектуальной собственности с помощью вредоносных программ у корпоративных клиентов. Объяснительные модели преступлений,

«сфокусированных на компьютере», в этот период опираются на положения традиционных модернистских теорий преступности и соответствующие им методы так, как это было, например, при изучении обычных «уличных» краж. Область знаний по изучению компьютерных преступлений в зарубежных публикациях в этот период чаще всего именуется «*компьютерной криминологией*». Сложившуюся ситуацию в предметном поле нового научного направления хорошо отражает метафора, предложенная П. Грабоски – «старое вино в новых бутылках».

”

**Киберпреступления
и другие цифровые девиации
в новейший период
чрезвычайно латентны,
разнообразны, носят
трансграничный характер.**

“

Во-вторых, на последующих этапах цифровизации с развитием сетевизации, когда невероятно возросла популярность online-платформ и выросла численность сетевых online-сообществ, у киберпреступников появилось значительно больше новых возможностей для совершения киберпреступлений в отношении пользователей сетевых ресурсов, цифровых услуг платежных систем. Типичным способом кибератак стали рассылки фишинговых сообщений (поддельных писем) интернет- и сетевым пользователям с целью войти к ним в доверие и совершить кибермошенничество.

Наряду с корыстной киберпреступностью в поле зрения исследователей вошли весьма опасные проявления кибердевиантности. Они включают: online-сексуальную эксплуатацию детей и детскую порнографию, секс-торговлю людьми и секс-туризм

(Митчелл, 2010; Рейнс, Хенсон, Фишер 2011); различные формы кибернасилия, киберпреследования и киберзапугивания (киберсталкерство, кибербуллинг), кибертерроризм и распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ) (Веббер, 2013; Мартин, 2014; Уэйменн, 2016 и др.).

В-третьих, с 2020 года преступники в целях обогащения стали использовать сложную ситуацию в мире с пандемией ковида. Они распространяют от имени авторитетных медицинских организаций рекомендации по лечению и профилактике болезни, предлагая пользователям перейти по ссылкам на вредоносные сайты, где и выманивают личную информацию и данные платежных карт у своих жертв. Для похищения конфиденциальной информации частных лиц преступники стали использовать программы, которые маскируются под популярные сервисы, например, такие, как Zoom. Возросло число фиксируемых инцидентов, связанных с неприкосновенностью частной жизни, киберпреследованиями, распространением киберпорнографии, мошенничеством путем вовлечения женщин в романтические аферы.

В-четвертых, киберпреступность развивается по пандемийной траектории. Число киберпреступлений по итогам 2020 года увеличилось на 73,4 %. Эксперты МВД России свидетельствуют, что доля регистрируемых преступлений, совершаемых в интернете или в компьютерной сфере, постоянно растет и в настоящее время превышает 25 % от общего числа всех преступлений.⁴ Киберпреступления и другие цифровые девиации в новейший период чрезвычайно латентны, разнообразны, носят трансграничный характер. Они в большей степени направлены *не на компьютер, а на человека – пользователя Интернета, социальных сетей, коммуникативных технологий и цифровых платежных систем*. Преступников интересуют реквизиты банковских счетов, пластиковых карт своих жертв. По оценкам отечественных исследователей из Академии управления МВД России, 80 % зарегистрированных киберпреступлений совершаются против собственности – «в основном это кражи и мошенничество». (Ищук и др., 2021). По данным органов прокуратуры, в 2019 году две трети киберпреступлений составляли мошенничества (40 %) и кражи (24 %) с применением платежных систем или интернета. Из них 12 % непосредственно связаны с пластиковыми картами, около 40 % совершены с применением средств мобильной связи, 5,5 % – с использованием электронных средств платежа. При этом отмечается, что половина задержанных за киберпреступления совершали их и ранее.⁵

⁴ Соловьева, О. Доля цифрового криминала в России превысила 25%. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics2.html

⁵ Генпрокуратура предлагает подумать о создании центра по сбору данных о киберпреступности - [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7983073>

К цифровой криминологии и девиантологии

Приоритетом в развитии социальных наук последних лет стали полипарадигмальность, теоретический синтез, интегративность, стирающие или перестраивающие межпредметные границы, что особенно заметно в зарубежной девиантологии и криминологии (Ш. Браун, М. Яр, К. Хейворд, Г. Барак, Г. Страттон и др.). Закономерный спрос на интегративный подход, междисциплинарные исследования преступности с использованием возможностей дополняющих друг друга теорий и методологических принципов отмечают и отечественные криминологи (Т. М. Судакова, В. А. Номоконов).

Судя по публикациям, материалам конференций последних лет область знаний по изучению преступлений в цифровом мире как зарубежными, так и отечественными исследователями чаще всего именуется «цифровой криминологией». В трудах цифровых криминологов широко используются идеи гибридизации социологических, психологических, криминологических и технологических знаний для исследования киберпреступности и других проявлений девиантности. Например, гибридизированный подход, обозначенный Ш. Браун, позволяет учитывать роль цифровых технологий в широком спектре правонарушений и виктимизации; сетевого опыта в совершении преступлений; online-маргинализацию по признакам пола, возраста, этничности; состояние и динамику цифрового неравенства и другие социоструктурные и процессуальные факторы. Теоретики цифровой трансформации социума и высокотехнологичной преступности Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон процесс цифровизации интерпретируют как совмещение цифрового и социального, а кибердевиантность как техносциальные практики в цифровом мире. Осмысление кибердевиантности и киберпреступности в контексте новой цифровой социальной реальности находит отражение в работах российских исследователей. О кибердевиантности и киберпреступности как порождении виртуализации и «цифровизации» жизнедеятельности пишет Я. И. Гилинский. М. В. Костоломова рассматривает цифровые девиации как «совокупность нетипичных, отклоняющихся от социальных норм, эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций человека на кардинальные изменения социальной реальности, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия». (Костоломова, 2020). Ряд основательных работ в предметном поле цифровой криминологии подготовлены В. С. Овчинским, Я. И. Гилинским, Я. Г. Ищуком, Т. В. Пинкевич, Е. С. Смольяниновым, В. А. Номоконовым, А. П. Суходоловым, М. А. Калужиной, Б. А. Спасенниковым, В. С. Колодиным, С. В. Максимовым, Ю. Г. Васиным и другими авторами. Самый существенный взнос в развитие отечественной цифровой криминологии

сделан трудами В. С. Овчинского. Он первым обосновал и структурировал цифровую криминологию как самостоятельную науку, проанализировал киберпреступность, кибертерроризм, киберэкстремизм и другие девиации цифрового мира, предложил пути их профилактики, противодействия, в том числе средствами цифрового социального контроля. Работ, посвященных цифровой девиантологии, еще немного, поскольку эта область социологического знания лишь формируется, не утвердилась. В аналогичном положении оказались цифровая культурология, цифровая антропология, где как пишет Д. Лаптон, пересекаются предметные поля, понятия, подходы, исследовательские темы и методы, характерные для всех социальных наук.

Цифровая девиантология может рассматриваться как органичная часть цифровой социологии, которая к настоящему времени накопила ценный опыт бесконтактных интернет-опросов, необходимых для использования в целевых группах преступников, экстремистов, наркопотребителей, проституток, представителей сексуальных меньшинств и других девиантов, то есть среди тех, кто не идет на общение с исследователями лицом к лицу. Эмпириками для изучения цифровых девиаций широко используется анализ нарративов в сетевых дискурсах и другие качественные методики. Наряду с количественными и качественными социологическими методами в интернет-исследованиях к сбору и обработке цифровой информации исследователи «подключают» математические методы, знания IT-специалистов, вычислительные алгоритмы и аналитику «big data». В структуре таких данных могут быть сведения о наличии судимости, административных правонарушений, нахождении в розыске, информация об участии в различных сообществах и другие структурированные и неструктурированные материалы из официальных и неофициальных источников, в том числе социальных сетей. Так, например, поступают британские криминологи М. Уильямс и П. Бернап, изучающие терроризм, преступления ненависти и «триггерную» преступность.

Следовательно, в последние годы усилиями зарубежных и отечественных исследователей проясняется и уточняется предметное поле и методология цифровой девиантологии как интегративной социологической науки о киберпреступности и других проявлениях кибердевиантности. В теоретико-методологический фрейм цифровой девиантологии легко включаются понятия и непротиворечивые положения из цифровой социологии, цифровой криминологии, культурологии, психологии, теории массмедиа, юриспруденции и других наук, в том числе математических, а также методологические приемы и алгоритмы, позволяющие собирать и обрабатывать формализованные и неформализованные данные из цифровых источников. Развитие цифровой девиантологии – закономерный

результат прогресса в цифровой социологии и криминологии, в других областях знания о цифровом социуме и цифровых технологиях.

Выводы и предложения

Указанные выше тренды в развитии цифровизации, сетевизации социума, киберпреступности и других проявлений кибердевиантности типичны для высокотехнологичных обществ на этапе постмодерна. Эти вызовы создают стимулы для изучения и критического осмысления в рамках цифровой социологии цифровых технологий и феноменов, социальных последствий и проблем, которые они порождают. Однако любого человека, сообщество в целом и государство все больше тревожит рост киберпреступности и кибердевиантности. Социальный заказ для ответа на новые цифровые вызовы, на новое знание сложился. Со своей стороны он запускает развитие девиантологии, которое идет по траектории, аналогичной развитию цифровой социологии и других цифровых дисциплин, с интенсивной интеграцией социальных, технологических и других знаний о цифровизации социума, преступлениях и девиациях цифрового мира. Происходит разработка девиантологических понятий, описание киберфеноменов девиантности прежде всего в рамках цифровой криминологии. Расширяется пул методов эмпирических исследований. Использование методологической триангуляции в интернет-исследованиях в сочетании с вычислительными методами – надежный путь для оценки, описания и детерминации цифровых девиаций, построения прогностических моделей.

Девиантологическое изучение киберпреступности и кибердевиантности позволяет диалектично моделировать причины и следствия, оценивать и анализировать формы, специфику и тренды многообразной девиантной активности в цифровом обществе. На интегративном теоретико-методологическом фундаменте возникает реальная возможность предвидеть время и место совершения киберпреступлений с помощью аналитики «big data» и эвристического потенциала алгоритмов искусственного интеллекта. Эта девиантологическая информация имеет не только научную, но и практическую ценность, поскольку позволяет значительно улучшить использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур. За многомерной оценкой, математически выверенным прогнозированием и мониторингом цифровых преступлений следует и выработка новых правовых форм, эффективных практик цифрового социального контроля, адекватных новой социально-технологической реальности.

Таким образом, краткий обзор социально-технологических сдвигов цифровой трансформации социума с нарастанием его девиантизации, а также интернет-исследований киберпреступности и других проявлений цифровой девиантности показывает, что сложились онтологические, социальные и методологические предпосылки для развития цифровой девиантологии – науки, которая создает интегративную основу дальнейших исследований многообразных проявлений девиантности и социального контроля в цифровом мире. И это лишь начало движения, к которому приглашаются новые, молодые силы, готовые дерзать и проводить исследования в поиске цифровых девиантологических знаний.

Список литературы

- Гилинский, Я. И. (2020). Цифровой мир и право. *Правовое государство: теория и практика*, 4(62), 22-27.
- Ищук, Я. Г., Пинкевич, Т. В., Смольянинов, Е. С. (2021). *Цифровая криминология: учебное пособие*. Москва: Академия управления МВД России.
- Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе* (пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой). Екатеринбург: У-Фактория.
- Кастельс, М. (2020). *Власть коммуникации: учебное пособие* (3-е изд., пер. с англ. Н. М. Тылевич, А. А. Архипова; под ред. А. И. Черных). Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Комлев, Ю. Ю. (2020). Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 1 (39), 31–40.
- Комлев, Ю. Ю. (2021). От цифровизации и сетевизации к цифровому гражданству и цифровому гражданскому обществу. В В. В. Балахонский, А. Г. Никулин (ред.) *Актуальные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества: философско-правовые и социально-политические аспекты: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 26 мая 2021 года, стр. 335-346). Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Комлев, Ю. Ю. (2019). *Интегративная криминология: девиантологический очерк: учебное пособие* (2-е изд., доп. и перераб.) Москва: ДГСК МВД России.
- Костоломова, М. В. (2020). Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия. *Социологическая наука и социальная практика*, (2), 41-53.
- Овчинский, В. С. (2018). *Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры*. Москва: Норма ИНФРА.
- Судакова, Т. М., Номоконов, В. А. (2018). Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций. *Всероссийский криминологический журнал*, (4), 531–540.

- Lupton, D. (2012). *Digital Sociology: An Introduction*. Sydney: University of Sydney.
- Mossberger, K., Tolbert, C. J., McNeal, R. S. (2008). *Digital Citizenship The Internet, Society and Participation*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Stratton, G., Powell, A., Cameron, R. (2017). Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology'. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 6(2), 17-33. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev
- Selwyn, N., Nemorin, S., Bulfin, S., Johnson, N. (2016). Toward a digital sociology of school. In J. Daniels, K. Gregory, T. McMillan Cottom (eds) *Digital sociologies*. Bristol, Policy Press.
- Williams, Matthew L., Burnap, P. (2016). Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data. *The British Journal of Criminology*, 56(2), 211-238. URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059>

References

- Gilinskij, Ya. I. (2020). Cifrovoj mir i pravo. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 4(62), 22-27.
- Ishchuk, Ya. G., Pinkevich, T. V., Smol'yaninov, E. S. (2021). *Cifrovaya kriminologiya: uchebnoe posobie*. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii.
- Kastel's, M. (2004). *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* (per. s angl. A. Matveeva; pod red. V. Haritonova). Yekaterinburg: U-Faktoriya.
- Kastel's, M. (2020). *Vlast' kommunikacii: uchebnoe posobie* (3-e izd., per. s angl. N. M. Tylevich, A. A. Arhipova; pod red. A. I. Chernyh). Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki.
- Komlev, Yu. Yu. (2020). Cifrovizaciya, setevizaciya obshchestva postmoderna i razvitie cifrovoj kriminologii i deviantologii. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1 (39), 31–40.
- Komlev, Yu. Yu. (2021). Ot cifrovizacii i setevizacii k cifrovomu grazhdanstvu i cifrovomu grazhdanskomu obshchestvu. V V. V. Balahonskij, A. G. Nikulin (red.) *Aktual'nye problemy vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva: filosofsko-pravovye i social'no-politicheskie aspekty: sbornik statej po materialam vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 26 maya 2021 goda, str. 335-346). Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Komlev, Yu. Yu. (2019). *Integrativnaya kriminologiya: deviantologicheskij ocherk: uchebnoe posobie* (2-e izd., dop. i pererab.) Moscow: DGSK MVD Rossii.
- Kostolomova, M. V. (2020). Cifrovaya deviaciya kak fenomen novoj social'noj real'nosti: metodologicheskie osnovaniya i konceptualizaciya ponyatiya. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, (2), 41-53.
- Ovchinskij, V. S. (2018). *Kriminologiya cifrovogo mira: uchebnik dlya magistratury*. Moscow: Norma INFRA.
- Sudakova, T. M., Nomokonov, V. A. (2018). Osmyslenie budushchego kriminologii: obzor sovremennyh tendencij. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, (4), 531–540.
- Lupton, D. (2012). *Digital Sociology: An Introduction*. Sydney: University of Sydney.
- Mossberger, K., Tolbert, C. J. McNeal, R. S. (2008). *Digital Citizenship The Internet, Society and Participation*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Stratton, G., Powell, A., Cameron, R. (2017). Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology'. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 6(2), 17-33. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev
- Selwyn, N., Nemorin, S., Bulfin, S., Johnson, N. (2016). Toward a digital sociology of school. In J. Daniels, K. Gregory, T. McMillan Cottom (eds) *Digital sociologies*. Bristol, Policy Press.
- Williams, Matthew L., Burnap, P. (2016). Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data. *The British Journal of Criminology*, 56(2), 211-238. URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059>

Информация об авторе:

Комлев Юрий Юрьевич – профессор кафедры филологии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, доктор социологических наук, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 10.12.2021

Одобрена после рецензирования 14.01.2022

Опубликована 29.04.2022

About the author:

Yuri Yu. Komlev – Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sociological Sciences, Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted December 10, 2021

Approved after reviewing January 14, 2022

Accepted April 29, 2022

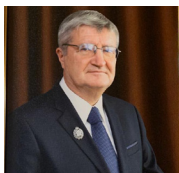
Оригинальная статья

УДК 316.622

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-27-38

Девиантное поведение: проблема методологического понимания нормы и ее социально-образовательных репрезентаций

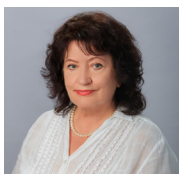
Балахонский Виталий Витальевич

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

Balakhonsky@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3098-2802

Балахонская Людмила Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

Lb234@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1842-5678

Аннотация

В статье исследуются методологические и содержательные проблемы понимания образовательной нормы, выясняется сущность и неоднозначность последствий девиантного поведения субъектов образовательной деятельности. Актуальность темы проводимого теоретического исследования определяется тем, что в современной научной литературе, посвященной изучению девиантного поведения, предметное поле рассмотрения, как правило, не распространяется на область педагогической деятельности, его норм и правил, в то время как данный вид деятельности представляет собой социально значимый аспект жизни общества, обладающий четко выраженной спецификой и неоднозначностью своих социальных и личностных последствий. Объектом изучения данной статьи выступает феномен девиантного поведения, предметом – формы его проявления в сфере образовательной деятельности. Цель статьи состоит в теоретическом осмыслении сущности образовательной девиации. Достижение данной цели предполагается путем решения следующих познавательных задач: уточнение смысла понятия «норма», определение ее специфики в области образовательной деятельности, изучение неоднозначных последствий образовательных девиаций. Проводимое исследование базируется на применении диалектического методологического инструментария, позволяющего понять предмет в его целостности и единстве противоположных сторон и тенденций развития. В статье обосновывается понимание образовательной нормы как синтеза организационных регламентаций данного вида деятельности и учета возможностей конструктивных отклонений от этой нормы, направленных на достижение социально либо индивидуально значимых педагогических результатов. Теоретическое значение такого подхода позволяет избежать упрощения и односторонности в понимании соотношения нормы и девиации в области педагогики, практическое значение – в возможности его методологического использования в процессе организационного нормирования образовательной деятельности.

Ключевые слова

девиантология, норма, девиация, образовательная норма, мера, норматив, стандарт, образование

Для цитирования: Балахонский, В. В., Балахонская, Л. В. (2022). Девиантное поведение: проблема методологического понимания нормы и ее социально-образовательных репрезентаций. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 27–38. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-27-38.

Vitaliy V. Balakhonsky

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
Balakhonsky@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3098-2802

Liudmila V.**Balakhonskaya**

Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
Lb234@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1842-5678

The deviant behavior: the problem of methodological understanding of the norm and its socio-educational representations

Abstract

The article examines the methodological and substantive problems of understanding the educational norm, reveals the essence and ambiguity of the consequences of the educational activity subjects' deviant behavior. The relevance of the topic of the theoretical research is determined by the fact that in the modern scientific literature devoted to the study of deviant behavior, the considered subject field as a rule does not extend to the field of pedagogical activity, its norms and rules, while this type of activity is a critically significant aspect of society that has a clearly defined specifics and ambiguity of its social and personal consequences. The object of research is the phenomenon of deviant behavior, the subject at hand are the forms of its manifestation in the field of educational activity. The purpose of the article is to conceptualize the essence of educational deviation. In order to achieve this goal, the authors address the following theoretical challenges: clarification of the meaning of the concept of «norm», determining its specifics in the field of educational activity, studying the ambiguous consequences of educational deviations. The conducted research is based on the use of dialectical methodological tools that allow to understand the subject in its integrity and unity of opposite sides and development trends. The article justifies the understanding of the educational norm as a synthesis of organizational regulations of this type of activity and considers the possibilities of constructive deviations from this norm aimed at achieving socially or individually significant pedagogical results. The theoretical significance of this approach avoids simplification and one-sidedness in understanding the ratio of norm and deviation in the field of pedagogy, while practical significance lays in the possibility of its methodological use in the process of creating organizational norms of the educational activities.

Keywords

deviantology, norm, deviation, educational norm, measure, regulation, standard, education

For citation: Balakhonsky, V. V., Balakhonskaya, L. V. (2022). The deviant behavior: the problem of methodological understanding of the norm and its socio-educational representations. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 27–38. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-27-38.

Введение

Девиантология как междисциплинарная научная дисциплина изучает поведение людей, не являющееся нормальным с точки зрения общества. Девиантное (отклоняющееся) поведение имеет многообразные формы, в современной научной литературе представлены классификации подобного поведения, построенные по различным основаниям.

В качестве подобных оснований наиболее часто выступают:

1) предметная область отклонения от нормы; в соответствии с этим дифференцируют правовую, нравственную, религиозную, медицинскую, психологическую, научно-парадигмальную и т. п. девиации (Арямов и др., 2020; Гилинский, 2021; Шумилин и Кузин, 2019; Goode, 2011).

2) причины отклоняющегося поведения, которые в обобщенном виде предстают в виде двух основных групп: (1) отклонения, вызванные субъективными факторами, – психологическими, физиологическими, возрастными, наследственными и т. п.; (2) отклонения, вызванные объективными факторами, – социальная среда, уровень образования, социальный статус и т. п. (Асильдерова и Маккашарипова, 2021; DeAngelo at al., 2017);

3) телеологические основания и мотивация отклонения от нормы, позволяющие выделять следующие виды девиантных действий: корыстные; агрессивные; личностно деструктивные (ведущие к дезинтеграции личности, уводящие ее от реальности); демонстрирующие неприятие социокультурных ценностей общества; привлекающие внимание к определенным феноменам (в качестве которых могут выступать как субъекты, так и объекты социальной деятельности. Примером телеологического отклонения от нормы на уровне субъекта может служить стремление к популярности блогеров интернета; на уровне объекта подобная девиация часто используется в рекламе товаров)¹ (Corkin at al., 2015);

4) субъекты девиантных действий, которые могут быть представлены на уровне индивидов, социальных групп и объединений, определенных социальных институтов (поступающих вопреки действующему законодательству), государств (проводящих внешнюю политику, противоречащую нормам международного права и нарушающих собственные межгосударственные договоры)²;

5) оценка социальных или ситуационных последствий девиантных действий, предполагающая их дифференциацию на конструктивные (имеющие положительное значение для общества и индивида последствия. Например, проявления гениальности ученого, связанные с нарушением устаревших парадигмальных требований и выходе на качественно более высокий уровень развития науки; действия человека, попавшего в экстремальную ситуацию и руководствующегося в своих действиях здравым смыслом, а не предписаниями типовой инструкции) и деструктивные, имеющие негативные личностные или социальные последствия (Снимщикова, 2010).

В процессе жизнедеятельности социума наибольшее распространение имеют следующие формы девиантного поведения:

- преступления или деяния, нарушающие нормы уголовного, гражданского, административного права³;
- алкоголизм;
- наркомания, токсикомания;
- суицидальное поведение;

– асоциальное поведение, связанное с непониманием и игнорированием принятых в обществе норм и принципов;

– антисоциальное поведение, направленное на противодействие социальным нормам;

– вандализм, состоящий в умышленном и бессмысленном уничтожении материальных и культурных ценностей;

– экстремизм, проявляющийся в крайних политических взглядах и действиях, направленных на решение социальных проблем быстрыми, простыми, насильственными методами, не соответствующими сложившейся социальной ситуации.

Формы девиантного поведения многообразны, их невозможно объединить в единую схему с однозначно негативной коннотацией, девиантное поведение и действия могут иметь своим следствием позитивные социальные и личностные результаты. Так, примерами позитивной девиации являются: гениальность, героизм, самопожертвование ради спасения других людей, талант и т. п.

Большую сложность рассматриваемому феномену придают его подвижность и историческая изменчивость. То, что считается нормой в одной социокультурной среде, перестает ей соответствовать в иной культуре. Примером этого может служить оценка гомосексуализма и трансвестизма, порицаемых в традиционной культуре и всячески поощряемых в неолиберальной.

Описание исследования

Главный предмет изучения нашей статьи составляют социальные проявления образовательной девиантности и их причины. Мы рассматриваем их детерминацию общественными факторами, которые продуцируют психологическое игнорирование или неприятие нормы, как мотив соответствующего поведения и его последствия.

Социальная детерминация образовательной девиантности имеет свою качественную и количественную определенность.

Качественная определенность состоит в многообразии социальных причин отклоняющегося поведения и специфичности форм его конкретного проявления.

Количественная определенность девиации фиксирует саму интенсивность социального влияния, испытываемого человеком и приводящего к соответствующим отклонениям.

Исходя из конкретики особенностей жизнедеятельности социума на соответствующем историческом

¹ Змановская, Е. В. (2003). *Девиантология (психология отклоняющегося поведения)*: учебное пособие. Издательский центр «Академия».

² Колесникова, Г. И. (2022). *Девиантология: учебник и практикум*. Юрайт.

³ Комлев, Ю. Ю. (2019). *Интегративная криминология: девиантологический очерк*: учебное пособие. ДГСК МВД России.

этапе его существования, изменяется доминирование либо количественных, либо качественных факторов детерминации феноменов социальной девиации. Конечно, коренные качественные перемены всегда подготавливаются количественными параметрами изменений. Это закон диалектики. Но существует и иная взаимосвязь, состоящая в том, что преобладающее влияние на девиантность в определенных социальных обстоятельствах могут оказывать не только качественные феномены, но и их количественная представленность в социальной динамике.

Методологически интересны в этой связи исследования американского ученого Т. Х. Холмса, связанные с выяснением влияния количества и качества изменений в жизни людей на состояние их здоровья, психики и реакции на происходящее. Ученый разработал классификацию факторов, влияющих на поведение людей, в зависимости от количества и значимости изменений, которые субъект испытал в определенный отрезок времени. В этой классификации были учтены: смерть родных и друзей, развод, женитьба, переезд на новую квартиру, болезнь, смена работы и т. п. Результатом данных исследований стало выявление закономерности, в соответствии с которой скорость и количество изменений в жизни человека непосредственно влияют на состояние его психики и здоровья. Эту закономерность следует расширить на область детерминации поведения людей, которая в значительной степени зависит от состояния их психики и здоровья.

В уточненном виде данная закономерность может быть выражена в следующей формулировке: скорость и количество социальных изменений непосредственно влияют на качественные характеристики выбора субъектом типа поведения и действий, которые при превышении меры могут приобретать девиантные формы.

Следует согласиться с мнением А. Тоффлера, который считает, что человек сдается под напором чрезмерной стимуляции, исходящей от окружающей среды. В результате психических «перегрузок» рассудочный механизм принятия решений начинает вести себя не с полной адекватностью ситуации. Из этого следует, что количественная перегрузка психики непрерывными социальными изменениями негативно влияет не только на здоровье индивидов, но и на их способность рационально осмысливать свои действия в рамках соответствующих норм. Данную ситуацию дополнительно усиливает и нестабильность самих норм, изменение которых может иметь кардинальный, качественный характер (Тоффлер, 1997, с. 264–266, 277).

Подобные выводы ученых подтверждаются современными реалиями стран, в которых осуществляется чрезмерное и непрерывное реформирование основных сфер жизнедеятельности социума, что сказывается не только на психическом здоровье людей, но и на распространении социально деструктивных форм деви-

антного поведения, таких как наркомания, алкоголизм, социальная апатия, вандализм и т. п.

Это не следует понимать как обоснование отказа от любых социальных изменений. Напротив, подобные изменения необходимы, но они должны соответствовать определенной мере и иметь конструктивный характер, то есть вести к улучшению и стабилизации работы социальной системы, а не к ее деконструкции и дестабилизации.

Обоснованием правильности выбора конкретного соотношения количественных и качественных параметров социальных изменений, ведущих к нормальному, устойчивому развитию социума и минимизирующих уровень деструктивных форм девиантного поведения, являются следующие методологические установки.

”

Представляется методологически нецелесообразным отождествление объективных норм и принятых в обществе стандартов и нормативов, поскольку основой подобного отождествления выступает принятие в качестве нормы статистически самого распространенного варианта.

“

1. Социальные инновации должны базироваться на понимании нового не в календарно-хронологической последовательности изменений, а в его осмыслении с точки зрения полезности, жизненности, улучшения предыдущего. Недостатком календарно-хронологического понимания нового является то, что при нем любое новое считается априорно лучшим, чем существовавшее до него. Подобная установка деструктивна, поскольку новое по времени в социуме далеко не всегда бывает лучше старого. Это подтверждают многочисленные исторические явления – новые по времени своего возникновения, но значительно ухудшающие предшествующее. Один из таких примеров – приход к власти в Германии фашистов в 30-е годы XX века. В диалектической методологии новое понимается как то, что имеет дальнейшие перспективы развития, что улучшает существующее.

2. Новации, вносимые в систему жизнедеятельности общества, должны осуществляться в рамках меры количественно-качественных изменений, обеспечивающей возможность стабильного функционирования и развития социума.

3. На уровне индивида стабильность его жизнедеятельности (в аспектах психического и физического здоровья) непосредственно детерминирована оптимальным уровнем стимуляции (количеством изменений в окружающей среде). Д. Е. Берлин справедливо отмечал: «Центральная нервная система высших животных создана для того, чтобы справляться с окружающей средой, производящей определенное количество... стимулов... По своей природе, она не будет работать оптимально в условиях, которые перегружают ее или задают ей чрезмерный стресс» (цит. по.: Тоффлер, 1997, с. 277).

Правильность избранной методологии в понимании сущности девиантного поведения и раскрытие специфики многообразных форм его проявления в значительной степени зависит от того смысла, который вкладывается в само понятие «норма» (Колесникова, 2017).

Исследуем этот вопрос на основе изучения эволюции социально-педагогических репрезентаций нормы в истории отечественного образования, для которого требование следования принятым нормам и стандартам является атрибутивно определяющим.

Познавательный интерес к изучению феномена «нормы» четко проявился еще в XX веке. Следует отметить большой теоретический вклад, который внесли в исследование этого вопроса профессора В. П. Петленко и А. А. Корольков.

Академик РАО А. А. Корольков впервые создал теорию нормологии как науки «об оптимальном развитии человека и среды его обитания, о перспективах достижения видового возраста и методах продления жизни, о гармоничном сочетании телесного, духовного и социального здоровья» (Корольков, 1979, с. 71).

В своей теории А. А. Корольков отказался от широко распространенного в научном сознании понимания нормы как усредненной модели определенных действий. Методологический недостаток подобного подхода он связывал с характерной для обыденного сознания психологической привычкой воспринимать все необычное как отклонение от нормы, заслуживающее порицания и исправления. В качестве примера он ссылается на этнографические исследования племен, ведущих сходный с первобытным образ жизни. В сознании этих людей четко прослеживается установка на понимание нормы как нечто привычного, поэтому они стали воспринимать впервые увиденных ими белых людей как больных. Кстати, следует отметить, что подобный методологический подход лег в основу и отношения к чернокожим туземцам со стороны многих представителей белой расы, как к людям не полностью соответствующим принятым нормам

и как следствие этого, заслуживающим определенно-го отношения к себе.

Подобное понимание нормы сформировалось и утвердилось в практике образовательной деятельности, для которой следование усредненной норме стало традицией. Данная тенденция уходит своими корнями к тем временам, когда обучение строилось на основе подражания ученика мастеру, копирование соответствующей нормы совершения трудовых операций.

В последующие века усредненное понимание образовательной нормы получило свое дальнейшее закрепление и развитие, оно достаточно широко представлено и в современности, что свидетельствует о его определенной методологической значимости. Выясним, в чем же она состоит.

Методологическое значение понимания образовательной нормы как общепринятого среднестатистического показателя соответствующей деятельности состоит в следующем:

1) она фиксирует достижения практики на определенном этапе исторического развития педагогической деятельности;

2) она служит основой репродуктивного механизма воспроизводства образовательных новаций в практической области;

3) она способствует выявлению и аксиологическому закреплению педагогического опыта в парадигмальных требованиях педагогической науки.

Обобщая три указанных положения, можно отметить общую характеристику рассматриваемого понимания нормы в качестве усредненной модели определенных действий, как ее непосредственную связь с практикой. Но практическая значимость данного методологического подхода не исчерпывает многообразия требований к теоретическому раскрытию сущности понятия «норма».

Это свидетельствует о различии между объективно сложившейся нормой, ее субъективной репрезентацией в научном сознании, а также о ее закреплении в соответствующих нормативных документах.

Представляется методологически нецелесообразным отождествление объективных норм и принятых в обществе стандартов и нормативов, поскольку основой подобного отождествления выступает принятие в качестве нормы статистически самого распространенного варианта.

Понятие нормы в подобной интерпретации допускает возможность множественных трактовок. Среди их многообразия выделяются три основные:

1) обязательный образец следования, не допускающий никаких отклонений;

2) единичный феномен, принятый в качестве эталона, поскольку он с наибольшей полнотой выражает сущность всего класса данных явлений;

3) идеальная теоретическая модель какой-либо деятельности, допускающая определенные отклонения в процессе практической реализации.

В современной педагогической научной литературе представлены все три указанных значения понятия «норма». Дифференциация трактовок в этом вопросе представлена достаточно широко: от признания неудовлетворительности жесткой нормативности при организации образовательной деятельности до утверждения малой эвристической ценности и практической относительности всяких норм вообще. Примером этого может служить позиция Р. Уильямса, который пишет: «Практически каждый человек представляет собой в том или ином отношении отклонение от нормы» (Уильямс, 1960, с. 11).

По мере развития педагогической науки меняется и наше понимание образовательной нормы, которое начинает включать в себя не только жесткую детерминацию практической деятельности общепринятым стандартом, но и статистические характеристики, обусловленные спецификой обстоятельств.

Понимание педагогической нормы как общепринятого среднестатистического показателя является лишь одним из аспектов ее научного осмысления, ориентированного в первую очередь на потребности практики образовательной деятельности. Такая интерпретация нормы позволяет преподавателю определить конкретный выбор средств и методов осуществления педагогической деятельности, обусловленный особенностями сложившейся педагогической ситуации.

Методологически целесообразно четко дифференцировать понятия «норма» и «норматив».

Нормы в педагогике отражают реальные закономерности развития, образования и воспитания человека. В этом смысле они выступают в качестве интерсубъективных феноменов, то есть не зависят от индивидуальной человеческой субъективности. В отличие от них, нормативы могут носить и чисто субъективный характер.

Образовательные нормативы во многих случаях базируются на учете объективных норм, но они могут также формироваться на декретивной основе или приниматься договорным путем по политическим, идеологическим, экономическим и т. п. основаниям; таким образом, они зависят от воли людей, по крайней мере, в момент их установления. Подобная природа определенных образовательных нормативов сближает их по ряду важнейших онтологических характеристик с юридическими законами.

Данная особенность педагогического норматива может оказывать положительное влияние на организацию образовательной деятельности, состоящее в том, что тем самым достигается единообразие требований и содержания этого вида социальной деятельности. Следует отметить, что в рамках педагогической пара-

дигмы, действующей в настоящее время в нашей стране, подобное положительное влияние в значительной степени дезавуируется двумя факторами, оказывающими деструктивное влияние на организацию образовательной деятельности.

Таковыми факторами выступают:

1. Отношение к сфере образования как к сфере услуг. Правила и запросы сферы услуг определяет их потребитель, в результате в образовании возникает достаточно абсурдная ситуация, по которой предполагается, что содержание и методы учебного процесса должны определяться не специалистами-педагогами, а людьми необразованными. Мало того, это люди находятся лишь в начале данного пути, а им предлагается судить не только о продвижении по нему, но и о конечных результатах. Поэтому целесообразно отказаться от отношения к образованию как услуге. Образование должно рассматриваться государством как одна из важнейших и приоритетных сфер деятельности, выполняющих важнейшую социальную функцию – восполнение в обществе количества людей, усвоивших знания, накопленные предшествующими поколениями, способных понимать и адекватно оценивать происходящее и организовывать свою деятельность на достаточно профессиональном уровне.

2. Подмена телеологических ценностей образовательного процесса, состоящих в получении необходимых знаний, достаточных для становления и дальнейшего развития обучающегося как специалиста, абстрактными компетенциями, единственная педагогическая значимость которых состоит в их связи с практической деятельностью.

Связь теории с практикой очень важна, особенно в прикладных науках – это никогда не отрицалось в педагогике. Но в рамках компетентного подхода отодвигается на второй план сам субстрат и первичная цель образования – знания, а именно они и должны эффективно применяться на практике. В соотношении понятий «знание» и «компетенция» образовательный телеологический приоритет принадлежит знаниям. Знание – это способ существования сознания, без опоры на него невозможно достижение никаких компетенций. Может ли считаться компетентным человек, не обладающий знаниями в конкретной сфере его деятельности? Очевидно, что нет. А может ли быть некомпетентным знающий человек? Тоже нет.

Тем самым происходит подмена понятий, определяющих важнейшие цели и средства образовательной деятельности, негативными следствиями чего являются:

1) абсолютизированное внимание, уделяемое в педагогических нормах и нормативах формальной стороне образовательной деятельности, а не ее содержанию;

2) абстрактность и неясность понимания главных целей и средств реализации образовательного процесса.

Вернемся к самому принципу нормирования образовательной деятельности. Он необходим для достижения определенных социально значимых результатов, однако, как и любой другой принцип, он ограничен рамками определенной меры. Чрезмерное нормирование с методологической точки зрения может иметь и негативные последствия для теории и практики образовательной деятельности, поскольку ведет к ограничению творчества педагога, усреднению результата его профессиональных усилий.

Социально-организационный смысл образовательной нормы состоит в необходимости ее исполнения в рамках определенной педагогической парадигмы, эвристический смысл – в том, что она получает возможность использоваться в качестве основы в важнейших познавательных процедурах, таких, например, как объяснение, определение, доказательство, предсказание, ретросказание, оценка и т. д.

Отметим, что в процессе смены образовательных парадигм в историческом развитии человечества понятие педагогической нормы всегда выступало как развивающееся и изменчивое. На различных исторических этапах своей эволюции оно представало в качестве процесса вариативной фиксации и выражения важнейших параметров человеческой жизнедеятельности во всем многообразии ее видов.

Следует согласиться с трактовкой нормы, предложенной А. А. Корольковым, который писал: «Норма – это всегда диапазон оптимального функционирования и развития системы, включающий в себя и некоторые константные характеристики» (Корольков, 1979, с. 79).

Подобный методологический подход к определению нормы полностью соответствует области образовательной деятельности. Подобное понимание нормы актуализирует такие ее важнейшие характеристики, как существенность и повторяемость, вследствие чего норма становится соотносимой с понятием «закон». Это представляется значимым для понимания ее социально-организационных и эвристических смыслов.

Социально-организационный смысл образовательной нормы состоит в необходимости ее исполнения в рамках определенной педагогической парадигмы, эвристический смысл – в том, что она получает возможность использоваться в качестве основы в важнейших познавательных процедурах, таких, например, как объяснение, определение, доказательство, предсказание, ретросказание, оценка и т. д.

В сфере образования, как и в других сферах жизнедеятельности общества, преобладает действие статистических закономерностей, для которых характерна неоднозначность действия причинно-следственных связей, зависимость результата от конкретных условий реализации данной закономерности. Вследствие этого «норма» реализации образовательной деятельности будет подвижной, изменяющейся в соответствии с условиями ее реализации и постоянно конкретизируемой по мере углубления научно-педагогического познания.

Подобная ситуация значительно осложняет понимание сути самого феномена девиации в данной сфере и фиксации конкретных случаев нарушения образовательной нормы⁴.

В современной образовательной парадигме наметилась четкая тенденция разрешения указанной проблемы при помощи широкого внедрения практики стандартизации образовательной деятельности. В определенной степени это снимает указанную проблему сложности фиксации образовательных девиаций, но в свою очередь порождает иные проблемы, связанные с ограничением свободы педагогического творчества.

В обобщенном виде сильные и слабые стороны практики жесткой стандартизации образовательной деятельности можно представить следующим образом.

Сильными сторонами практики жесткой стандартизации образовательной деятельности являются:

- 1) создание совокупности условий для широкого распространения и применения достижений современной педагогической науки;
- 2) усиление степени организационного управления образовательной деятельностью;
- 3) усиление необходимости развития и совершенствования своих профессиональных компетенций преподавателями;
- 4) возможность простых форм фиксации конкретных отклонений от образовательных норм и стандартов.

К слабым сторонам практики жесткой стандартизации образовательной деятельности следует отнести:

- 1) усреднение общего уровня преподавания, что вызвано рассмотрением педагогических творческих новаций как формы девиации, отклонения от нормы, принятого стандарта;
- 2) отсутствие дифференциации педагогических девиаций на конструктивные, связанные с нестандарт-

⁴ Педагогика девиантного поведения: учебное пособие (2017). ВГСПУ, Волгоградская академия МВД России.

ным, творческим развитием теории и практики образовательной деятельности, и деструктивные, имеющие негативные личностные или социальные последствия;

3) нивелирование действий опытного и начинающего педагога, продуцируемое тем, что следование стандарту становится нормой, отступление от которой рассматривается как нарушение;

4) сложность реализации принципа учета в образовательной деятельности индивидуальных особенностей обучающегося;

5) сложность разработки и внедрения новых образовательных методик, выходящих за рамки утвержденного стандарта;

6) повышение степени формализации и бюрократизации образовательной деятельности, что вызвано требованием усиления контроля над соблюдением стандартов, расширением штата контролирующих органов, введением многообразных форм отчетности, предполагающей возможность количественного учета.

Сравнение сильных и слабых сторон практики жесткой стандартизации образовательной деятельности свидетельствует не только о неоднозначности ее социально-организационных и методологических характеристик, но и о необходимости учета и выполнения важнейшего принципа, лежащего в ее основе, в соответствии с которым нормирование образовательной деятельности должно осуществляться в рамках определенной меры, понимаемой как интервал количественных аспектов образовательного норматива, не меняющий его качественного параметра и не влекущий за собой негативных социальных последствий.

С целью недопущения или преодоления подобных негативных последствий образовательные стандарты должны включать в себя не только жестко регламентированную меру осуществления соответствующих действий, но и допускать возможный диапазон отклонений от этой меры.

В методологическом плане важным является уточнение соотношения понятий «норма» и «мера». Несомненно, понятие «мера» обладает характеристикой всеобщности, и как все диалектические категории, имеет онтологическую и гносеологическую представленность как в природном, так и в социальном мире. Она является более широким по объему понятием по сравнению с понятием «норма», которое онтологически и гносеологически представлено лишь в системе социальных отношений, а в природном мире может иметь только гносеологический смысл. Содержание понятия «мера» фиксирует наличие любого единства количественных и качественных определенностей объекта. В противоположность этому понятие «норма» характеризует их телеологически оптимальное или приемлемое соотношение.

Так, например, неудовлетворительная оценка знаний обучающегося может служить мерой его познава-

тельных успехов, однако она не может рассматриваться в качестве нормы, поскольку фиксирует отсутствие прогресса субъекта в учебной деятельности.

Важно учитывать, что понятие «образовательная норма» нельзя отождествлять с понятием «образовательный идеал».

Образовательный идеал выступает репрезентацией высшей ценности, лежащей в основе соответствующей социальной деятельности, и представлением о желаемом конечном результате педагогического процесса. Как и любой результат идеального моделирования, образовательный идеал представляет собой то, к чему можно и нужно стремиться в области образования, но достичь его в полном объеме невозможно. Однако практическая недостижимость образовательного идеала не свидетельствует о его ненужности. В сфере практической организации образовательного процесса образовательный идеал выступает его смыслообразующей, телеологической основой. В сфере теоретического познания он предстает в виде «идеализированного объекта», являющегося атрибутом любой педагогической теории.

”

В процессе преодоления негативных образовательных девиаций наиболее значимую роль играют такие социальные факторы, как проводимая государством образовательная политика; подъем в социуме престижа образования и образованности; наличие в обществе социальных лифтов, продвижение по которым непосредственно коррелируется с достигнутым уровнем профессиональной компетентности; формирование социальной среды и развитие инфраструктуры, необходимых для получения определенного уровня образования, и т. д.

“

В отличие от идеала, образовательная норма всегда является реально наличествующей и достижимой. Движение к образовательному идеалу всегда имеет непосредственную ориентацию в будущее, образовательная норма всегда фиксирует наличествующие в настоящем или имевшие место в прошлом представления о наиболее эффективных и оптимальных средствах достижения желаемого педагогического результата.

Конкретное определение меры качественно-количественных параметров образовательной нормы в пе-

дагогике базируется на выяснении ее соответствия желаемой и возможной степени приближения этой нормы к образовательному идеалу.

Образовательная норма в качестве своей оппозиции предполагает возможность определенных отклонений. Образовательные отклонения имеют смысл лишь по отношению к соответствующим нормам (Афанасенкова и др., 2018).

Отклонениями от образовательной нормы наиболее часто выступают:

1) неполучение образования, в большинстве случаев выступающее следствием физических (инвалидность и т. п.), психологических (слабоумие, психические заболевания и т. п.) и социальных причин (асоциальный образ жизни, влияние окружающей социальной среды, миграция, снижение престижности образования в обществе и т. п.) (Пуголовкина, 2021);

2) неполучение достаточного для исполнения определенных профессиональных обязанностей образования, что может продуцироваться и личностными качествами индивида;

3) получение образования, не соответствующего избранной специальности;

4) ускоренное получение образования, превышающее установленные стандарты (примером этого может служить поступление на психологический факультет МГУ девятилетней девочки Алисы Тепляковой);

5) овладение глубокими научными знаниями, далеко выходящими за рамки установленных образовательных стандартов.

Первые три указанных отклонения от образовательной нормы фиксируют негативные формы образовательных девиаций, четвертое и пятое отклонение являются позитивными девиациями.

В процессе преодоления негативных образовательных девиаций наиболее значимую роль играют такие социальные факторы, как проводимая государством образовательная политика; подъем в социуме престижа образования и образованности; наличие в обществе социальных лифтов, продвижение по которым непосредственно коррелируется с достигнутым уровнем профессиональной компетентности; формирование социальной среды и развитие инфраструктуры, необходимых для получения определенного уровня образования, и т. д.

Указанные факторы в значительной степени фиксируют внешние по отношению к субъекту формы, необходимые для реализации образовательных стандартов общества, но они способны дать позитивный эффект лишь будучи осознанными и принятыми субъектом, создав у него соответствующую мотивацию.

Общим направлением, обеспечивающим единство внешних и внутренних форм образовательной мотивации индивида, является его социализация (Balakhonsky at al., 2020), позволяющая превратить внешние

требования социума к образованности людей в их потребность и осознанный мотив. Следует отметить, что одной позитивной мотивации к образованию в реальных жизненных ситуациях бывает недостаточно. В этих случаях становится необходимым ее дополнение и усиление определенными формами санкций, направленных на недопущение негативных девиаций.

Методологически значимым для понимания сущности образовательных девиаций является системный подход к их рассмотрению, базирующийся на том, что отклонений от образовательной нормы в чистом виде, как правило, не существует: одно отклонение продуцирует другое, одна группа отклонений накладывается на другую (Balakhonskaya at al., 2020). Примером может служить ситуация совмещения индивидом учебы и работы, при которой физические и психические перегрузки на работе могут продуцировать неуспеваемость в учебе.

Методология системного подхода предполагает не только выяснение элементов системы и принципов их взаимосвязи, но и ее рассмотрение на уровне суперсистемы, позволяющей понять способы ее внешней детерминации и качественных изменений в процессе развития. Для понимания этого большое значение имеет изучение пограничной зоны между образовательной нормой и отклонением от нее, состоящей из большого количества переходных ступеней от нормы к отклонению. В рамках меры подобной пограничной области количество отклонений от нормы еще не приводит к качественным изменениям, но уже свидетельствует о развитии процесса в данном направлении. Сложность обнаружения указанной меры состоит в неопределенности и подвижности той грани, которая позволяет квалифицировать ее преодоление, переход от образовательной нормы к девиации.

Тесная взаимосвязь между образованием и процессами социализации позволяет рассматривать социализацию одновременно и как цель, и как средство образования.

Под феноменом социализации мы понимаем процесс усвоения людьми социальных норм и ценностей, знаний, навыков, образцов поведения и психологических установок, соответствующих определенной социокультурной традиции и позволяющих успешно жить в обществе. В процессе социального становления и развития человек проходит первичную и вторичную социализацию.

В процессе первичной социализации закладываются основы представлений об обществе, его нормах и правилах. Основную роль в этом призвана играть семья. В ходе вторичной социализации происходит перенесение первичных представлений на более широкие, несемейные сферы социальных отношений (Гишинский, 2009).

Эффективность процесса социализации непосредственно зависит от наличия, степени и характера от-

клонений от образовательной нормы. В данном соотношении не может быть единой для всех социальных ситуаций тенденций детерминации. Научный подход к рассмотрению этого вопроса требует конкретики и всесторонности. Его результат напрямую зависит от следующих важнейших факторов:

1. Характера самой образовательной нормы, которая может содержать в себе не только конструктивный, но и социально деструктивный потенциал. Примером подобных деформаций образовательных норм может служить ранее провозглашаемая в нашей стране телеологическая ориентация нормы образования на формирование квалифицированного потребителя, что оказывало большое негативное влияние на систему образования, исключив из нее сферу воспитания, творчество, формирование патриотизма и т. д. Другим примером деструктивного потенциала нормирования образования является сложившаяся на современном этапе чрезмерная, абсолютизированная формализация этой сферы, в значительной степени обесценившая ее содержание и сведшая ее к имитации деятельности, удобной для проверки контролирующими органами. Следует признать, что многие отклонения от подобных «образовательных норм» следует оценивать в позитивном аспекте.

2. Социокультурной среды, на основе которой реализуется образовательная норма (Комлев, 2015). Социальные закономерности, в том числе педагогические, носят статистический характер, то есть результат их действия определяется той средой, в которой они реализуются. В одной социокультурной среде он может быть одним, в другой среде другим. То, что в одних социальных условиях дает положительный результат, в других может приносить вред. Примером является некритическое копирование западных образовательных стандартов на российской почве, к чему относится прежде всего отказ от подготовки специалистов и замена их бакалаврами и магистрами. Негативные последствия этого состоят:

2.1. В дестабилизации традиционных форм подготовки специалистов для многообразных областей профессиональной деятельности, в размывании самого понятия «специалист», в которое имплицитно начинают включать и тех, кто специалистами не являются (например, бакалавры). Это ведет к снижению уровня профессионализма, включая уровень организационного управления, что может иметь значительные деструктивные последствия для общества.

2.2. В телеологической и аксиологической ориентации отечественной системы образования не на собственное развитие, а на следование устаревшим, средневековым образовательным традициям Европы, не имеющим очевидных преимуществ.

2.3. В сложности координации вводимых образовательных норм с традиционно действовавшими в нашей

стране нормами. Проблему усугубляет то, что по ряду параметров они имеют противоположный, взаимоисключающий характер, и это противоречие дестабилизирует образовательную систему. Одним из примеров подобного выступает несогласованность статусов магистра и кандидата наук, доктора наук и PhD, что дезориентирует людей, формирует в общественном сознании ложное представление о сопоставимости их статусов.

2.4. В несогласованности между собой различных уровней образовательной деятельности. По нормам Закона об образовании РФ аспирантура (адъюнктура) рассматриваются как третий этап получения высшего образования. Если следовать этой норме, необходимо признать, что все те, кто не прошел этот этап (а это бакалавры, магистры и специалисты), вообще не имеют высшего образования.

3. Конкретного характера самой девиации. Как уже отмечалось выше, образовательные девиации могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер, то есть не всякая девиация – это зло. Конструктивные образовательные девиации, состоящие в проявлении творчества, отказе от устаревших, бесполезных или даже вредных ограничений, могут играть большую положительную роль в развитии отечественной системы образования.

Заключение

Подводя итог изложенному в данной статье, можно сделать следующие обобщающие выводы.

1. Современное понимание образовательной нормы должно включать не только жесткий организационный механизм ограничительной детерминации практической деятельности общепринятым стандартом, но и определенный простор для возможных или желательных конструктивных отклонений, направленных на достижение социально значимых педагогических результатов. Чрезмерное нормирование с методологической точки зрения может иметь и негативные последствия для теории и практики образовательной деятельности, поскольку ведет к ограничению творчества педагога, усреднению результата его профессиональных усилий.

2. В процессе исторического развития педагогики понятие образовательной нормы всегда выступало как развивающееся и изменчивое. На различных исторических этапах своей эволюции оно представало в качестве процесса вариативной фиксации и выражения важнейших параметров человеческой жизнедеятельности во всем многообразии ее видов. Педагогическая норма представляет собой диапазон оптимального функционирования и развития образовательной системы, включающий в себя и некоторые характеристики, связанные с необходимостью обеспечения ее подвижности, изменчивости, в соответствии с условиями

ее реализации, и постоянного уточнения и развития по мере углубления научно педагогического познания.

3. Девиантное поведение субъектов образовательной деятельности в зависимости от особенностей конкретной ситуации может иметь прямо противоположные социальные и личностные последствия: как негативные, связанные с получением недостаточно для исполнения определенных профессиональных обязанностей образования либо получение образования, не соответствующего избранной специальности, так и позитивные, состоящие в проявлениях особых способностей и талантов обучающегося, в отказе от устаревших парадигмальных требований и выходе на качественно более высокий уровень развития педагогической науки, и т. п.

4. Методологическое значение социально образовательных репрезентаций нормы состоит в том, что они актуализируют такие ее важнейшие характеристики, как существенность и повторяемость, вследствие чего норма становится соотносимой с понятием «закон». Это представляется значимым для понимания ее социально-организационных и эвристических смыслов. Социально-организационный смысл образовательной нормы состоит в необходимости ее исполнения в рамках определенной педагогической парадигмы, эвристический смысл – в том, что она получает возможность использоваться в качестве основы в важнейших познавательных процедурах, таких, например, как объяснение, определение, доказательство, предсказание, ретросказание, оценка и т. д.

Список литературы

- Арямов, А. А., Грачева, Ю. В., Чучаев, А. И., Маликов, С. В., Иванов, С. А. (2020). *Девиации в цифровом мире: уголовно-правовое измерение* (ч. II, стр. 2-120). Москва: ООО «Юридическая фирма «Контракт».
- Асильдерова, М. М., Маккашарипова, А. (2021). Особенности формирования личности, демонстрирующей девиации в поведении. В М.М. Асильдерова (ред.) *Педагогика и психология в современном мире: проблемы и инновации: материалы международной научно-практической конференции* (30 октября 2020 г., стр. 144-147). Москва, Берлин: Директ-Медиа.
- Афанасенкова, Е. Л., Васягина, Н. Н., Власова, Л. Е., Герасименко, Ю. А., Еромасова, А. А. и др. (2018). *Профилактика девиантного поведения обучающихся в условиях образовательной организации: коллективная монография*. Уральский государственный педагогический университет.
- Гишинский, Я. И. (2009). *Глобализация, девиантность, социальный контроль: сборник статей*. Санкт-Петербург: ДЕАН.
- Гишинский, Я. И. (2021). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Колесникова, Г. И. (2017). Соотношение понятий «норма», «девиация», «гармония», «творчество» и их значение в современном образовательном процессе. *Гуманизация образования*, (3), 4–9.
- Комлев, Ю. Ю. (2015). *Девиантность и социальный контроль: теория, исследования, практика. Избранные статьи*. Казань: Казанский юридический институт МВД России.
- Корольков, А. А. (1979). *Диалектика и теория медицины: монография*. ЛГУ.
- Пуголовкина, К. Ю. (2021). Современный взгляд на проблему подростковых девиаций. *Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию*, 2, 221-224.
- Снимщикова, Э. В. (2010). Некоторые аспекты положительных и отрицательных проявлений девиаций как фактора прогрессивного развития социума. *Теория и практика общественного развития*, 2, 78–86.
- Тоффлер, А. (1997). *Футурошок*. Санкт-Петербург: Лань.
- Уильямс, Р. (1960). *Биохимическая индивидуальность*. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Шумилин, О. В., Кузин, Н. Н. (2019). Использование терминов понятийного аппарата экономики в различных отраслях права. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4 (84), 83-91.
- Balakhonskaya, L. V., Strelchenko, V. I., Balakhonsky, V. V., Sadretdinova, T. A., Beresneva, I. V. (2020). Communicative Strategy of Discrediting Opponents in the Russian Political Blogosphere. In *2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar* (ComSDS 2020, pp. 27-33). doi: 10.1109/ComSDS49898.2020.9101281
- Balakhonsky, V. V., Shipunova, O. D., Strelchenko, V. I., Balakhonskaya, L. V., Beresneva, I. V. (2020). Motivation factors for political consciousness formation in the modern world. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9. 941-949.
- Corkin, D., Wiesner, M., Reyna, R. S., Shukla, K. (2015). The Role of Deviant Lifestyles on Violent Victimization in Multiple Contexts. *Deviant Behavior*, 36(5), 405–428.
- DeAngelo, G., Ferrell, P., McCannon, B. C. (2017). Sources of deviant behavior: Contrasting alternative explanations in the laboratory. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 19 (71), 31–44. doi: 10.1016/j.socec.2017.07.003
- Goode, E. (2011). *Deviant behavior. Upper Saddle River* (9th Edition). New Jersey: Prentice Hall.

References

- Aryamov, A. A., Gracheva, Yu. V., Chuchaev, A. I., Malikov, S. V., Ivanov, S. A. (2020). *Deviacii v cifrovom mire: ugovolno-pravovoe izmerenie* (ch. II, str. 2-120). Moscow: ООО «Yuridicheskaya firma «Kontrakt».
- Asil'derova, M. M., Makkasharipova, A. (2021). Osobennosti formirovaniya lichnosti, demonstriruyushchej deviacii v povedenii. V M.M. Asil'derova (red.) *Pedagogika i psikhologiya v sovremennom mire: problemy i innovacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 oktyabrya 2020 g., str. 144-147). Moscow, Berlin: Direkt-Media.
- Afanasenkova, E. L., Vasyagina, N. N., Vlasova, L. E., Gerasimenko, YU. A., Eromasova, A. A. i dr. (2018). *Profilaktika deviantnogo povedeniya obuchayushchihya v usloviyah obrazovatel'noj organizacii: kollektivnaya monografiya*. Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Gilinskij, Ya. I. (2009). *Globalizaciya, deviantnost', social'nyj kontrol'*: sbornik statej. Saint Petersburg: DEAN.
- Gilinskij, Ya. I. (2021). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»*. Saint Petersburg: Aleteya.
- Kolesnikova, G. I. (2017). Sootnoshenie ponyatij «norma», «deviaciya», «garmoniya», «tvorchestvo» i ih znachenie v sovremennom obrazovatel'nom processe. *Gumanizaciya obrazovaniya*, (3), 4–9.
- Komlev, Yu. Yu. (2015). *Deviantnost' i social'nyj kontrol': teoriya, issledovaniya, praktika. Izbrannye stat'i*. Kazan': Kazanskij yuridicheskij institut MVD Rossii.
- Korol'kov, A. A. (1979). *Dialektika i teoriya mediciny: monografiya*. LGU.
- Pugolovkina, K. Yu. (2021). Sovremennyy vzglyad na problemu podrostkovykh deviacij. *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu*, 2, 221-224.
- Snimshchikova, E. V. (2010). Nekotorye aspekty polozhitel'nyh i otricateľ'nyh proyavlenij deviacij kak faktora progressivnogo razvitiya sociuma. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2, 78–86.
- Toffler, A. (1997). *Futuroshok*. Saint Petersburg: Lan.
- Uil'yams, R. (1960). *Biohimicheskaya individual'nost'*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury.
- Shumilin, O. V., Kuzin, N. N. (2019). Ispol'zovanie terminov ponyatijnogo apparata ekonomiki v razlichnykh otraslyah prava. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4 (84), 83-91.
- Balakhonskaya, L. V., Strelchenko, V. I., Balakhonsky, V. V., Sadretdinova, T. A., Beresneva, I. V. (2020). Communicative Strategy of Discrediting Opponents in the Russian Political Blogosphere. In *2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS 2020)*, pp. 27-33. doi: 10.1109/ComSDS49898.2020.9101281
- Balakhonsky, V. V., Shipunova, O. D., Strelchenko, V. I., Balakhonskaya, L. V., Beresneva, I. V. (2020). Motivation factors for political consciousness formation in the modern world. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9, 941-949.
- Corkin, D., Wiesner, M., Reyna, R. S., Shukla, K. (2015). The Role of Deviant Lifestyles on Violent Victimization in Multiple Contexts. *Deviant Behavior*, 36(5), 405–428.
- DeAngelo, G., Ferrell, P., McCannon, B. C. (2017). Sources of deviant behavior: Contrasting alternative explanations in the laboratory. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 19 (71), 31–44. doi: 10.1016/j.socec.2017.07.003
- Goode, E. (2011). *Deviant behavior. Upper Saddle River* (9th Edition). New Jersey: Prentice Hall.

Информация об авторах:

Балахонский Виталий Витальевич – доктор философских наук, профессор.

Балахонская Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент.

About the authors:

Vitaliy V. Balakhonsky – Doctor of Philosophy, Professor.

Liudmila V. Balakhonskaya – PhD in Philology, Associate Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 05.03.2022

Одобрена после рецензирования 11.04.2022

Опубликована 29.04.2022

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted March 05, 2022

Approved after reviewing April 11, 2022

Accepted April 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 159.9.072:316.624.2

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-39-50

Психолого-педагогическое исследование особенностей сформированности критического мышления у девиантных подростков (на примере школьников России и Индонезии)

Тио Росалина

Университет Дхьяна Пура

(Бали, Индонезия)

tio.ocha@undhirabali.ac.id

ORCID: 0000-0003-3101-4213

Муслумов Рустам Рафикович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

mrr82@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1327-1590

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ исследования критического мышления девиантных подростков из России и Индонезии. Приводится анализ представлений о понятии «критическое мышление», его особенностях, сравнение точек зрения на его происхождение и аспекты в отечественной и зарубежной психологии.

В исследовании приняли участие 80 подростков, по 40 человек из каждой страны. По экспертной оценке учителей школьников относили к асоциальному виду девиантного поведения по Е. В. Змановской. Используются следующие методики: тест повседневных умозаключений (Test of Everyday Reasoning (TER)), тест самооценки Дембо-Рубинштейн, культурно-свободный тест интеллекта Кеттелла. В анализе причин различий рассматриваются культурно-исторические факторы, особенности построения образовательных программ, психологические аспекты личности детей.

Исследование показало, что имеется значимая связь степени выраженности самооценки учащихся из России и Индонезии и показателями критического мышления и IQ. На наш взгляд, ведущим фактором формирования критического мышления является правильно выстроенная в процессе обучения таксономия задач, а также особым образом организованный процесс обучения, включающий в основном интерактивные формы работы.

Ключевые слова

критическое мышление, самооценка, уровень интеллекта, психолого-педагогическое исследование, девиантные подростки, Россия, Индонезия

Для цитирования: Тио, Росалина, Муслумов, Р. Р. (2022). Психолого-педагогическое исследование особенностей сформированности критического мышления у девиантных подростков (на примере школьников России и Индонезии). *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 39–50. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-39-50.

Tio Rosalina

Universitas Dhyana Pura
(Bali, Indonesia)
tio.ocha@undhirabali.ac.id

ORCID: 0000-0003-3101-4213

Rustam R. Muslumov

Ural Federal University named
after the First President of Russia
B.N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)
mrr82@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1327-1590

Psychological and pedagogical study of the nature of the critical thinking development in deviant adolescents (on the example of schoolchildren in Russia and Indonesia)

Abstract

The article presents a comparative analysis of the study of the critical thinking skills among the deviant adolescents from Russia and Indonesia. The authors offer the analysis of ideas on the concept of «critical thinking», its features, compare the academic points of view on its origin and aspects in domestic and foreign psychology. The study involved 80 teenagers, 40 from each country. According to the expert assessment made by teachers, the samples were categorized as an asocial type of deviant behavior group according to E.V. Zmanovskaya. The following methods were used: Test of Everyday Reasoning (TER), the Dembo-Rubinstein self-assessment test, Kettell Culture Fair Intelligence test. The found differences between the groups have been analyzed in the context of cultural and historical factors, features of the construction of educational programs, psychological aspects of the personality of children.

The study showed that there is a significant relationship between the degree of self-esteem of Russian and Indonesian students and indicators of critical thinking and IQ. In our opinion, the leading factor in the development of critical thinking is a properly structured task taxonomy, created in the learning process, as well as a specially organized learning process, mainly including interactive forms of work.

Keywords

critical thinking, self-esteem, level of intelligence, psychological and pedagogical research, deviant adolescents, Russia, Indonesia

For citation: Tio, Rosalina, Muslumov, R. R. (2022). Psychological and pedagogical study of the nature of the critical thinking development in deviant adolescents (on the example of schoolchildren in Russia and Indonesia). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 39–50. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-39-50.

Введение

Успешность человека в современном мире во многом зависит от его способности к мышлению. Размышляя, человек обрабатывает широкий спектр идей, концепций, анализирует жизненный опыт, принимает решения – во что верить, а что отвергать, что является важным, а что нет. Особое значение это умение приобретает для девиантных подростков, поскольку является основой для принятия решений о будущей жизни и осмысления текущих поступков и ситуаций.

В последнее время наблюдается растущий интерес к вопросу определения составляющих критического мышления (Росалина, 2016). Так, Американ-

ская психологическая ассоциация (APA) определила набор основных когнитивных навыков, чтобы дать четкое описание человека с развитым критическим мышлением. Отмечается, что такой человек всегда любознателен, эрудирован, открыт, покладист, объективен в оценках, честен, беспристрастен, принимает решения на основе разумных доводов, готов пересмотреть свою точку зрения при необходимости, аккуратен в сложных вопросах, прилежен в поисках соответствующей информации, умерен в выборе критериев исследования и настойчив в поиске наиболее точных результатов (Вилькеев, 1997, с. 28–29; Facione et al., 1995).

Уточняя концепцию критического мышления, Р. Эннис определяет его как разумное, рефлексивное мышление, сосредоточенное на принятии решения и на том, что делать и во что верить (Ennis, 1993; Sternberg, 1986). Кроме того, Р. Эннис предложил индикатор критического мышления, согласно которому критическое мышление: а) ищет четко поставленный вопрос; б) ищет причину; в) оценивает достоверность источников; г) определяет предположения, причины, выводы; д) задает вопросы и отвечает на них для уточнения информации; е) определяет термины; открыто и хорошо информировано; ж) делает выводы, когда это оправдано (Ennis, 1993). Критическое мышление требует навыков осмысления предположений, оно задается важными вопросами и рассматривает контекст, рассуждая и задавая вопросы. Для человека, который мыслит критически, нет ничего закрытого, фиксированного или определенного, наоборот, все возможно, гибко и открыто. Такой человек всегда ставит все под сомнение и пытается понять, что лежит за идеей, убеждениями или действиями людей (Hanson, 2015).

Многие зарубежные ученые предложили свои определения данного термина (Facione et al., 1995; Fasko, 1994; Sternberg, 1986). Несмотря на отсутствие единого определения (Lai, 2011), существует несколько точек зрения, отражающих смысл критического мышления, которые можно принять за основу. В широком смысле критическое мышление состоит из познавательных процессов: анализа, классификации, оценки и стратегии, которые подходят для работы с конкретными задачами и способны помочь анализировать проблемы, принимать решения, а также познавать новые концепции (Sternberg, 1986).

В российской науке также нет единой дефиниции понятия «критическое мышление». В основе каждого авторского определения лежит точка зрения конкретного ученого. Так, В. Болотов рассматривает критическое мышление как прагматичное рассмотрение различных подходов с целью выбора обоснованных суждений и принятия осмысленных решений (Болотов, Спири, 1995). Т. И. Хачумян – как особый вид мыслительной деятельности, характерными признаками которого являются выработка стратегий избрания правильного пути решения любых задач на основе гипотезы, анализа, обработки информации, осуществление рефлексивных действий (аналитических, проверочных, контролирующих, оценочных); взвешенный анализ различных мнений и взглядов, проявление собственной позиции, объективное оценивание процесса и результатов как собственной, так и сторонней деятельности (Хачумян, 2003). Б. М. Теплов говорит о критичности ума как об определенной качество-познавательной деятельности человека (Теплов, 1985). А. А. Смирнов – как о мышлении, в основе которого лежит способность к самостоятельным логично грамот-

ным размышлениям и суждениям, умение правильно оценивать разные мнения, видеть в них сильные и слабые стороны (Смирнов, 1987). Л. Ямщикова – как о мышлении, которое опирается на умение оценивать события, утверждения, поступки, факты, делать сознательный выбор, аргументировать, формулировать уместные вопросы, различать факты и мнения, находить новые решения, определять критерии для анализа, находить доказательства в поддержку предположений, строить логические связи (Ямщикова).

Один из аспектов проблемы критического мышления затрагивает вопрос о средствах его измерения. Исследователи критикуют тесты на критическое мышление, как правило, сравнивая их с тестами на определение коэффициента интеллекта (IQ). Но К. Станович (Holdnack, 2019) определяет разницу между этими тестами, говоря о концептуальном и психометрическом различиях. Тесты на IQ используются для измерения общего интеллекта и имеют алгоритмическую форму. Эти тесты проводятся в ситуациях максимальной производительности, а цель теста – наилучшим образом увеличить производительность. В тесте как можно более точно воспроизводятся ситуации, с которыми можно было бы столкнуться в реальном мире. Задачи, поставленные в тесте, имеют открытый конец: нет цели, нет никаких конкретных изначальных установок, как наилучшим образом выполнить поставленную задачу. Эти ситуации предназначены для измерения мотивации и диспозиции.

В то же время тест на критическое мышление заставляет человека рассуждать, что, безусловно, верно в любой ситуации, приводя при этом множество мнений или ряд сложных аргументов. При этом тесты на критическое мышление проводятся в типичной ситуации производительности и оценивают установки мышления (Ennis, 1987). Стоит признать, что тесты на интеллект являются хорошим исходным пунктом для наиболее полной оценки, особенно если она связана с обучением и решением адаптивной проблемы (Holdnack, 2019), которая оценивается критическим мышлением.

Особый интерес вызывает вопрос об особенностях формирования критического мышления у детей и подростков. Так, анализируя развитие критического мышления, Д. Х. Рид (Reed, 1998) пишет об иерархии этапов развития критического мышления по Ж. Пиаже. В исследованиях он акцентирует внимание на развитии интеллектуальных схем мышления в развитии школьников. Большинство детей в раннем подростковом возрасте демонстрируют быстрое развитие мышления, но среди них лишь 20 % достигают уровня формальных операций. Кроме того, есть определенный инструмент критической рефлексии – функция, которая дает людям возможность рационально исследовать предположения и ценности, оправдывающие их убеждения.

В исследовании утверждается, что способность к критическому мышлению зависит не столько от физической зрелости, сколько от развития этой способности у учеников старших классов в их рассуждениях и сложных переживаниях.

Для нашего исследования важную роль играет решение вопроса о сравнении систем образования в разных странах как определенной культурной среды, в которой критическое мышление развивается. В системе образования концентрировано выражаются менталитет нации, политика государства и культурные особенности народа. Система образования транслирует весь опыт, знания, навыки и отношения, отчасти религию и ее особенности следующему поколению. Через систему образования государство может сохранять и поддерживать важные ценности. В своем развитии образование рассматривается как отражение общества или нации, и одновременно общество или нация формируются в системе образования. Кроме того, система образования может рассматриваться в качестве подсистемы в рамках целостной системы государства.

Обратимся к существенным особенностям системы образования Индонезии. Цель системы образования определена как создание эффективного и независимого человека, чьи ценности основаны на Pancasila, т.е. государственной идеологии, изложенной в пяти основных принципах Республики Индонезии: вера в единого Бога, справедливое и цивилизованное человечество, в том числе терпимость ко всем людям; единство Индонезии; демократия с привлечением мудрых советов представителей народа; социальная справедливость для всех, а также поддержка индонезийского общества, народа и государства.

Индонезия с 1945 года 11 раз обновляла учебную программу, так как общество на протяжении этого периода постоянно менялось. Эти изменения, как считается, логически вытекали из изменений политической системы, социальной, культурной, экономической, научной и технической сфер в жизни общества, нации и государства. Новая национальная учебная программа рассчитана на развитие критического мышления и творческий подход школьников, а также предоставляет больше возможностей получить современные знания.

Рассмотрим научные исследования индонезийских школьников. По словам Р. Маулана (Maulana & Opdenakker, 2014), ряд исследователей обнаружили, что у индонезийцев выше уровень коллективизма, а уровень индивидуализма ниже, чем у граждан США и других западных культур. В таком коллективистском обществе, как в Индонезии, участие учителей важно для академической мотивации учеников. Опыт автономного обучения учащихся одобряется меньше, потому что социальная гармония и поддержка группы

на протяжении всей жизни в стране высоко ценится и рассматривается как обязательство. Индонезийский учащийся ценит обучение не только потому, что оно ему интересно, но и потому что он воплощает ожидания учителей (и родителей) в прилежной учебе и реализации успеха.

Исследования системы образования Индонезии показали, что ее участники оценивают дистанцию между учеником и учителем как значительную. По мнению Р. Маулана (Maulana & Opdenakker, 2014), система школьного образования довольно консервативна. Что касается участия родителей в образовательном процессе, можно сказать, что индонезийские родители и комитет школы не принимают в нем активного участия, особенно в процессе принятия решений в школе и ее деятельности.

”

В системе образования концентрировано выражаются менталитет нации, политика государства и культурные особенности народа. Система образования транслирует весь опыт, знания, навыки и отношения, отчасти религию и ее особенности следующему поколению. Через систему образования государство может сохранять и поддерживать важные ценности.

“

Остановимся подробнее на системе образования в России. Российская система образования переживает сейчас непростой этап реформирования. Новый этап реформы начался с принятием в 2000 году Национальной доктрины образования Российской Федерации, в которой закреплены цели и основные направления развития образования до 2025 года.

Основными задачами программы являются: модернизация общего и дошкольного образования в качестве поддержки социального развития; приведение содержания и структуры профессионального образования в соответствие с потребностями рынка труда; развитие системы качества образования и актуальности образовательных услуг.

К принципам и общим целям образования на основании статьи 2 Закона об образовании 2012 года¹ и последующих изменений и дополнений политика государственного образования основывается на следующих принципах:

1. Гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Гражданское образование, трудолюбие, уважение прав и свобод человека, любовь к окружающей природе, Родине и семье.

2. Единство федерального культурного и образовательного пространства. Защита и развитие системы образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей многонационального государства.

3. Доступность образования и адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки студентов и школьников.

4. Светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

5. Свобода и плюрализм в образовании.

6. Демократический, общественный характер управления образованием, а также автономия учебного заведения.

Государственные образовательные стандарты играют важную роль в развитии содержания образования.

Рассмотрим также характеристику учеников, их связь со школой и культурой. После распада Советского Союза российская система образования вступила в длительный процесс реформирования и трансформации. Реформы, проводимые в Российской Федерации, были нацелены на преобразование жестко централизованной советской системы образования в систему, которая была бы децентрализованной, более отзывчивой на местном и региональном уровнях и построена с учетом потребностей учащихся и рыночной экономики. Кроме того, реформы имели задачу «развивать способности учеников к самостоятельному принятию решений, критическому мышлению и осознанию себя частью демократического общества» (Light & Pierson, 2016).

Поэтому и внимание к развитию навыков критического мышления уделяется именно на занятиях естественно-научного цикла. Так, например, исследование М. Л. Варлаковой (Варлакова, 2012) посвящено анализу приемов развития мышления на уроках физики, причем занятия физикой определяются автором как основополагающие в данном направлении. Все приемы распределены по отдельным стадиям урока (вызов, осмысление, рефлексия), однако большинство приемов носит скорее междисциплинарный характер (написание эссе, составление синквейна и т.д.).

В своем исследовании Д. Лайт и Е. Пиерсон (Light & Pierson, 2016) изучали поведение учеников и то, как они ведут себя в школе. Они пишут, что в целом в российских школах процесс обучения более организованный и дисциплинированный, нежели в других странах. Они сообщили, что во время урока практически не возникает никаких проблем, дети сидят на своих местах и участвуют в уроке. Ученики сохраняют чувство самоконтроля и дисциплину, что редко встречается в американских школах. В качестве примера они приводят использование мобильного телефона. В российских школах детям разрешено его иметь, но они его не используют даже во время письменных заданий во время урока.

Другое положительное качество российских учеников заключается в том, что они, как правило, мотивированы работать в школе, что повышает эффективность их деятельности (Light & Pierson, 2016), им нравится быть в школе. Семьи учеников и сами российские ученики более тесно связаны со школой. Российские родители работают над поддержанием авторитета преподавателей и, как правило, помогают своим детям путем их поддержки и помощи при выполнении домашних заданий. Преподаватели также заинтересованы в успеваемости своих учеников и разнообразии их жизни.

Российские ученики, как правило, организованы и дисциплинированы. Они меньше подвержены сбоям в образовательном процессе, чем ученики других стран. Эти исследователи отмечают, что практически не наблюдали проблем с дисциплиной даже во время увеличения времени занятия по инициативе учителей. Ученики оставались на своих местах и отвечали на вопросы, когда их спрашивали. Они сохраняли чувство самоконтроля и дисциплины (Light & Pierson, 2016).

Кроме того, Д. Лайт и Е. Пиерсон (Light & Pierson, 2016) также признают, что семья и школа тесно связаны между собой. Родители стараются поддержать полномочия и работу учителей и, как правило, поддерживают образование своих детей путем укрепления позиций школы и помощи в выполнении домашних заданий.

В Индонезии и России система образования играет крайне важную роль. В обеих странах она в последнее время подверглась значительному реформированию, и на текущий момент и в той, и в другой стране исследователи отмечают необходимость дальнейших изменений. По мнению ряда специалистов, ученики Индонезии отличаются большим коллективизмом, желанием общаться и работать в малых группах. Желание учиться активно поддерживается на уровне семьи и государственной политики. Получение диплома – важный стимул для ученика в Индонезии.

Российские ученики отличаются большей дисциплинированностью, признают необходимость и важ-

¹ Закон РФ «Об образовании» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.

ность выполнения поставленных в школе задач. Различия наблюдаются и на уровне образовательных программ, когда в России традиционно много внимания уделяется предметам естественно-научного цикла, а в Индонезии скорее изучению языков, гражданскому, религиозному и нравственному воспитанию. В целом учебная нагрузка в течение недели в Индонезии более высокая, чем в России.

Методология, методы и материалы исследования

Для организации нашего исследования были выбраны две группы подростков. Одна группа постоянно проживает и учится в Индонезии, другая – в России. В общей сложности в данном исследовании принимали участие 80 детей. Из них 40 человек являются российскими учащимися Екатеринбурга (Свердловская область), и 40 человек – индонезийские учащиеся средней школы Джакарты. По возрасту это подростки 13 лет (6,3 %), 14 лет (52,53 %) и 15 лет (41,3 %). Поведение подростков характеризуется учителями как девиантное, относящееся к асоциальному по классификации девиантного поведения Е. В. Змановской².

Исследование было проведено в марте-апреле 2019 года.

Для измерения уровня критического мышления использован Тест повседневных умозаключений, разработанный П. Фасиоунем с коллегами.

Тест Повседневных умозаключений (Test of Everyday Reasoning (TER)) представляет собой 35 вопросов с несколькими вариантами ответов. Тест предназначен для учащихся средних школ и измеряет навыки рассуждения у экзаменуемого. Этот прогрессивный тест оценивает способность тестируемого анализировать и оценивать различные формы информации. TER «обеспечивает общий балл по навыкам критического мышления и 5-балльную оценку Анализа, Умозаключения, Оценки, Индукции, Рассуждения и Дедукции, которые предусмотрены для каждого тестируемого» (Lee, 2013).

Интерпретация методики следующая: общий балл указывает на общий критический уровень мышления индивидуума. Этот показатель полезен для сравнения навыков критического мышления у разных людей.

Также выделяются ряд дополнительных параметров, используемых для интерпретации результатов в качественном анализе:

Анализ: для данного исследования анализ имеет двойное значение. Прежде всего анализ используется, чтобы понять и выразить смысл или значение широкого спектра переживаний, ситуаций, данных, событий, решений, соглашений, верований, правил, процедур и критериев. Анализ также нужен для выявления пред-

полагаемых и фактических отношений между высказываниями, вопросами, понятиями, описаниями или другими формами представлений, предназначенных для выражения убеждений, суждений, опыта, причин, информации или мнения.

Вывод означает «определение и закрепление результатов, необходимых для обоснованного умозаключения; формулирование домыслов и гипотез; рассмотрение соответствующей информации; формулирование информации, вытекающей из данных, заявлений, принципов, доказательств, суждений, убеждений, мнений, понятий, описаний, вопросов или других форм представления».

Оценка: существуют два аспекта оценки TER. В первую очередь это «оценка достоверности заявлений или других представлений, которые воспринимает человек, то, как он переживает ситуации, воспринимает суждения, убеждения или мнения; и оценивает логическую силу фактических или предполагаемых умозаключений и отношения между высказываниями, описаниями, вопросами или другими формами представлений». TER также оценивает «изложение результатов своего рассуждения; обоснование, доказательную базу рассуждения, концептуальные, методологические, контекстные соображения и их критерии и результаты, которые были основаны на них; а также представление своего рассуждения в виде убедительных аргументов».

Индуктивное рассуждение возникает, когда вывод оправдывается наличествующими фактами, изложенными в предложении. Вывод, однако, не является абсолютным. Делать вывод о чем-то менее знакомом на основе характеристик чего-то знакомого является рассуждением по аналогии или индуктивным рассуждением. Индуктивные рассуждения – это также предсказание того, что произойдет в будущем на основании прошлого опыта. Качество индуктивного рассуждения зависит от точности заключения. Индуктивные рассуждения приходят к выводу, что предположительно может быть правдой, основываясь на конкретной информации, которая точно является правдой.

В дедуктивном подходе аргумент считается истинным, если он основывается на предположениях, которые могут быть правдой. Дедуктивные рассуждения движутся от обобщений к предположительной правде, к определенному выводу, который, как предполагается, может быть правдой.

Интерпретация является возможностью «понять и выразить смысл или значение широкого спектра переживаний, ситуаций, данных, событий, решений, соглашений, верований, правил, процедур или критериев» (Facione, 1990; Bandura & Cervone, 1983).

Объяснение «излагает результаты своего рассуждения; чтобы подкрепить рассуждение доказательными,

² Змановская, Е. В., Рыбников, В. Ю. (2011). *Девиантное поведение личности и группы: учебное пособие*. Питер.

концептуальными, методологическими, контекстными соображениями и их критериями, на которых основаны результаты; и представляет свое рассуждение в виде убедительных аргументов» (Facione, 1990; Davies, 2015).

Саморегулирование требует индивидуального сознательного «контроля своей познавательной деятельности, элементов, используемых при этом, а также развития результатов, в частности, путем применения навыков в области анализа и оценки собственных умозаключений с целью их подтверждения, проверки или исправления либо своего мнения, либо своего результата» (Elder & Paul, 2013; Ennis, 1993).

Разработчики предлагают следующие *нормы* теста критического мышления: низкий ≤ 16 , средний = 17–22, высокий ≥ 23 . Однако необходимо учитывать, что данные нормы не валидизированы для российской выборки, поэтому в анализе нами использовалось только сравнение полученных результатов без оценки общей успешности выполнения теста.

Следующим используемым тестом стал *тест самооценки Дембо-Рубинштейн*. Измерительная шкала самооценки является модификацией процедуры оценки личности, разработанной Т. Дембо и С. Рубинштейн. Шкала состоит из девяти составляющих: «здоровье», «ум», «характер», «счастье», «академическая успеваемость», «профессиональное мастерство», «социальные контакты», «внешность», «общая оценка себя», «будущее» (Сидоров, 2013).

В качестве третьей методики использовался *культурно-свободный тест интеллекта Кеттелла*. Выбор методик был обусловлен задачей сравнения результатов по тесту критического мышления.

Полученные данные были математически обработаны в программе SPSS v.23. Для расчета нормальности распределения использовался коэффициент Колмогорова-Смирнова, для расчета корреляций

– коэффициент корреляции Спирмена, для расчета сравнений выборок – t-критерий Стьюдента.

Результаты исследования

Корреляционные показатели по всей выборке испытуемых представлены в Таблице 1. Расчеты между уровнем интеллекта и критического мышления школьников России и Индонезии показывает, что существует положительная связь между уровнем интеллекта и критического мышления (0.5144, $p < 0,005$). т. е. чем более показатели IQ возрастают вместе с увеличением величины критического мышления. Нам кажется, что данный вывод вполне логичен, т. к. уровень IQ отражает способность адекватно сравнивать, обобщать, соотносить различные элементы, что является основой сформированного критического мышления.

Существует взаимосвязь между позитивной самооценкой и критическим мышлением со значением корреляции = 0.3297, при $p < 0,005$. Это означает, чем выше значение самооценки, тем выше показатель критического мышления. Данный вывод мы объясняем тем, что ребенок с развитым критическим мышлением склонен оценивать себя адекватно или высоко, т. к. это предполагает и высокие результаты в учебе и возможный успех в компании сверстников.

Также отмечается положительная связь между уровнем притязаний и критического мышления (0.283984 при $p < 0,05$). Возможно, это объясняется тем, что человек с развитым критическим мышлением склонен предъявлять к себе высокие требования и ставит трудные перспективные задачи.

В таблице 2 можно увидеть распределение показателей IQ в зависимости от уровня самооценки по всей выборке.

Как видно, большая часть школьников с завышенной самооценкой действительно имеют и высокий показатель критического мышления (в среднем 20,12),

Таблица 1. Корреляционные показатели по всей выборке испытуемых

Table 1. Correlation indicators for the entire sample of subjects

Variable	Correlations (Spreadsheet2)						
	class	age	SO	UP	otcl	iq	crit think
class	1,000000	0,519309	0,307129	0,358745	0,051481	0,112795	0,178050
age	0,519309	1,000000	0,087078	0,125290	0,039144	-0,075777	0,061282
SO	0,307129	0,087078	1,000000	0,542022	-0,484191	0,047974	0,329736
UP	0,358745	0,125290	0,542022	1,000000	0,472845	0,185408	0,283984
otcl	0,051481	0,039144	-0,484191	0,472845	1,000000	0,142739	-0,050062
iq	0,112795	-0,075777	0,047974	0,185408	0,142739	1,000000	0,514494
crit think	0,178050	0,061282	0,329736	0,283984	-0,050062	0,514494	1,000000

Таблица 2. Показатели распределения испытуемых в зависимости от уровня самооценки (вся выборка)

Table 2. Indicators of the distribution of subjects depending on the level of self-esteem (whole sample)

Breakdown Table of Descriptive Statistics (data) N=80 (No missing data in dep. var. list)						
SO nom	iq Means	iq N	iq Std.Dev.	crit think Means	crit think N	crit think Std.Dev.
h	116,3889	54	10,44558	20,12963	54	3,291191
m	113,3913	23	10,59476	18,65217	23	2,773391
l	121,6667	3	6,50641	17,33333	3	1,527525
All Grps	115,7250	80	10,42875	19,60000	80	3,180638

однако наиболее низкий уровень IQ у школьников с адекватной самооценкой (23 человека, 113,39).

Далее представлена аналогичная таблица по критерию адекватности уровня притязаний (Таблица 3).

Как видно из таблицы, высокому уровню притязаний (h) действительно свойственен высокий показатель IQ (средний уровень по группе 116,33).

Таким образом, дети с высоким уровнем критического мышления имеют завышенный уровень притязаний и самооценку, а дети с высоким IQ чаще имеют заниженную самооценку при высоком уровне притязаний.

Таблица 3. Показатели распределения испытуемых в зависимости от уровня притязаний (вся выборка)

Table 3. Indicators of the distribution of subjects depending on the level of aspiration (the entire sample)

Breakdown Table of Descriptive Statistics (data) N=80 (No missing data in dep. var. list)						
UP nom	iq Means	iq N	iq Std.Dev.	crit think Means	crit think N	crit think Std.Dev.
m	114,6818	22	11,71644	18,63636	22	2,854328
h	116,3333	57	9,93431	20,03509	57	3,229136
l	104,0000	1	0,00000	16,00000	1	0,000000
All Grps	115,7250	80	10,42875	19,60000	80	3,180638

Корреляции по отдельным выборкам исследования представлены в Таблицах 4 и 5.

Результаты расчета корреляции между IQ и критическим мышлением у российских подростков показывают, что существует положительная связь между IQ и уровнем критического мышления (0,672829 при $p \leq 0,005$).

Результаты расчета корреляции самооценки и уровнем притязаний школьников в Индонезии показал значение $r = 0,255123$, при $p \leq 0,005$ (см. Таблицу 5). В отличие от российской выборки это говорит о большей согласованности показателей. Мы объясняем этот

Таблица 4. Корреляционные показатели по выборке «Россия»

Table 4. Correlation indicators for the sample «Russia»

Correlations (data RF) Marked correlations are significant at $p < ,05000$ N=40 (Casewise deletion of missing data)							
Variable	Means	Std.Dev.	SO	UP	otcl	iq	crit think
SO	57,0000	8,07020	1,000000	0,145867	-0,492510	-0,043655	0,206207
UP	75,0000	11,43544	0,145867	1,000000	0,789157	0,320162	0,121905
otcl	18,0000	12,99901	-0,492510	0,789157	1,000000	0,308754	-0,020778
iq	113,4750	11,13550	-0,043655	0,320162	0,308754	1,000000	0,672829
crit think	18,4250	2,94294	0,206207	0,121905	-0,020778	0,672829	1,000000

Таблица 5. Корреляционные показатели по выборке «Индонезия»

Table 5. Correlation indicators for the sample «Indonesia»

Correlations (data In) Marked correlations are significant at $p < ,05000$ N=40 (Casewise deletion of missing data)							
Variable	Means	Std.Dev.	SO	UP	otcl	iq	crit think
SO	72,5250	8,498747	1,000000	0,575857	-0,510032	-0,258967	0,019838
UP	86,0250	8,012948	0,575857	1,000000	0,409514	-0,297106	0,134465
otcl	13,5000	7,616054	-0,510032	0,409514	1,000000	-0,023608	0,119335
iq	117,9750	9,269436	-0,258967	-0,297106	-0,023608	1,000000	0,255213
crit think	20,7750	2,999893	0,019838	0,134465	0,119335	0,255213	1,000000

результат также и тем, что в индонезийской выборке чаще встречались ситуации, когда уровень самооценки и уровень притязаний у детей находится на одной отметке.

Обратимся к результатам сравнительного анализа выборок учащихся в Индонезии и России (Таблица 6).

Результаты показывают, что существуют значительные различия в показателях самооценки и уровня притязаний между детьми в Индонезии и России (показатель детей в Индонезии выше). Также существует более высокий показатель развития уровня критического мышления, при незначительных различиях в уровне IQ по тесту Кеттелла. Объяснение этого факта, на наш взгляд, должно быть связано с более высокой, нежели в России, учебной нагрузкой в Индонезии, с одной стороны, и более широким применением методов интерактивного обучения, с другой стороны.

Обсуждение результатов исследования

Проведенный анализ показал, что имеется значимая связь в степени выраженности самооценки учащихся из России и Индонезии и показателями критического мышления и IQ.

В исследуемой выборке было обнаружено различие в навыках критического мышления учащихся России и Индонезии, которое связано с особенностями организации учебного процесса. По результатам исследования навык критического мышления подростков из Индонезии оказался более сформированным. Анализ образовательных программ и общепринятые формы работы с учащимися в Индонезии, на наш взгляд, являются обоснованной причиной таких различий.

Отсутствуют существенные различия в уровне IQ учеников 8-го класса из России и Индонезии. По нашему мнению, это связано с тем, что успешность выполнения культурно-свободного теста Кеттелла не зависит от уровня обученности ребенка, результат скорее связан с общими мыслительными способностями.

Также стоит отметить различия между развитием самооценки и уровнем притязаний учеников 8-го класса из России и Индонезии – такие различия были найдены, причем уровень самооценки и притязаний в индонезийской выборке оказался завышенным по российским нормам теста. Мы считаем, что это объясняется культурными различиями выборок.

Выводы исследования

Как показало теоретическое изучение, ведущими факторами формирования критического мышления является правильно выстроенная в процессе обучения таксономия задач, а также особым образом организованный процесс обучения, включающий в основном интерактивные формы работы.

Анализ исследований по изучению связи критического мышления с различными личностными конструктами показал, что перспективными направлениями являются исследование интеллекта, самооценки и такой категории, как самоэффективность. При этом проведенные ранее исследования не носят кросс-культурного характера, поэтому задача анализа этнических особенностей и сравнение образовательных программ в разных странах представляется актуальной и востребованной.

Изучение интеллекта и критического мышления в данном исследовании соотносится с комплексными исследованиями теории способностей, анализирующими отдельные познавательные процессы: абстрактное мышление, оперативную память, внимание, установку на решение проблем (Holdnack, 2019), лингвистические умения (Tabrizi & Jafari, 2015).

Внедрение в образовательную практику российских школ специальных средств формирования критического мышления с опорой на интерактивные формы работы, задания на формирование специфических особенностей критического мышления должны способствовать более высоким достижениям учащихся как

Таблица 6. Результаты сравнения показателей испытуемых по t-критерию Стьюдента

Table 6. The results of comparing the indicators of subjects according to Student's t-test

Variable	T-tests; Grouping: country (Spreadsheet2)								
	Mean P	Mean И	t-value	df	p	Valid N P	Valid N И	Std.Dev. P	Std.Dev. И
class	7,5500	8,0000	-5,64881	78	0,000000	40	40	0,50383	0,000000
age	13,3000	13,4000	-0,74642	78	0,457658	40	40	0,64847	0,545377
SO	57,0000	72,5250	-8,37792	78	0,000000	40	40	8,07020	8,498747
UP	75,0000	86,0250	-4,99364	78	0,000004	40	40	11,43544	8,012948
otcl	18,0000	13,5000	1,88908	78	0,062598	40	40	12,99901	7,616054
iq	113,4750	117,9750	-1,96433	78	0,053054	40	40	11,13550	9,269436
crit think	18,4250	20,7750	-3,53671	78	0,000686	40	40	2,94294	2,999893

в обучении, так и в решении актуальных жизненных задач. Особое значение, на наш взгляд, это имеет для девиантных подростков. Формирование критического мышления должно способствовать профилактике и коррекции девиантного поведения.

При этом важно отметить, что данное исследование имеет **ряд ограничений**, которые могли бы быть улучшены при проведении подобной работы:

1. В этом исследовании использованы небольшие выборки – всего по 40 человек в каждой стране. На

наш взгляд, было бы более корректно в дальнейшем опираться на большее количество респондентов, чтобы иметь возможность подготовить более репрезентативные результаты.

2. Необходимо провести масштабную работу по совершенствованию и валидации методики измерения критического мышления. Данный инструмент мог бы стать эффективным средством оценки действующих образовательных программ, а также оценки конкретных умственных умений подростков.

Список литературы

- Болотов, В., Спиро Д. (1995). Критическое мышление – ключ к преобразованиям российской школы. *Директор школы*, 95(1), 67-73.
- Варлакова, М. Л. (2012). Развитие критического мышления на уроках физики. *Омский научный вестник*, 2(106), 243-245.
- Вилькеев, Д. (1997). *Педагогическое мышление и его формирование у студентов*. Казань: Казанский педагогический университет.
- Росалина, Т. (2016). Критическое мышление: литературный обзор. В *Вопросы образования: история, теория, практика: сборник научных статей в 2-х частях* (ч. 1, стр. 5-12). Екатеринбург: УрГПУ.
- Сидоров, К. Р. (2013). Методика Дембо-Рубинштейн и ее модификация. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, 1, 40–42.
- Смирнов, А. А. (1987). *Избранные психологические труды*: В 2 х т. Москва: Педагогика.
- Теплов, Б. М. (1985). *Избранные труды*: в 2 т. Т.2. Москва: Педагогика.
- Хачумян, Т. И. (2003). Понятие «критическое мышление» и его сущность в психолого-педагогической науке. *Теоретические вопросы культуры, образования и воспитания*, Т. 2, 171–177.
- Ямщикова, Л. *Критическое мышление как вид мыслительной деятельности*. Режим доступа: http://spc.ks.ua/file_download/42
- Bandura, A., & Cervone, D. (1983). Self-evaluative and self-efficacy mechanisms governing the motivational effects of goal systems. *Journal of personality and social psychology*, 45, 1017-1028.
- Davies, M. (2015). A model of critical thinking in higher education. In Michael B. Paulsen (Ed.), *Higher education: Handbook of theory and research* (pp. 41-92). Springer, Cham.
- Elder L., & Paul R. (2013). *30 Days to Better Thinking and Better Living Through Critical Thinking: A Guide for Improving Every Aspect of Your Life*. Pearson Education.
- Ennis, R. H. (1987). A Taxonomy of Critical Thinking Dispositions and Abilities. In J. B. Baron, & R. J. Sternberg (Eds.), *Teaching Thinking Skills: Theory and Practice* (pp. 9-26). New York: Freeman.
- Ennis, R. H. (1993). Critical Thinking Assessment. *Theory into Practice*, 32(3), 179-186. <https://doi.org/10.1080/00405849309543594>
- Facione, P. A., Giancarlo, C. A., Facione, N. C., & Gainen, J., (1995). The disposition toward critical thinking. *The Journal of General Education*, 44(1), 1-25.
- Facione, P. A. (1990). *Critical thinking: A statement of expert consensus for purposes of educational assessment and instruction (The Delphi Report)*. Millbrae, CA: California Academic Press.
- Fasko, D. Jr. (1994). Critical thinking and Moral Reasoning; Can you have one without the other? In *Paper presented at the Annual Meeting of the Mid-South Educational Research Association*. Nashville.
- Hanson, S. (2015). *Learning legal skills and reasoning*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315678474>
- Holdnack, J. A. (2019). The development, expansion, and future of the WAIS-IV as a cornerstone in comprehensive cognitive assessments. In *Handbook of psychological assessment* (pp. 103-139). Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-802203-0.00004-3>
- Lai, E. R. (2011). Critical thinking: A literature review. *Pearson's Research Reports*, 6 (1), 40-41.
- Lee, B. M. (2013). Development of Critical Thinking in Secondary Students.
- Light, D. & Pierson, E. (2016). Highlighting changes in two russian schools with successful one-to-one laptop programs: Moscow and Nizhny Novgorod case studies. *Open Education*, 2 (97), 85–88.
- Maulana, R. & Opdenakker, M. C. (2014). Teachers' interpersonal involvement as a predictor of students' academic motivation among Indonesian secondary school students: A multilevel growth curve analysis. *The Asia-Pacific Education Researcher*, 23(3), 591–603. <https://doi.org/10.1007/s40299-013-0132-7>

- Reed, J. H. (1998). *Effect of a model for critical thinking on student achievement in primary source document analysis and interpretation, argumentative reasoning, critical thinking dispositions, and history content in a community college history course*. University of South Florida.
- Sternberg, R. J. (1986). *Critical Thinking: Its Nature, Measurement, and Improvement*. National Institut Of Education, Washington, D.C.
- Tabrizi, A. R. N. & Jafari, M. (2015). The Relationship among Critical Thinking, Self Efficacy, and Iranian EFL Learners' Reading Comprehension Ability with Different Proficiency Levels. *Academic Research International*, 6(2), 412-427.

References

- Bolotov, V., Spiro D. (1995). Kriticheskoe myshlenie – klyuch k preobrazovaniyam rossijskoj shkoly. *Direktor shkoly*, 95(1), 67-73.
- Varlakova, M. L. (2012). Razvitie kriticheskogo myshleniya na urokah fiziki. *Omskij nauchnyj vestnik*, 2(106), 243-245.
- Vil'keev, D. (1997). *Pedagogicheskoe myshlenie i ego formirovanie u studentov*. Kazan': Kazanskij pedagogicheskij universitet.
- Rosalina, T. (2016). Kriticheskoe myshlenie: literaturnyj obzor. V *Voprosy obrazovaniya: istoriya, teoriya, praktika: sbornik nauchnyh statej v 2-h chastyah* (ch. 1, str. 5-12). Ekaterinburg: UrGPU.
- Sidorov, K. R. (2013). Metodika Dembo-Rubinshtejn i eyo modifikaciya. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika»*, 1, 40–42.
- Smirnov, A. A. (1987). *Izbrannye psihologicheskie trudy: V 2-h t*. Moskow: Pedagogika.
- Teplov, B. M. (1985). *Izbrannye trudy: v 2 t. T.2*. Moskow: Pedagogika.
- Hachumyan, T. I. (2003). Ponyatie «kriticheskoe myshlenie» i ego sushchnost' v psihologo-pedagogicheskoy nauke. *Teoreticheskie voprosy kul'tury, obrazovaniya i vospitaniya*, T. 2, 171–177.
- Yamshchikova, L. *Kriticheskoe myshlenie kak vid myslitel'noj deyatel'nosti*. Rezhim dostupa: http://spc.ks.ua/file_download/42
- Bandura, A. & Cervone, D. (1983). Self-evaluative and self-efficacy mechanisms governing the motivational effects of goal systems. *Journal of personality and social psychology*, 45, 1017-1028.
- Davies, M. (2015). A model of critical thinking in higher education. In Michael B. Paulsen (Ed.), *Higher education: Handbook of theory and research* (pp. 41-92). Springer, Cham.
- Elder, L. & Paul, R. (2013). *30 Days to Better Thinking and Better Living Through Critical Thinking: A Guide for Improving Every Aspect of Your Life*. Pearson Education.
- Ennis, R. H. (1987). A Taxonomy of Critical Thinking Dispositions and Abilities. In J. B. Baron, & R. J. Sternberg (Eds.), *Teaching Thinking Skills: Theory and Practice* (pp. 9-26). New York: Freeman.
- Ennis, R. H. (1993). Critical Thinking Assessment. *Theory into Practice*, 32(3), 179-186. <https://doi.org/10.1080/00405849309543594>
- Facione, P. A., Giancarlo, C. A., Facione, N. C., & Gainen, J., (1995). The disposition toward critical thinking. *The Journal of General Education*, 44(1), 1-25.
- Facione, P. A. (1990). *Critical thinking: A statement of expert consensus for purposes of educational assessment and instruction (The Delphi Report)*. Millbrae, CA: California Academic Press.
- Fasko, D. Jr. (1994). Critical thinking and Moral Reasoning: Can you have one without the other? In *Paper presented at the Annual Meeting of the Mid-South Educational Research Association*. Nashville.
- Hanson, S. (2015). *Learning legal skills and reasoning*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315678474>
- Holdnack, J. A. (2019). The development, expansion, and future of the WAIS-IV as a cornerstone in comprehensive cognitive assessments. In *Handbook of psychological assessment* (pp. 103-139). Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-802203-0.00004-3>
- Lai, E. R. (2011). Critical thinking: A literature review. *Pearson's Research Reports*, 6(1), 40-41.
- Lee, B. M. (2013). Development of Critical Thinking in Secondary Students.
- Light, D. & Pierson, E. (2016). Highlighting changes in two russian schools with successful one-to-one laptop programs: Moscow and Nizhny Novgorod case studies. *Open Education*, 2 (97), 85–88.
- Maulana, R. & Opdenakker, M. C. (2014). Teachers' interpersonal involvement as a predictor of students' academic motivation among Indonesian secondary school students: A multilevel growth curve analysis. *The Asia-Pacific Education Researcher*, 23(3), 591–603. <https://doi.org/10.1007/s40299-013-0132-7>
- Reed, J. H. (1998). *Effect of a model for critical thinking on student achievement in primary source document analysis and interpretation, argumentative reasoning, critical thinking dispositions, and history content in a community college history course*. University of South Florida.

Sternberg, R. J. (1986). *Critical Thinking: Its Nature, Measurement, and Improvement*. National Institut Of Education, Washington, D.C.

Tabrizi, A. R. N. & Jafari, M. (2015). The Relationship among Critical Thinking, Self Efficacy, and Iranian EFL Learners' Reading Comprehension Ability with Different Proficiency Levels. *Academic Research International*, 6(2), 412-427.

Информация об авторах:

Росалина Тио – ассистент профессора кафедры психологии Университета Дхьяна Пура, Индонезия. Занимается исследованиями в области детской и педагогической психологии.

Муслумов Рустам Рафикович – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования департамента психологии Уральского федерального университета.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 17.03.2022

Одобрена после рецензирования 18.04.2022

Опубликована 29.04.2022

About the authors:

Tio Rosalina – Assistance Professor of Department of Psychology of Universitas Dhyana Pura, Indonesia. Work focus on Child and Educational Psychology.

Rustam R. Muslumov – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Education of the Department of Psychology of the Ural Federal University

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted March 17, 2022

Approved after reviewing April 18, 2022

Accepted April 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-51-62

Метафорический метод в подготовке субъектов профилактики девиантного поведения подростков

**Гаррисон
Елена**

Университет Монтана
(Миссула, США)

egarrison2@spscc.edu

ORCID: 0000-0001-8678-3031

**Ворошилова
Мария Борисовна**

Уральский институт управления –
филиал Российской академии народ-
ного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
(Екатеринбург, Россия)

viofafa@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7578-352X

**Сальцев
Андрей Александрович**

Уральский институт управления –
филиал Российской академии народ-
ного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
(Екатеринбург, Россия)

saltsev-aa@ranepa.ru

Аннотация

В статье обсуждается проблема координации деятельности субъектов профилактической работы с несовершеннолетними. Проведенный анализ показывает неэффективность работы субъектов профилактики правонарушений среди подростков, в том числе низкую активность самих субъектов, отсутствие реальных механизмов взаимодействия, отсутствие стратегий реагирования на действия деструктивных группировок на молодых людей. Решение проблемы видится в разработке практик группового взаимодействия субъектов профилактики, позволяющих сформировать целостный и непротиворечивый образ подростка в трудной жизненной ситуации. Отсутствие методов и методик, обеспечивающих решение данной задачи, стало отправной точкой для проведения исследования. Методологическим основанием исследования выступила теория концептуальной метафоры, а также методология ее применения, разработанная в когнитивной лингвистике. Обсуждаются формы ее применения в различных социальных науках и практиках.

Эмпирическое исследование осуществляется методом группового тренинга, дополненным методикой выявления представлений субъектов профилактики о девиантных подростках. В качестве методов сбора информации были выбраны приемы метафорической визуализации проблемного пространства, сценирования конфликтных ситуаций, графическая схематизация факторов и условий девиантного поведения.

Выборка включает 70 представителей государственных и общественных организаций, осуществляющих профилактику подростковых девиаций. Эмпирическим материалом стали метафорические модели, сформированные участниками тренинга в процессе составления «карт мира девиантных подростков». Результатом исследования стали: апробация методики конструирования метафорической модели, определение типовых характеристик образа девиантного подростка. Были установлены возможности и ограничения применения методики для выявления причин и условий девиантного поведения подростков. Дальнейшая разработка методов координации межведомственного взаимодействия субъектов профилактики девиантного поведения в работе с трудными подростками является очевидной перспективой исследования.

Благодарности

Исследование выполнено по решению Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области, Департамента молодежной политики Министерства образования Свердловской области. В процессе реализации проекта в качестве наблюдателей были привлечены обучающиеся Уральского института управления – РАНХиГС: А. Палкина, А. Фомин.

Ключевые слова

профилактика девиаций, подростковая девиантность, взаимодействие субъектов профилактики, групповой тренинг, восприятие девиаций

Для цитирования: Гаррисон, Е., Ворошилова, М. Б., Сальцев, А. А. (2022). Метафорический метод в подготовке субъектов профилактики девиантного поведения подростков. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 51–62. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-51-62.

Original paper

Metaphorical method in training work with subjects of prevention of youth deviations

Elena Garrison

University of Montana
(Missula, USA)
egarrison2@spscc.edu

ORCID: 0000-0001-8678-3031

Mariya B. Voroshilova

Ural Institute of management,
branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
(Yekaterinburg, Russia)
viofafa@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7578-352X

Andrey A. Sal'cev

Ural Institute of management,
branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
(Yekaterinburg, Russia)
saltsev-aa@ranepa.ru

Abstract

The article discusses problem of coordination of subjects of preventive work with minors. The analysis shows the inefficiency of the subjects of prevention of delinquency among adolescents, including the low activity of the subjects themselves, the lack of real mechanisms of interaction, the lack of strategies to respond to actions of destructive groups on young people. The solution of the problem is seen in the development of practices of group interaction of subjects of prevention, allowing to form a complete and consistent image of the teenager in a difficult life situation. The absence of methods providing the decision of this problem became a starting point for carrying out research. The theory of conceptual metaphor became the methodological basis of the study.

The empirical research is carried out by a method of group training. The technique of gathering of representations of subjects of prevention about deviant teenagers is used. Sample of this research included 70 employees of state and public organizations. Metaphorical models formed by the participants of the training in the process of making «maps of the world of deviant adolescents» were the empirical material. The result of the research was the testing of the method of constructing a metaphorical model. The possibilities and limitations of its use for identifying the causes and conditions of deviant behavior of adolescents were determined. The prospects of the research are further development of methods of coordination of interdepartmental interaction of subjects of prevention of deviant behavior of adolescents.

Acknowledgements

The study was carried out by decision of the Commissioner for Children's Rights in the Sverdlovsk Region, the Department of Youth Policy of the Ministry of Education of the Sverdlovsk Region. During the implementation of the project, students from the Ural Institute of Management - RANEPА were involved as observers: A. Palkina, A. Fomin.

Keywords

prevention of deviations, teenage deviancy, interaction of subjects of prevention, group training, perception of deviations

For citation: Garrison, E., Voroshilova, M. B., Sal'cev, A. A. (2022). Metaphorical method in training work with subjects of prevention of youth deviations. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 51–62. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-51-62.

Актуальность исследования

Необходимость профилактики девиантного поведения подростков неоднократно подчеркивалась в специализированной научно-педагогической литературе. Как показывают криминологические исследования, ранняя девиантность в сочетании

с ослабленным социальным контролем, семейным неблагополучием тесно связана с криминализацией подростков. Однако эффективность профилактического воздействия обеспечивается не только увеличением количества субъектов, которые ее осуществляют, но и координацией их усилий.

В настоящее время в мировой практике набирает популярность общественно-государственное партнерство. Оно представляет собой целевую и плановую деятельность государственных институтов, общественных организаций и волонтерских инициатив по оказанию помощи неблагополучным подросткам и их семьям. Однако анализ их работы в различных странах мира показывает необходимость координации взаимодействия специалистов, занятых профилактикой подростковых девиаций.

Анализируя причины неэффективности профилактических программ, можно отметить, что их участники исходят из разных концепций девиантности, разных объяснений факторов девиантности (Gottfredson, 2018). Как следствие, профилактические действия не дают необходимого эффекта и сводятся к отдельным инициативам, слабо согласующимся между собой. В результате затрачиваемые усилия не приносят ожидаемого результата.

Для преодоления проблемы авторским коллективом выдвинуто предположение о необходимости интеграции участников профилактической работы с неблагополучными подростками, представляющих различные государственные структуры. Полагая, что взаимодействие будет более эффективным, если субъекты будут опираться на единое представление о девиантном подростке, исследователи столкнулись с недостатком методов, позволяющих сформировать данное представление. Решение данной методической проблемы заключается в разработке тренинговой программы, координирующей взаимодействие субъектов профилактики.

Статья описывает создание методики, выявляющей представление о девиантном подростке у участников тренинга. Авторский подход заключается в применении методологии когнитивной метафоры в групповом тренинге субъектов профилактики. В эмпирическом исследовании демонстрируется опыт использования метода когнитивной метафоры к изучению образа девиантного подростка, раскрывается его возможности и перспективы. Результаты свидетельствуют о потенциале методики, возможностях ее применения для широкого круга субъектов профилактики девиаций.

Обзор литературы

Процесс ресоциализации подростков с девиантным поведением неоднократно попадал в поле зрения исследователей самых различных научных направлений (Реан и др., 2021). Отметим, что зачастую исследователи, говоря о процессе ресоциализации, понимают под ним «определенную политику некоего социального института, который имеет своей целью изменение жизненного сценария подростка в контексте перевоспитания, формирование социальных ролей, не связанных с правонарушениями; восстановление социального

статуса и переход от «девиантного» к «нормальному» состоянию через преодоление идентификаций с ярлыками» (Лисовская 2021, с. 383). Нередко говорят и о взаимодействии между конкретным органом (нередко – сотрудником) и «трудным» ребенком (Катречко, 2020). Но не так много работ посвящено анализу механизмов взаимодействия субъектов профилактики с девиантными подростками (Г. Г. Фахрутдинова, М. А. Яковлева и др.), а ведь именно эта проблема имеет особое практическое значение.

В настоящее время институциональные субъекты профилактики не выработали эффективного механизма взаимодействия: каждый субъект профилактики имеет собственные цели и показатели и даже собственные критерии «отбора» подростка, с которыми он может и должен работать. Это не позволяет выстроить целостный и эффективный процесс контроля и противодействия девиантному поведению, позволяющий его участникам взаимодействовать друг с другом.

Причина видится в том, что целью деятельности субъектов профилактики является не ребенок, обладающий комплексом ценностей, знаний, навыков, а негативные проявления его поведения. Таковыми могут являться, например, правонарушения, дисциплинарные проступки, школьная неуспеваемость (Fagan, 2021). Таким образом, профилактическая деятельность ориентирована на внешнее выражение его поведения, не затрагивая внутренних, субъективных причин и переживаний, приводящих к девиантному поведению. Помимо данного несоответствия, исследователи отмечают, что в настоящее время отсутствует «закрепление в ведомственных и межведомственных нормативных актах принципов взаимодействия органов внутренних дел с другими субъектами профилактики» (Яковлева, 2018, с. 139).

Настоящее исследование является лишь первым шагом международного социально-научного проекта, цель которого сформировать когнитивную-аксиологическую модель взаимодействия субъектов профилактики и подростков. В ее основе лежит идея о необходимости интеграции субъектов профилактики в целях создания единого пространства социально-профилактического развития девиантных подростков. Схожая идея реализована в программе профилактики домашнего насилия (Rogers et al., 2019). Данное пространство соединяет ценность жизненного благополучия ребенка с возможностями субъектов профилактики по привлечению различных видов ресурсов. На данном этапе нам необходимо выполнить анализ текущих процессов и действующих процессов межведомственного взаимодействия, выделить когнитивные сценарные сбой, базовые конфликтные точки, а также четко определить задачи субъектов взаимодействия – задачи как декларируемые, так и реальные. Именно эти когнитивные ошибки мешают развитию

системы, когнитивные же сценарии, напротив, определяют направления будущей работы.

Традиционно исследования, посвященные изучению вопроса взаимодействия субъектов того или иного вида действия, выполняются на основе анализа документов или статистических данных. Но в последние годы исследователи активно стали использовать экспериментальные методы психологии, социологии и когнитологии. Например, в работах И. В. Лисовской описывается применение сценарного подхода к анализу процессов ресоциализации и реинтеграции «трудных» подростков, воспитывающихся в социально-поддерживающих организациях (Лисовская, 2021).

В нашем исследовании на данном этапе мы обратились к когнитивной технологии метафорического моделирования. Предполагая, что данная технология позволяет изменять представления людей относительно разных аспектов их жизнедеятельности, мы используем ее в качестве инструмента воздействия на субъектов профилактики с целью расширения их представлений о девиантном и делинквентном поведении подростков.

Методология, методы и материалы исследования

Методология применения когнитивной метафоры широко известна в научном дискурсе как российском (Н. Д. Арутюнова, А. П. Чудинов и др.), так и зарубежном (Дж. Лакоффа, М. Джонсона и др.), а ее базовый метод метафорического моделирования широко используется в исследованиях коммуникации (Э. В. Будаев, А. В. Колмогорова, А. П. Чудинов и др.), организационной культуры (И. В. Бессонов, Т. И. Черняева, М. Гаррет и др.) и психологии подростка (Е. Н. Дзятковская, И. Н. Якунина и др.) и т. д.

В нашем исследовании метафора выступает как когнитивный механизм, «как комплекс “зеркал”, в котором, во-первых, отражается ментальный мир человека и общества в целом (метафора дает нам обширный материал для изучения когнитивных механизмов в сознании человека и социального мировосприятия), во-вторых, в этом зеркале мы видим отражение обыденных («наивных») представлений людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы» (Чудинов, 2003). Использование классического когнитивного подхода к трактовке понятия «метафоры» как «любого способа косвенного выражения мысли» (Арутюнова, 1990) позволяет использовать его не только при анализе вербального знака, но и знака визуального, аудиального. Теория и методика исследования визуальной (креолизованной) метафоры детально разработана в современном научном дискурсе (Л. С. Большакова, М. Б. Ворошилова и др.).

Метафора используется в виде средства психологического воздействия. Возможности метафоры позволяют символизировать представления субъекта,

облегчают выражение сложно вербализуемого значения и ускоряют его понимание слушателем (Esposito et al., 2017). Яркая, эмоционально насыщенная метафора раскрывает глубину идеи, разворачивая ее к слушателю. В психологическом консультировании и психотерапии метафоры применяются в различных контекстах работы. Посредством метафоры проводится описание внутренних и сложных переживаний, передается и закрепляется новое знание, происходит трансформация поведения. Возможности метода метафоры активно внедряются в управленческое консультирование. Метафорический подход является составной частью программ обучения менеджмента. Его применение оправдано для упрощения производственных и управленческих процессов. Метафора как метод психологической диагностики успешно используется в деловых играх и тренингах, а ее эффективность неоднократно обсуждалась в специализированной литературе.

”

Яркая, эмоционально насыщенная метафора раскрывает глубину идеи, разворачивая ее к слушателю.

В психологическом консультировании и психотерапии метафоры применяются в различных контекстах работы.

“

Цель эмпирического исследования: изучение представлений субъектов профилактики девиантного и делинквентного поведения подростков в ходе тренинга.

Методы исследования: основу исследования составил метод группового психологического тренинга, применявшийся для формирования представлений участников-представителей государственных и общественных институциональных структур, осуществляющих профилактику девиантного и делинквентного поведения. Тренинг позволяет решать задачи выявления и изменения представлений у определенной группы лиц за относительно короткий промежуток времени.

Метод сбора эмпирического материала. Применялся метод организационно-деятельностной игры

«Карта», позволяющей проанализировать и обобщить мнение специалистов, задействованных в профилактике девиантного поведения, относительно состояния девиантности подростка, факторов и условий, способствующих повышению девиантности. Данная методика широко используется психологами, педагогами и специалистами в области управления персоналом и др. (Черняева, 2020). В исследовании она использовалась без модификаций.

Результатом эмпирического исследования выступили метафорические модели образа жизни подростка, представленные в виде «Карты мира девиантного подростка».

Метод обработки результатов исследования.

Анализ результатов осуществляется в соответствии с процедурой описания метафорической модели, разработанной и верифицированной А. П. Чудиновым (Чудинов, 2003).

Основанием конструирования модели выступал образ жизни девиантного подростка, реконструируемый участниками тренинга. Компонентами метафорической модели выступают: исходная и новая (результатирующая) области метафорической модели, связывающие их компоненты, а также дискурсивная характеристика метафоры. Охарактеризуем их подробнее.

1. Исходная понятийная область (в иной терминологии – сфера-источник), то есть понятийная область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью понятий. По мнению участников тренинга, таковыми выступают «семья», «школа», «друзья» и др.

2. Новая понятийная область (в иной терминологии – сфера-мишень), то есть понятийная область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц. К ним относятся понятия «тюрьма», «остров», «гора» и пр.

3. Компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-мишени) значения охватываемых метафорической моделью понятийных единиц. Данный компонент является первичным для интерпретации результатов и начала изменения представлений участников тренинга. Например, при анализе метафорической модели «школа – это тюрьма» важно определить, какие признаки позволяют метафорически сблизить указанные сферы, чем именно школа может напоминать тюрьму, почему понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов в сфере-мишени.

4. Дискурсивная характеристика метафорической модели, объединяющий типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, их эмоциональные характеристики, прагматический потенциал, ее взаимосвязи с анализируемой ситуацией и проблемой, со взглядами и установками субъектов и др. Дискурсивная характеристика метафор раскрывает

их имплицитное значение (смысл) и сообщает о глубинном отношении субъектов профилактики к девиантным подросткам. Интегральным показателем дискурсивной характеристики выступает коэффициент продуктивности, описывающий распространенность метафоры среди других метафор (на основании частоты употребления), эвристический потенциал метафоры для объяснения причин и условий девиантности. В исследовании коэффициент используется для параметрической оценки метафорических моделей, конструируемых участниками тренинга.

Организация исследования. На протяжении двух месяцев с интервалом в две недели с июля по август 2021 г. была проведена серия тренинговых занятий с субъектами профилактики – специалистами государственных и общественных организаций. Для участия в работе тренинговых групп участники были организованы в отряды по 5 человек. При формировании группы не допускалось включение в одну группу представителей одной организации или одного направления работы.

Процедура исследования. Исследование было организовано по модели формирующего эксперимента, включало диагностические этапы в начале и завершении работы группы, а также основную часть. Исследование осуществлялось по доэкспериментальному дизайну и не предполагало использование контрольной группы.

Содержание тренингового занятия включало три этапа, направленных на формирование метафорической модели образа жизни девиантного подростка.

Установка: на подготовительном этапе работы каждая группа участников получала установку, основанную на кратком обзоре проблематики исследования. Для формирования установки использовались несколько методов активного включения: трансляция экспертного мнения, представление результатов научных исследований (в том числе – проведенных форсайт-сессий), интервью с активными участниками.

Создание: на данном уровне команды в процессе обсуждения создают «Карту мира подростка» – метафорическую модель, раскрывающую образ жизни, факторы и условия девиантности. В результате проявляется реальная архитектура субъектов, их взаимосвязь и личностная оценка ситуации со стороны участников игры. Процесс обсуждения обязательно фиксируется наблюдателями, что позволяет собрать дополнительную и важную для интерпретации информацию, зафиксировать продуктивность метафоры и ее разворачивание в процессе обсуждения.

Рефлексия: команды обсуждают содержание карт мира девиантного подростка. Предметом обсуждения выступают метафоры, репрезентирующие образ жизни девиантного подростка. Рефлексия выполняется

под руководством модератора, собирающего и обобщающего результаты работы.

Выборка исследования. Участвовало 70 представителей государственных и общественных организаций, осуществляющих профилактические функции. В их числе: сотрудники аппарата уполномоченного по правам ребенка Свердловской области, министерств образования и молодежной политики, социальной политики, культуры, здравоохранения и спорта Свердловской области, представители правоохранительных органов и правозащитных организаций.

Состав участников репрезентировал всех субъектов профилактики девиаций несовершеннолетних, действующих в рамках государственного-общественного партнерства на региональном уровне. Отметим, что данный перечень характерен для всех регионов России, а также может быть транслирован как на муниципальный, так и на всероссийский уровень, что позволяет говорить об релевантности выборки и собранных данных.

Участие в исследовании было добровольным, все участники были информированы о целях тренинга, его процедуре, существующих ограничениях.

Анализируемые параметры. Описывались: (1) элементы метафоры (сферы-мишени, сферы-источники); (2) коэффициенты продуктивности метафоры.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования рассматриваются последовательно: вначале описываются компоненты метафорической модели, затем дается их интерпретация. Рассматриваемые метафорические модели (карты) раскрывают концептуальные – обобщенные и упрощенные – представления о причинах девиантности, факторах и условиях ее образования, стратегиях противодействия. Полученные результаты имеют важное значение, поскольку отражают не только формальную позицию, присущую субъектам профилактики, но и их индивидуальное отношение. На основе обобщения данных моделей выявляются не только мировоззренческие основания профилактических действий, но и стереотипы и установки, искажающие профилактическую работу с подростками.

Первичным результатом исследования выступили сферы-мишени (см. табл. 1): понятия, используемые участниками тренинга при рассмотрении проблематики девиантных подростков. Всего было выделено семь сфер, связанных с девиантностью. Продуктивность сфер определялась по степени частотности (использование не менее чем половиной участников тренинга), а также возможностью развертывания метафоры (взаимодействие образов, детализация и конкретизация, подкрепление примерами из практики и т.д.).

Наиболее продуктивными сферами-мишенями стали следующие: друзья, школа, семья (дом), досуг

Таблица 1. Продуктивные сферы-мишени

Table 1. Productive target-spheres

№	Сфера-мишень	Коэффициент продуктивности
1.	Друзья	11
2.	Школа	9
3.	Семья	9
4.	Досуг	9
5.	Будущее	7
6.	Ребенок	6
7.	Интернет	5

(развлечение), будущее, ребенок, интернет. Их набор предсказуем, поскольку характеризует базовые образования жизнедеятельности подростка, его повседневную деятельность и взаимоотношения.

Следует подчеркнуть, что во всех группах участников конструкция метафорической модели носила центрально-ориентированный характер (более чем в 80 % карт). В большинстве случаев центром был избран девиантный подросток – основной объект и главный герой описываемого мира. Образ подростка лишен дополнительных эмоциональных и прагматических характеристик и выполняет функцию обозначения отправной точки карты, главного объекта анализируемой проблематики. Типовыми элементами метафорической модели выступают друзья, школа и семья. Они символизируют причины и условия девиантности не только по мнению участников тренинга, но и рассматриваются в ряде исследований в качестве единой системы девиантного окружения подростка (Brezina & Azimi, 2018). Следует подчеркнуть, что участники тренинга связывают с ними не только текущее состояние подростка, но и его будущее.

Отметим две индивидуальные метафоры, которые получили свое развитие при обсуждении: «ребенок – крепость» и «ребенок в скорлупе». Обе метафоры отражают семантику изоляции, закрытости, недоступности и указывают на важную проблему во взаимодействии ребенка с субъектами профилактики, которые не знают, как «взять эту крепость», как «пробиться через скорлупу».

В число продуктивных попала и сфера-мишень «интернет». Она обладает однородным содержанием (виртуальный мир, социальные сети), однако разным влиянием, по мнению участников тренинга. Выделяются два варианта интерпретации этого фактора девиантности. В умеренной интерпретации интернет лишь предоставляет возможности для реализации девиантного поведения. К примеру, в исследовании R. Udris интернет-пространство рассматривается как часть пространства жизнедеятельности подростка; со-

ответственно, социальные и психологические факторы риска девиаций в реальных и интернет-отношениях представляются схожими (Udris, 2017).

В радикальной интерпретации интернет выступает самостоятельным фактором девиантности. Он задает и формирует проявления девиантности, рассматривается источником «опасности и причин многих наших бед». Отметим, что в двух командах интернет-взаимодействия были представлены в качестве основы жизненного мира подростка, то есть занимали все пространство карты.

Анализируя оценку участниками тренинга профилактических мер, отметим, что они не достигли уровня продуктивности, позволяющего рассматривать их наряду с факторами и условиями девиантности. При этом в метафорической модели в 90 % случаев субъекты профилактики представлены, однако они занимают удаленное, нередко нарочито оппозиционное положение.

Объяснение этому видится в том, что участники тренинга не видят собственного места в жизненном мире девиантного подростка. Причиной этого может быть разделение жизненных сфер, направленностей и представлений подростка и участников тренинга, обусловленное:

- оценочно-контролирующей позицией, занимаемой субъектами профилактики;
- регламентацией собственных действий, не позволяющих взаимодействовать с подростками за пределами профилактических функций. Отметим, что это предположение подтверждается разграничением хронологических рамок (работа с детьми начинается с первого «проступка» и продолжается до 14 лет) и функциональных границ профилактики, предусмотренных регламентами и протоколами;
- неспособностью оказать необходимое влияние на девиантного подростка. Данная гипотеза также была подтверждена участниками тренинга (напр.: «Помочь ребенку можно, только забрав его в свою семью», «чтобы спасти ребенка, его надо усыновить», «у меня слабое сердце, я не могу всех любить, как мать»).

Вторым этапом интерпретации выступил анализ сфер-источников метафоры. Источники метафоры – это понятия, предложенные участниками тренинга в качестве символических репрезентаций жизненной ситуации девиантного подростка. Они раскрывают значение данной ситуации для самих участников, демонстрируя образ-альтернативу ее понимания, смысловую модель, объясняющую причины девиации, условия ее проявления и, конечно, действия по преодолению.

Систематизация сфер-источников имеет важное значение для определения адекватности восприятия субъектами профилактики жизненной ситуации, в которой оказался девиантный подросток. Обобщение метафор проводится нами путем выделения

схожих понятий, применяемых участниками тренинга (см. табл. 2).

Таблица 2. Продуктивные сферы-источники

Table 2. Productive source-spheres

№	Сфера-источник	Коэффициент продуктивности
1.	Постройка (дом, крепость, тюрьма и т. д.)	13
2.	Вода (океан, море, река, озеро и т. д.)	7
3.	Остров	5
4.	Солнце	4
5.	Лес	3
6.	Горы	3

В целях контроля над объемом метафор участникам тренинга предписывалось использовать топологические объекты. Подобный подход не ограничивает воображение участников и не ухудшает качества исследования, напротив, позволяет типологизировать ответы, сравнивать и сопоставлять их. Рассматривая результаты, отметим, что наиболее популярными метафорами стали постройки (здания, сооружения). Они не являются однородными и объединяют большое количество антропогенных конструкций. Между тем в данной группе можно выделить две базовые метафорические модели: семья – это дом, школа – это тюрьма. Данные образы характерны для русского языкового сознания, но все же подчеркнем актуальное для настоящего исследования значение изоляции, заложенное в каждом из этих образов (решетки на окнах школы, дома с закрытыми дверями и окнами). Приписываемая семантика подчеркивается и интерпретацией значения крепости, показывающей, что крепостью может быть не только семья, но и запертый, закрытый в себе ребенок.

Ожидаемо высокой была частота и продуктивность водных метафор. В русской культуре понятие «вода» символизирует начало *всего сущего*, основание жизни и ее причину. Таким образом, метафора воды имеет характер универсальной субстанции, первопричины, аналогичной понятию «космос» в греческой концепции мира. Вода в русской языковой картине мира тесно связана с эмоциональными переживаниями, что отчасти отражает взгляд субъектов профилактики на подростков как излишне эмоциональных и не способных в полной мере контролировать их проявление.

Отметим ряд особенностей использования водных метафор, выявленных в настоящем исследовании. Участники почти не используют образ текучей воды, например реки, что может обозначать неверие участников в изменения, отрицание очищающей функции воды. Напротив, используемые водные образы актуализируют негативные, а нередко и агрессивные

смыслы: гниущее и затягивающее «болото друзей», бушующий «океан независимости», море, захваченное пиратами, или обманчивое «озеро социальных сетей».

В такой метафорической картине возможным спасением мог бы стать остров, и это действительно второй по продуктивности природоморфный образ: семья – «остров проблем», друзья – «остров разбойников», да и сам ребенок – это «окруженный пиратами остров в океане».

К сожалению, в ходе нашего эксперимента участники используют данный образ не для обозначения спасения, а для актуализации значения изоляции. В их объяснениях прослеживается мнение о том, что семья, компания друзей и сам ребенок – закрытые системы, влиять на которые они не могут. А вот следующий по продуктивности метафорический образ – солнце, напротив, несет позитивные оценки: зачастую символизируя радость и счастье, которое мы трактуем как один из сценариев возможного светлого будущего нашего героя. Но важно подчеркнуть и тот факт, что в ряде примеров светлому будущему противопоставлен и пессимистический вариант будущего: гиблые топи, болота. Участники рассматривают их более вероятным вариантом развития событий для девиантных подростков.

Выделим два природоморфных образа, используемых для описания социального окружения несовершеннолетнего. Семья представлена метафорой «лес», а друзья – «горы». Важно отметить, что данные метафоры представлены в русском языковом сознании и корреспондируют к следующим символическим интерпретациям: семья – это место роста, а друзья – это риск, драйв, приключения, сопряженные с опасностью.

Подводя итоги исследования, опишем дискурсивные характеристики метафорических моделей, раскрыв их значение в интерпретации образа жизни девиантного подростка субъектами профилактики. Охарактеризуем наиболее общие (типичные) характеристики метафор, отражающие образ ребенка в сознании субъектов профилактики.

С топологической точки зрения метафоры центрированы на ребенке, однако описывают его изолированным, оторванным либо замкнутым (заключенным) в различные социальные конструкции – семья, школа, окружение сверстников. Подросток оказывается «закреплен» социальными отношениями и, фактически, выступает продуктом их влияния. Отметим, что такое видение подростка в целом характерно для социально-средовых исследований, располагающих подростка внутри системы отношений с окружающими его людьми (Walker & Holtfreter, 2021).

Кроме того, метафорические модели статичны и лишены динамики, что закрепляет объектное, а не субъектное положение девиантного подростка в системе взаимоотношений.

Эмоциональная тональность метафор носит сниженное, негативно-враждебное настроение. Из предложенных участниками понятий и образов лишь 21 % имеют положительную коннотацию, но почти все они расположены на периферии метафорической модели и не влияют на эмоциональную окраску моделей.

Полученные метафоры раскрывают роль субъектов профилактики в противодействии девиантности. Следует отметить, что в большинстве метафор субъекты профилактики удалены, изолированы от подростка. Композиционно они чаще вытеснены на периферию его жизненного мира, отгорожены другими социальными и информационными структурами. Участники тренинга и в метафорах, и в интервью отмечают собственную неспособность влиять на причины подростковой девиантности, объясняя это исключенностью из взаимоотношений подростка, невовлеченностью в его жизнедеятельность.

Выводы

Целью исследования выступала апробация метафорического подхода в тренинговой работе с субъектами профилактики подростковой девиации. Исследование продемонстрировало эффективность подхода и избранного метода: были выявлены и обобщены представления и отношения к девиантным подросткам, повышен уровень взаимопонимания специалистов.

С методической точки зрения эффект тренинга был существенно повышен благодаря работе с метафорами. Примененный метод усилил рефлексивные процессы тренинговой группы, повысил уровень осознанности целей профилактики и конкретизировал области для межведомственного взаимодействия. Ожидается, что метод войдет в практику построения межведомственного взаимодействия в качестве инструмента коммуникации специалистов, занимающихся профилактикой девиаций.

Наряду с положительными результатами были выявлены проблемы реализации метода, требующие дальнейшей проработки и изучения. Так, в работе с участниками тренинга сложности могут породить:

- индивидуальное отношение субъектов профилактики – участников тренинга, проявляющееся в избегании восприятия и осознания причин девиантности;
- искаженное восприятие девиантных подростков, представляющее их объектом воздействия, областью приложения сил;
- неэффективное межведомственное взаимодействие, выраженное в формальном отношении к результату профилактических действий за границами полномочий ведомства.

Процедурными проблемами применения метода выступают слабая мотивация участников, недопонимание правил взаимодействия в ходе работы, выражающиеся в безынициативности, конфликтности либо чрезмерной активности. Все это подчеркивает необходимость вво-

дного (дополнительного) разъяснения правил и условий проведения психологического тренинга, предварительной мотивации участников, а также выработки конструктивных моделей взаимоотношений участников тренинга.

В теоретическом аспекте исследование требует дополнительных исследований механизмов, лежащих в основе репрезентации образов девиантных подростков, изучения влияния социальных представлений, профессиональных деформаций и личных установок специалистов помогающих профессий на восприятие девиации.

В планах авторов – дальнейшая разработка метода координации межведомственного взаимодействия на уровне субъектов профилактики девиантного поведения, что в совокупности с описанной методикой формируют проектное воздействие профилактики и ресоциализации девиантных детей.

Ограничения исследования

Исследование обладает рядом ограничений. Во-первых, используемая теоретическая основа не

имеет окончательного подтверждения в применяемом нами контексте. Во-вторых, методология исследования носит качественный характер и, безусловно, нуждается в дополнительной проверке количественными методами. В-третьих, выборка исследования не является сбалансированной по профессиональному уровню. В нее были включены представители профессий, идеологически не соотносимых друг с другом (социальные работники. – правоохранительные органы, представители исполнительной власти, социальные педагоги, волонтеры и пр.). Их мировоззрение, ценности и направленность могут оказывать влияние на конструирование метафор и, как следствие, сказываться на результатах исследования. Наконец, нуждается в дополнительной верификации процедура группового тренинга, поскольку настрой участников может проявляться в продуцировании ими метафор. Все вышеперечисленные ограничения отражают специфику качественного подхода и нуждаются в дальнейшей проработке.

Список литературы

- Аругтюнова, Н. Д. (1990). Дискурс. В В. Н. Ярцева (гл. ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь* (стр. 136-137). Москва: Советская энциклопедия.
- Бессонов, И. В. (2016). Социально-психологические аспекты использования метафоры в управленческих интеракциях. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 4 (17), 297–299.
- Большакова, Л. С. (2008). Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов). *Современные проблемы науки и образования*, 2, 119–123.
- Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. (2008). Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации. *Политическая лингвистика*, 26, 37–48.
- Ворошилова, М. Б. (2012). Креолизованная метафора: первые зарисовки. *Политическая лингвистика*, 4, 94–99.
- Галагузова, Ю. Н. (2019). Добровольческая деятельность подростков с делинквентным поведением: трудности организации и возможности реализации. *Социальная педагогика*, 1, 49–57.
- Гаррет, М. (2008). *Образы организации* (пер. с англ. И. Матвеева, Р. Самуненков). Москва: Манн, Иванов и Фербер.
- Дзятковская, Е. Н., Якунина, И. Н. (2018). Метафорическая картина мира как фактор социализации молодежи. *Ценности и смыслы*, 6, 114–129.
- Иванова, А. А. (2018). Криминологическая профилактика как приоритетная задача ювенальной юстиции. *Всероссийский криминологический журнал*, 4, 505–514.
- Иголкина, К. П. (2014). Теоретические аспекты социализации личности в исследовании подростков-правонарушителей, отбывающих наказание в воспитательной колонии. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*, 4, 116–121.
- Катречко, Л. С. (2020). Пять принципов построения доверительных отношений с трудными подростками. *Исследователь/Researcher*, 4 (32), 264–271.
- Колмогорова, А. В. (2012). Концепции и модели коммуникации в современном гуманитарном знании. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 1 (2), 272–277.
- Корнеева, Я. А., Арефина М. С. (2015). Взаимосвязь представлений о причинах совершенных преступлений подростков и эффективности мероприятий по их ресоциализации на этапе досудебного сопровождения. *Таврический научный обозреватель*, 2, 69–71.
- Лисовская, И. В. (2021). Перевоспитать нельзя наказывать? Как конструируются сценарии реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2, 383–402. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.599>

- Николаев, В. А., Гринева, Е. А., Олевская, И. А. (2019). Методика воспитания детского коллектива в опыте А. С. Макаренко как средство профилактики отклонений в поведении подростков. *Социальная педагогика*, 1, 62–65.
- Новоселова, А. С., Косолапова, Л. А. (2013). Взаимодействие убеждения и внушения в процессе социализации и ресоциализации подростков и молодежи. *Вестник ПГППУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки*, 2, 5–18.
- Реан, А. А., Коновалов, И. А., Кузьмин, Р. Г. (2021). Анализ лучших практик поддержки семьи и детства в современной России: проблема доказанной эффективности. *Педагогика*, 4(85), 47–59.
- Сухова, Е. И. (2009). Ресоциализация подростков в условиях социального пространства (исторический аспект). *Вестник Нижневартковского государственного университета*, 3, 40–52.
- Фахрутдинова, Г. Г. (2017). Взаимодействие субъектов профилактики по выявлению и предупреждению правонарушений несовершеннолетних на ранней стадии. *Право и практика*, 3, 72–76.
- Черняева, Т. И. (2020). Темные стороны организационной жизни: возможности рисуночных методик. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 12(1), 39–64. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.3>
- Чудинов, А. П. (2003). *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*: монография. Уральский государственный педагогический университет.
- Яковлева, М. А. (2018). Взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами профилактики преступности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3(79), 139–143.
- Brezina, T., Azimi, A. M. (2018). Social Support, Loyalty to Delinquent Peers, and Offending: An Elaboration and Test of the Differential Social Support Hypothesis. *Deviant Behavior*, 39(5), 648–663. <https://doi.org/10.1080/01639625.2017.1286190>
- Esposito, G., Ribeiro, A. P., Alves D., Gonçalves M. M., & Freda F. M. (2017). Meaning Construction in Group Counseling: The Development of Innovative Moments. *Journal of Constructivist Psychology*, 30(4), 404–426. <https://doi.org/10.1080/10720537.2016.1238789>
- Fagan, A. A. (2021). Developmental Prevention Programs Intended to Change Peer Risk and Protective Factors: a Review of the Evaluation Literature. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 7, 87–111. doi: 10.1007/s40865-020-00138-4
- Gottfredson, M. R. (2018). General Theory and Global Criminology: Childhood Environments, Problem Behaviors, and a Focus on Prevention. *Asian Journal of Criminology*, 13, 347–365. doi: 10.1007/s11417-018-9275-z
- Rogers, M., Rumley, T., & Lovatt, G. (2019). The Change Up Project: Using Social Norming Theory with Young People to Address Domestic Abuse and Promote Healthy Relationships. *Journal of Family Violence*, 34, 507–519. doi: 10.1007/s10896-018-0026-9
- Udris, R. (2017). Psychological and Social Factors as Predictors of Online and Offline Deviant Behavior among Japanese Adolescents. *Deviant Behavior*, 38 (7), 792–809. <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1197689>
- Walker, D. A., Holtfreter, K. (2021). Teen Pregnancy, Depression, and Substance Abuse: The Conditioning Effect of Deviant Peers. *Deviant Behavior*, 42 (3), 297–312. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1666610>

References

- Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs. V V. N. Yarceva (gl. red.), *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* (str. 136-137). Moscow: Sovetskaya enciklopediya.
- Bessonov, I. V. (2016). Social'no-psihologicheskie aspekty ispol'zovaniya metafory v upravlencheskih interakciyah. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*, 4 (17), 297–299.
- Bol'shakova, L. S. (2008). Kognitivnyj mekhanizm sozdaniya vizual'noj metafory (na materiale angloyazychnyh muzykal'nyh videoklipov). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2, 119–123.
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2008). Kognitivno-diskursivnyj analiz metafory v politicheskoy kommunikacii. *Politicheskaya lingvistika*, 26, 37–48.
- Voroshilova, M. B. (2012). Kreolizovannaya metafora: pervye zarisovki. *Politicheskaya lingvistika*, 4, 94–99.
- Galaguzova, Yu. N. (2019). Dobrovol'cheskaya deyatelnost' podrostkov s delinkventnym povedeniem: trudnosti organizacii i vozmozhnosti realizacii. *Social'naya pedagogika*, 1, 49–57.
- Garret, M. (2008). *Obrazy organizacii* (per. s angl. I. Matveeva, R. Samunenkov). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Dzyatkovskaya, E. N., Yakunina, I. N. (2018). Metaforicheskaya kartina mira kak faktor socializacii molodezhi. *Cennosti i smysly*, 6, 114–129.

- Ivanova, A. A. (2018). Kriminologicheskaya profilaktika kak prioritetnaya zadacha yuvenal'noj yusticii. *Vse-rossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 4, 505–514.
- Igolkina, K. P. (2014). Teoreticheskie aspekty socializacii lichnosti v issledovanii podrostkov-pravonarushitelej, otbyvayushchih nakazanie v vospitatel'noj kolonii. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 4, 116–121.
- Katrechko, L. S. (2020). Pyat' principov postroeniya doveritel'nyh otnoshenij s trudnymi podrostkami. *Issledovatel'/Researcher*, 4 (32), 264–271.
- Kolmogorova, A. V. (2012). Konceptii i modeli kommunikacii v sovremennom gumanitarnom znanii. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium*, 1 (2), 272–277.
- Korneeva, Ya. A., Arefina M. S. (2015). Vzaimosvyaz' predstavlenij o prichinah sovershennyh prestuplenij podrostkov i effektivnosti meropriyatij po ih resocializacii na etape dosudebnogo soprovozhdeniya. *Tavriskij nauchnyj obozrevatel'*, 2, 69–71.
- Lisovskaya, I. V. (2021). Perevospitat' nel'zya nakazyvat'? Kak konstruiruyutsya scenarii reintegracii i resocializacii «trudnyh» podrostkov. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2, 383–402. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.599>
- Nikolaev, V. A., Grineva, E. A., Olevskaya, I. A. (2019). Metodika vospitaniya detskogo kolektiva v opyte A. S. Makarenko kak sredstvo profilaktiki otklonenij v povedenii podrostkov. *Social'naya pedagogika*, 1, 62–65.
- Novoselova, A. S., Kosolapova, L. A. (2013). Vzaimodejstvie ubezhdeniya i vnusheniya v processe socializacii i resocializacii podrostkov i molodezhi. *Vestnik PGGPU. Seriya № 1. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki*, 2, 5–18.
- Rean, A. A., Konovalov, I. A., Kuz'min, R. G. (2021). Analiz luchshih praktik podderzhki sem'i i detstva v sovremennoj Rossii: problema dokazannoj effektivnosti. *Pedagogika*, 4(85), 47–59.
- Suhova, E. I. (2009). Resocializaciya podrostkov v usloviyah social'nogo prostranstva (istoricheskij aspekt). *Vestnik Nizhnevar'tovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 40–52.
- Fahrutdinova, G. G. (2017). Vzaimodejstvie sub'ektov profilaktiki po vyyavleniyu i preduprezhdeniyu pravonarushenij nesovershennoletnih na rannej stadii. *Pravo i praktika*, 3, 72–76.
- Chernyaeva, T. I. (2020). Tyomnye storony organizacionnoj zhizni: vozmozhnosti risunochnyh metodik. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*, 12(1), 39–64. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.3>
- Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii: monografiya*. Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Yakovleva, M. A. (2018). Vzaimodejstvie organov vnutrennih del s drugimi sub'ektami profilaktiki prestupnosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3(79), 139–143.
- Brezina, T., Azimi, A. M. (2018). Social Support, Loyalty to Delinquent Peers, and Offending: An Elaboration and Test of the Differential Social Support Hypothesis. *Deviant Behavior*, 39(5), 648–663. <https://doi.org/10.1080/01639625.2017.1286190>
- Esposito, G., Ribeiro, A. P., Alves D., Gonçaves M. M., & Freda F. M. (2017). Meaning Construction in Group Counseling: The Development of Innovative Moments. *Journal of Constructivist Psychology*, 30(4), 404–426. <https://doi.org/10.1080/10720537.2016.1238789>
- Fagan, A. A. (2021). Developmental Prevention Programs Intended to Change Peer Risk and Protective Factors: a Review of the Evaluation Literature. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 7, 87–111. doi: 10.1007/s40865-020-00138-4
- Gottfredson, M. R. (2018). General Theory and Global Criminology: Childhood Environments, Problem Behaviors, and a Focus on Prevention. *Asian Journal of Criminology*, 13, 347–365. doi: 10.1007/s11417-018-9275-z
- Rogers, M., Rumley, T., & Lovatt, G. (2019). The Change Up Project: Using Social Norming Theory with Young People to Address Domestic Abuse and Promote Healthy Relationships. *Journal of Family Violence*, 34, 507–519. doi: 10.1007/s10896-018-0026-9
- Udris, R. (2017). Psychological and Social Factors as Predictors of Online and Offline Deviant Behavior among Japanese Adolescents. *Deviant Behavior*, 38 (7), 792–809. <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1197689>
- Walker, D. A., Holtfreter, K. (2021). Teen Pregnancy, Depression, and Substance Abuse: The Conditioning Effect of Deviant Peers. *Deviant Behavior*, 42 (3), 297–312. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1666610>

Информация об авторах:

Гаррисон Елена – доктор педагогических наук, университет Монтана, США, г. Миссула.

Ворошилова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, начальник управления научной работы, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Сальцев Андрей Александрович – директор центра по работе с абитуриентами и довузовской подготовки, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 01.03.2022

Одобрена после рецензирования 08.04.2022

Опубликована 29.04.2022

About the authors:

Elena Garrison – Doctor of Pedagogical Sciences, University of Montana, USA, Missula.

Mariya B. Voroshilova – PhD in Philology, Associate Professor, head of the department of scientific work, Ural Institute of management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Andrey A. Sal'cev – director of the center for work with applicants and pre-university training, Ural Institute of management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted March 01, 2022

Approved after reviewing April 08, 2022

Accepted April 29, 2022

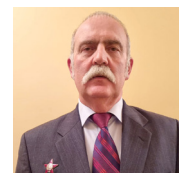
Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-63-76

Девиантологическая компетентность будущих педагогов и психологов

Григорович**Любовь Алексеевна**Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
L250762@inbox.ru**ORCID:** 0000-0002-5492-8053**Горелов****Александр Александрович**Санкт-Петербургский университет
МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
alexagorr@yandex.ru**ORCID:** 0000-0002-1067-1110**Чудаков****Александр Юрьевич**Санкт-Петербургский университет
МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
chief.chudakow@yandex.ru**ORCID:** 0000-0003-3443-7908

Аннотация

Введение. Переход человечества в новое тысячелетие сопряжен с появлением новых социальных проблем, связанных с проявлением асоциального поведения подрастающего поколения. В молодежной среде отчетливо отмечается рост преступности, что в свою очередь значительно осложняет криминогенную обстановку в обществе. Это проявляется и в росте числа подростков, употребляющих алкогольные напитки, наркотические вещества, которые провоцируют совершение преступных действий. Детей втягивают в преступный бизнес (продажа наркотиков и др.), подталкивают их к различного рода сексуальным извращениям и т. п. Поэтому в настоящее время особую значимость и актуальность для школьного, общественного и, конечно же, семейного воспитания приобретают знания, умения и навыки в области девиантологии тех специалистов, которые работают непосредственно с подростками. К этой категории, в частности, относятся педагоги и психологи, что предполагает формирование у них профессиональной компетенции, направленной на сдерживание роста асоциального поведения в молодежной среде.

Цель исследования – выявление уровня сформированности у будущих педагогов и психологов представлений о природе отклоняющегося поведения подростков, исследования отношения студентов к девиантным людям, определение их социальной и профессиональной ответственности в сфере психолого-педагогической коррекции девиации.

Методология, методы и методики. Методологию нашего исследования представляет субъектный подход к изучению личности, который рассматривает ее как бы изнутри, где она представляется носителем своеобразной картины мира, некоей системой индивидуальных значений и смыслов. Данный подход предполагает, что поведение личности повторяется в самых разнообразных ситуациях, возникающих в результате взаимодействия и взаимодействия объективных и субъективных факторов.

Для достижения поставленной цели был использован метод опроса студентов средних курсов педагогических и психологических направлений подготовки. Общее число респондентов составило 144 человека в возрасте от 20 до 25 лет. При этом отбор студентов осуществлялся с учетом того, что респонденты должны иметь не только базовые знания, но и собственную позицию по вопросам реализации проблемы девиантного поведения.

Результаты. По результатам проведенного исследования было установлено: 1) когнитивный компонент представляет собой адекватные представления студентов о девиантном поведении, его предикторах и возрастных характеристиках; 2) аффективный компонент имеет более дифференцированную и гетерогенную картину по сравнению с когнитивным компонентом; 3) конативный компонент свидетельствует, что школа является ключевым институтом социализации подрастающего поколения, однако она не в полной мере способна заниматься профилактикой и коррекцией девиантного поведения детей и подростков.

Научная новизна. Полученные результаты актуализируют необходимость получения студентами педагогических и психологических направлений подготовки знаний в области девиантологии, расширяют представления о когнитивном, аффективном и конативном компонентах их учебно-профессиональной компетентности.

Практическая значимость. Полученные результаты говорят о необходимости увеличения объема часов на изучение девиантного поведения в программах подготовки, отбора эффективных средств и методов усвоения знаний девиантологического контента, а также введения в образовательную практику психологических тренингов, позволяющих повышать стрессоустойчивость, формировать навыки саморегуляции и продуктивного взаимодействия в сложных жизненных ситуациях.

Ключевые слова

девиантное поведение, психолого-педагогическая компетентность, компоненты компетентности (когнитивный, аффективный, конативный), цифровая девиантизация, студенты

Для цитирования: Григорович, Л. А., Горелов, А. А., Чудаков, А. Ю. (2022). Девиантологическая компетентность будущих педагогов и психологов. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 63–76. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-63-76.

Original paper

Deviantological competence of future teachers and psychologists

Lubov A. Grigorovich

Russian State University
for the Humanities
(Moscow, Russia)
L250762@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5492-8053

Alexander A. Gorelov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
alexagorr@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1067-1110

Alexander Yu. Chudakov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
chief.chudakow@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3443-7908

Abstract

Abstract. The beginning of the new Millenia brings new social challenges adjoint with the antisocial behavior of the youth. Crime rates are clearly on the rise among the young people, and their crimes in turn significantly worsen the criminal situation in the society as a whole. The trend can be also observed in the raise of drug abuse among the younger generation, that provokes even more criminal acts. Minors are dragged into the criminal business (such as drug trafficking etc.), nudged to the side of different sexual deviances. Considering this, knowledge, skills and abilities in the field of deviantology among the specialist working with minors are especially relevant and important today. Teachers and psychologist are the part of that cohort; therefore, we talk about their professional ability to inhibit the growth of antisocial behavior among the minors.

The goal of the study was to assess the level of expertise in the field of deviant behavior of minors among the future educators and psychologists, to research the student's opinions on deviant persons and identify their social and professional responsibility in the sphere of pedagogical and psychological prevention of deviancy.

Methods. Methodology of the research is based on the subject-oriented approach to the study of a person, which explores the person traits introspectively, considering the person as a carrier of an individual worldview, a certain system of individual meanings and reasons. That approach supposes that persons behavior tends to be repetitive in the most different situations happening as a result of the intervening and interplaying objective and subjective factors. In order to achieve the chosen goal, the authors have used a method of survey. They surveyed 144 pedagogic and psychology juniors age 20 – 25. The sample consisted of the students who not only possessed a basic level knowledge but also a personal opinion on the questions of deviant behavior.

Results. The authors have found the following: 1) the cognitive component shows that students have relevant notions on deviant behavior, its predictors and age characteristics; 2) the affective component is more differentiated and heterogeneous then a cognitive one; 3) conative component lets us suppose that school is a key factor in minors' socialization, but lacks powers to prevent and correct the deviant behavior of kids and young people.

Scientific novelty. The achieved results show the necessity to provide psychology and pedagogic students the knowledge in the field of deviantology. The work widens our ideas on cognitive, affective and conative components of their learning and professional competence.

Empirical significance. The findings of the work point us to the importance of the additional curriculum hours dedicated to the deviant behavior studies, choosing the most effective educational methods and technics in that matter, as well as offering psychological trainings raising stress resilience, forming self-regulation and constructive communication in complex life situations.

Keywords

deviant behavior, psychological and pedagogical competence, components of competence (cognitive, affective, conative), digital deviantization, students

For citation: Grigorovich, L. A., Gorelov, A. A., Chudakov, A. Yu. (2022). Deviantological competence of future teachers and psychologists. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 63–76. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-63-76.

Введение

Переход человечества в новое тысячелетие сопряжен с появлением новых социальных проблем, связанных с проявлением асоциального поведения растущего человека. В молодежной среде отчетливо заметен рост преступности, что в свою очередь значительно осложняет криминогенную обстановку в обществе. Это проявляется и в росте числа подростков, употребляющих алкогольные напитки, наркотические вещества, которые провоцируют совершение преступных действий. Детей втягивают в преступный бизнес (продажа наркотиков и др.), подталкивают их к различного рода сексуальным извращениям и т. п.

Поэтому в настоящее время особую значимость и актуальность для школьного, общественного и, конечно же, семейного воспитания приобретают знания, умения и навыки в области девиантологии тех специалистов, которые работают непосредственно с подростками. К этой категории, в частности, относятся педагоги и психологи, необходимость формирования у которых профессиональных компетенций в области профилактики девиантного и асоциального поведения рассматривается как в отечественных (Адамчук и др., 2016; Андрюшина, 2006; Волкова и др., 2017; Волкова и др., 2019; Ильянкова, Семакова, 2021; Реан, 2018; Реан, Новикова, 2019; Реан, Коновалов, 2021; Фомиченко, 2013; Фомиченко, 2019; Чиркина и др. 2018), так и зарубежных (Coplan et al., 2015; Hazler et al., 2001; Nesdale & Pickering, 2006; Salimi et al., 2021; Varela et al., 2019; Verseveld et al., 2021) публикациях. В частности, в них декларируется необходимость формирования у будущих педагогов-психологов представлений о различного рода факторах риска агрессивного поведения подростков.

В этой связи академик РАО А. А. Реан считает разработку и внедрение программ по формированию компетенций в области профилактики девиантного и асоциального поведения для будущих педагогов-психологов одним из определяющих направлений образовательной деятельности современного вуза. При этом к числу необходимых компетенций, которые должны формироваться в рамках подобных программ, он относит: умение диагностировать актуальное эмоциональное состояние, личностные качества,

семейные и социальные характеристики, провоцирующие вероятность вхождения в асоциальное поведение; способность оценивать механизмы внутри коллективного взаимодействия с позиции вероятности возникновения у его членов асоциального поведения; квалифицированно выявлять факторы риска агрессивного поведения или буллинга (Реан, 2018). В основу этих же компетенций должно быть положено понимание педагогами-психологами механизмов вовлеченности учащихся в ситуации агрессивного поведения, различных факторов риска агрессивного поведения, оценке степени готовности к организации мероприятий по нивелированию конфликтных ситуаций в ученической среде (Реан, Коновалов, 2021).

О значимости формирования профессиональной компетенции в области профилактики девиантного и асоциального поведения для будущих педагогов и психологов свидетельствует факт введения в систему отечественного высшего профессионального образования ФГОС по направлению подготовки 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения». В него включены такие виды деятельности, как: решение комплексных задач в сфере психолого-педагогической работы с детьми, подростками и взрослыми, имеющими признаки девиантного поведения; профилактику девиантного поведения; сопровождение детей и подростков, входящих в группы риска; мероприятия по коррекции и реабилитации лиц с девиантным поведением; психолого-педагогическое прогнозирование и экспертиза; психолого-педагогическое обеспечение социальной работы по защите прав детей и подростков; социальное оздоровление семьи; профилактика безнадзорности и беспризорности; социальная защита населения, правоохранительных органов внутренних дел, профессиональных и общественных организаций, работающих с детьми, подростками и взрослыми, имеющими проблемы в поведении, и др. По мнению Е. В. Змановской, данный нормативный акт, с одной стороны, официально утвердил специальность девиантолога в сфере социальной работы, педагогики трудного детства, а, с другой – продолжает представлять девиантологический раздел в большинстве гуманитарных наук (Змановская, 2021).

Сегодня, в условиях серьезных социальных трансформаций, цифровизации различных сфер общественной жизни и существенных изменений культурных установок в области коммуникаций, актуализируется вопрос о норме поведения (в широком смысле) и отклонениях (девиациях).

Наряду с традиционными вариантами отклоняющегося поведения в последние годы мы столкнулись с таким явлением, как кибердевиантность (интернет-зависимость, интернет-преступления, информационный серфинг, сексуальные девиации в сети и др.), и наблюдаем «всплеск цифровой девиантации социума как распространение в киберпространстве “старых” и новых форм девиантности и преступности» (Комлев, 2020а). При этом многочисленные отечественные и зарубежные источники представляют кибердевиацию как наименее контролируемую форму девиантного поведения (Войскунский, 2004, 2009; Егоров & Гречаный, 2019; Змановская, 2021; Серебренникова, 2020; Goode, 2011; Smith, 2017).

Все это побуждает обратиться к вопросу профессиональной компетентности тех специалистов, которые работают или готовятся к работе с детьми и подростками.

Цель исследования

Выявление уровня сформированности у будущих педагогов и психологов представлений о природе отклоняющегося поведения подростков, исследование отношения студентов к девиантным людям, определение их социальной и профессиональной ответственности в сфере психолого-педагогической коррекции девиации.

Методология, методы и методики

Методологию нашего исследования представляет субъектный подход к изучению личности, который рассматривает ее как бы изнутри, где она представляется носителем своеобразной картины мира, некоей системой индивидуальных значений и смыслов. Данный подход предполагает, что поведение личности повторяется в самых разнообразных ситуациях, возникающих в результате взаимодействия и взаимосодействия объективных и субъективных факторов.

Для достижения поставленной цели был использован метод опроса студентов средних курсов педагогических и психологических направлений подготовки. Общее число респондентов составило 144 человека в возрасте от 20 до 25 лет. При этом отбор студентов осуществлялся с учетом того, что респонденты должны иметь не только базовые знания, но и собственную позицию по вопросам реализации проблемы девиантного поведения.

Описание и результаты исследования

В рамках эмпирического исследования учебно-профессиональной компетентности будущих педагогов и психологов мы провели опрос студентов средних курсов педагогических и психологических направлений подготовки, обучающихся в трех московских вузах (Московский педагогический государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет и Московский институт психоанализа).

Целью опроса стало выявление знаний и представлений будущих специалистов о природе отклоняющегося поведения, а также их отношения к девиантным людям, зоне социальной и профессиональной ответственности в области психолого-педагогической коррекции девиации.

Исходя из структуры профессиональной компетентности, которая включает в себя когнитивный, аффективный и конативный компоненты, вопросы опросника (всего 10) были представлены тремя блоками: на изучение когнитивного компонента – вопросы 1–5; аффективного – вопросы 6–8; конативного – вопросы 9–10.

Вопросы первого блока носили конвергентный характер (имели по одному правильному варианту ответа). Во втором и третьем блоках использовались дивергентные вопросы, обращенные к опыту и переживаниям респондентов.

По каждому из десяти вопросов были сформулированы три варианта ответов, из которых предлагалось выбрать один. Опросник размещался на GoogleДиске и заполнялся непосредственно на одном из учебных занятий.

Перейдем к рассмотрению полученных данных.

Распределение выборов в ответе на первый вопрос представлено в Таблице 1 и на Рисунке 1.

Таблица 1. Распределение выборов в ответе на вопрос «Что такое девиантное поведение?»

Table 1. Distribution of choices in response to the question «What is deviant behavior?»

Варианты	Количество выборов	% выборов
отклоняющееся поведение	143	99,3
зависимое поведение	1	0,7
полнезависимое поведение	0	0

Рис. 1. Распределение выборов в ответе на вопрос «Что такое девиантное поведение?»

Fig 1. Distribution of choices in response to the question «What is deviant behavior?»

Мы видим, что выбор носит гомогенный характер: практически все респонденты определили девиантное поведение как отклоняющееся.

Большую вариативность мы наблюдаем в распределении ответов на второй вопрос (см. Таблицу 2 и Рисунок 2).

Таблица 2. Распределение выборов в ответе на вопрос «Какие варианты поведения не относятся к девиантному?»

Table 2. Distribution of choices in response to the question «What types of behaviors are not deviant?»

Варианты	Количество выборов	% выборов
асоциальное	24	16,7
антисоциальное	23	16
просоциальное	97	67,4

Рис. 2. Распределение выборов в ответе на вопрос «Какие варианты поведения не относятся к девиантному?»

Fig 2. Distribution of choices in response to the question «What types of behaviors are not deviant?»

Григорович Л. А., Горелов А. А., Чудаков А. Ю. / Grigorovich L. A., Gorelov A. A., Chudakov A. Yu.

Только треть опрошенных дают правильный ответ, другие (неверные) ответы равномерно представлены по 16 %. Такой большой процент ошибок (32,7 %) связан либо с невнимательным прочтением

вопроса, либо с отсутствием базовых знаний. Похожую картину распределения верных и неверных ответов мы видим по третьему вопросу (см. Таблицу 3 и Рисунок 3).

Таблица 3. Распределение выборов в ответе на вопрос
«Какие специалисты занимаются изучением девиантного поведения?»

Table 3. Distribution of choices in response to the question
«Which experts study deviant behavior?»

Варианты	Количество выборов	% выборов
сравнительная педагогика и психология	43	29,9
клиническая и юридическая психология	89	61,8
организационная и пренатальная психология	12	8,3

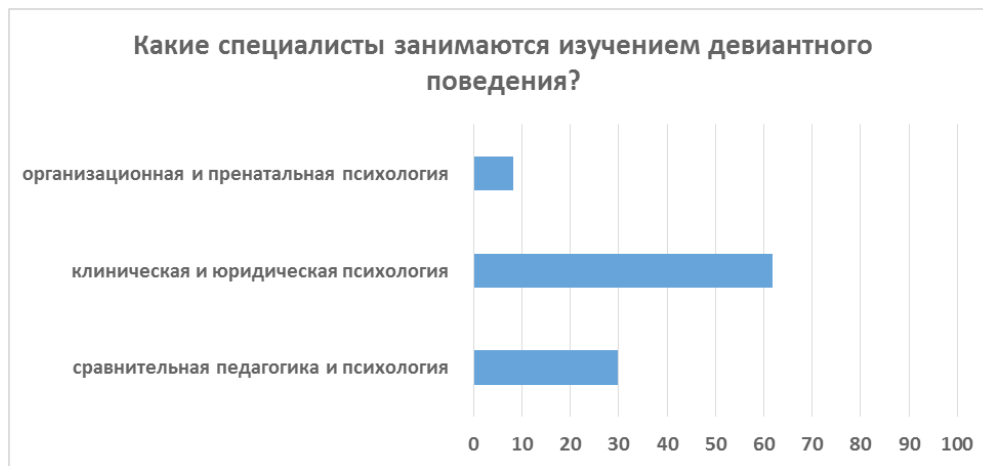

Рис. 3. Распределение выборов в ответе на вопрос
«Какие специалисты занимаются изучением девиантного поведения?»

Fig 3. Distribution of choices in response to the question
«Which experts study deviant behavior?»

Правильный ответ дали 61,8 %, среди неправильных ответов преобладает вариант «сравнительная педагогика и психология» (29,9 %), меньше представлен ответ «организационная и пренатальная психология» (8,3 %). Здесь уже нельзя предположить невнимательное прочтение

вопроса. Очевидно, что треть студентов не ориентируется в отраслевом пространстве педагогики и психологии.

Выше процент верных ответов (86,8 %) по четвертому вопросу, ошибки допустили 13,2 % (см. Таблицу 4 и Рисунок 4).

Таблица 4. Распределение выборов в ответе на вопрос
«В каком возрасте наиболее ярко может проявляться девиантное поведение?»

Table 4. Distribution of choices in response to the question
«At what age can deviant behavior be most pronounced?»

Варианты	Количество выборов	% выборов
дошкольный	7	4,9
подростковый	125	86,8
младший школьный	12	8,3

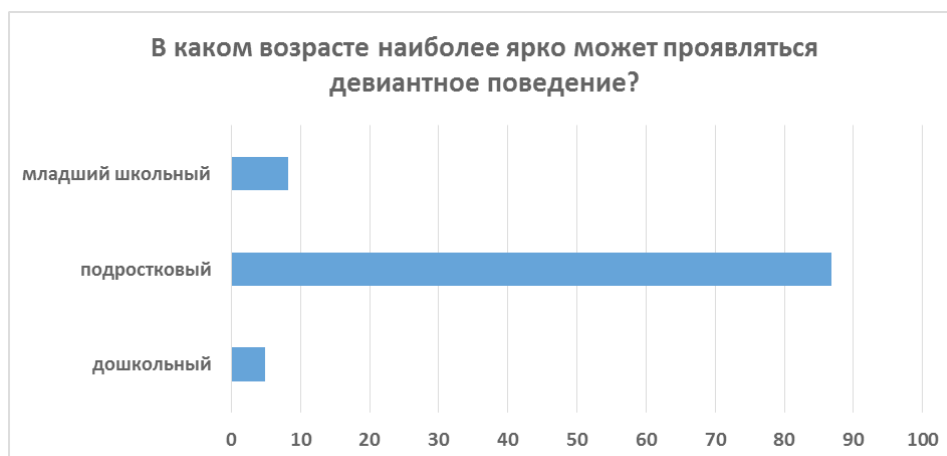

Рис. 4. Распределение выборов в ответе на вопрос «В каком возрасте наиболее ярко может проявляться девиантное поведение?»

Fig 4. Distribution of choices in response to the question «At what age can deviant behavior be most pronounced?»

Интерес представляет распределение ответов и средовых факторов в природе девиации (см. Таблица 5 и Рисунок 5).

Таблица 5. Распределение выборов в ответе на вопрос «Какие факторы обуславливают девиантное поведение?»

Table 5. Distribution of choices in response to the question «What factors determine deviant behavior?»

Варианты	Количество выборов	% выборов
преимущественно наследственные	0	0
преимущественно социальные	43	29,9
комплекс генетических и социальных	101	70,1

Рис. 5. Распределение выборов в ответе на вопрос «Какие факторы обуславливают девиантное поведение?»

Fig 5. Distribution of choices in response to the question «What factors determine deviant behavior?»

Более 70 % студентов рассматривают представленные факторы о взаимосвязи, около 30 % отдают предпочтение социальным (то есть прижизненно корректируемым). Ни один студент не выбрал вариант

«преимущественно наследственные». Подводя итоги сформированности когнитивного компонента учебно-профессиональной компетентности студентов педагогических и психологических специальностей

Григорович Л. А., Горелов А. А., Чудаков А. Ю. / Grigorovich L. A., Gorelov A. A., Chudakov A. Yu.

в области девиантного поведения, можно заключить, что две трети студентов к середине обучения имеют адекватные представления о девиантном поведении, его предикторах и возрастных характеристиках. Однако в силу важности таких знаний для всех специалистов, ориентированных на работу с детьми и подростками, считаем необходимым увеличить объем часов на изучение девиантного поведения в про-

граммах подготовки, продумать формы и методы, которые будут способствовать более эффективному усвоению знаний девиантологического контента.

Перейдем к рассмотрению аффективного компонента учебно-профессиональной компетентности студентов. В Таблицах 6, 7, 8 и на Рисунках 6, 7, 8 представлено распределение ответов на вопросы 6–8.

Таблица 6. Распределение выборов в ответе на вопрос «Приходилось ли Вам наблюдать, сталкиваться в реальности с проявлениями девиантного поведения?»

Table 6. Distribution of choices in response to the question «Have you ever observed, witnessed the manifestations of deviant behavior?»

Варианты	Количество выборов	% выборов
практически нет	28	19,4
иногда	95	66
часто	21	14,6

Рис. 6. Распределение выборов в ответе на вопрос «Приходилось ли Вам наблюдать, сталкиваться в реальности с проявлениями девиантного поведения?»

Fig 6. Distribution of choices in response to the question «Have you ever observed, witnessed the manifestations of deviant behavior?»

Таблица 7. Распределение выборов в ответе на вопрос «Приходилось ли Вам наблюдать, сталкиваться в виртуальной среде с проявлениями девиантного поведения (социальные сети, реклама, кинофильмы)?»

Table 7. Distribution of choices in response to the question “Have you ever observed or encountered manifestations of deviant behavior in a virtual environment (social networks, advertising, movies)?”

Варианты	Количество выборов	% выборов
практически нет	17	11,8
иногда	86	59,7
часто	41	28,5

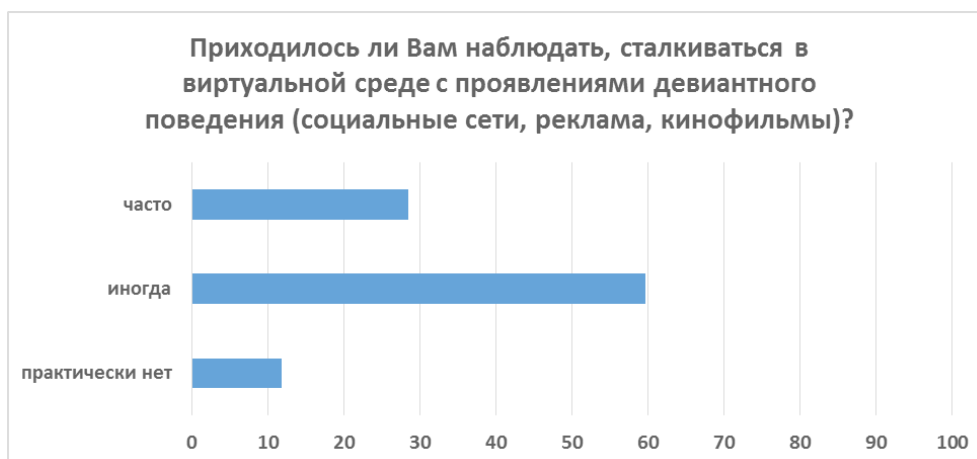

Рис. 7. Распределение выборов в ответе на вопрос «Приходилось ли Вам наблюдать, сталкиваться в виртуальной среде с проявлениями девиантного поведения (социальные сети, реклама, кинофильмы)?»

Fig 7. Distribution of choices in response to the question “Have you ever observed or encountered manifestations of deviant behavior in a virtual environment (social networks, advertising, movies)?”

Таблица 8. Распределение выборов в ответе на вопрос «Что Вы чувствуете, когда сталкиваетесь с девиантным поведением?»

Table 8. Distribution of choices in response to the question «What do you feel when you encounter deviant behavior?»

Варианты	Количество выборов	% выборов
страх	38	26,4
возмущение	77	53,5
беспомощность	29	20,1

Рис. 8. Распределение выборов в ответе на вопрос «Что Вы чувствуете, когда сталкиваетесь с девиантным поведением?»

Fig 8. Distribution of choices in response to the question «What do you feel when you encounter deviant behavior?»

Анализ представленных данных показывает, что аффективный компонент учебно-профессиональной компетентности студентов педагогических и психологических направлений подготовки имеет более дифференцированную и гетерогенную картину по сравнению с когнитивным компонентом.

Интересно, что в ответах на вопросы о частоте встречаемости девиаций в реальной и виртуальной средах студенты чаще выбирали вариант ответа «иногда» (66 % и 59,7 % соответственно). Выбор варианта ответа «часто» значительно отличается, если мы говорим о встрече с девиантным поведением в реальной (14,6 %) или виртуальной (28,5 %) средах. То есть в социальных сетях, рекламе, кинофильмах девианты встречаются в два раза чаще, чем в реальном социуме, что ставит вопрос о целесообразности таких виртуальных персонажей, которые могут становиться образцами для негативной идентификации у детей и подростков и приводить к нарушению процесса социализации.

Очень важным представляется распределение ответов по восьмому вопросу о тех чувствах, которые вызывают девиантные личности. 53,5 % респондентов чувствуют возмущение, 26,4 % – страх, 20,1 % – беспомощность. Та-

кие данные позволяют поставить вопрос не только о расширении знаний в области девиантологии у будущих педагогов и психологов, но и о введении психологических тренингов, которые позволят повысить стрессоустойчивость, сформируют навыки саморегуляции и продуктивного взаимодействия в сложных жизненных ситуациях.

И, наконец, третий блок – вопросы, направленные на изучение конативного компонента учебно-профессиональной компетентности студентов педагогических и психологических направлений подготовки. В нашем опроснике он представлен вопросами 9 и 10. Сводные данные представлены в Таблицах 9, 10 и на Рисунках 9, 10.

Полученные данные показывают, что будущие педагоги и психологи не рассматривают школу как ключевой институт социализации, лишь 9 % считают школу способной эффективно заниматься профилактикой и коррекцией девиантного поведения детей и подростков. Остальные респонденты разделили зону ответственности между семьей (47,9 %) и учреждениями дополнительного образования и общественными организациями (43,1 %). Совершенно очевидно, что эти институты социализации не смогут решить задачу профилактики и коррекции отклоняющегося поведения без

Таблица 9. Распределение выборов в ответе на вопрос «Какой институт социализации более эффективен в вопросах профилактики и коррекции девиантного поведения?»

Table 9. Distribution of choices in response to the question «Which institution of socialization is more effective in preventing and correcting deviant behavior?»

Варианты	Количество выборов	% выборов
семья	69	47,9
школа	13	9
дополнительное образование и общественные организации	62	43,1

Рис. 9. Распределение выборов в ответе на вопрос «Какой институт социализации более эффективен в вопросах профилактики и коррекции девиантного поведения?»

Fig 9. Distribution of choices in response to the question «Which institution of socialization is more effective in preventing and correcting deviant behavior?»

Таблица 10. Распределение выборов в ответе на вопрос «Какие средства, на Ваш взгляд, наиболее действенны в отношении девиантного поведения?»

Table 10. Distribution of choices in response to the question «What tools, in your opinion, are the most effective in relation to deviant behavior?»

Варианты	Количество выборов	% выборов
наказание, ограничительные меры	2	1,4
лечение, изоляция	10	6,9
включение в социальные группы и проекты	132	91,7

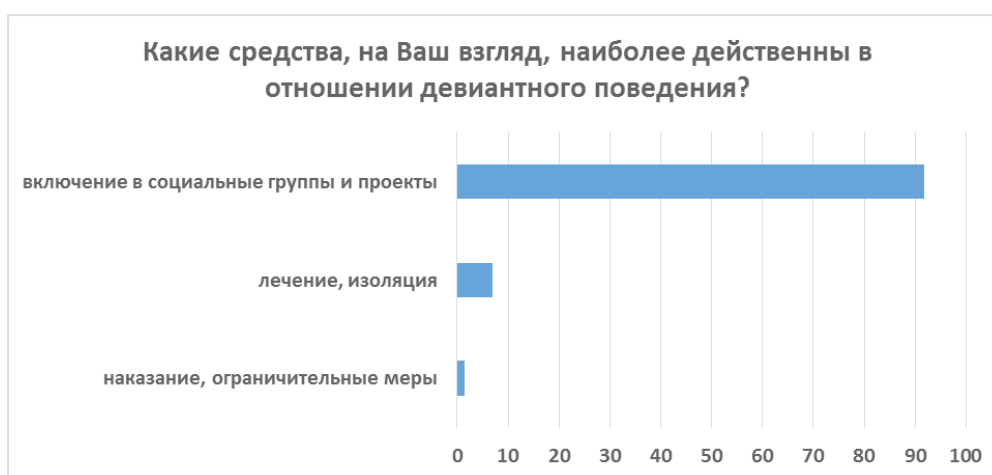

Рис. 10. Распределение выборов в ответе на вопрос «Какие средства, на Ваш взгляд, наиболее действенны в отношении девиантного поведения?»

Fig 10. Distribution of choices in response to the question «What tools, in your opinion, are the most effective in relation to deviant behavior?»

квалифицированной помощи профессиональных педагогов и психологов.

Распределение ответов на последний вопрос о действенных средствах в отношении девиантного поведения показывает небольшое число выбранных вариантов «наказание, ограничительные меры» (1,4 %) и «лечение, изоляция» (6,9%). Подавляющее большинство (91,7%) определило в качестве таких средств «включение в социальные группы и проекты», что также требует профессиональных знаний и психолого-педагогических умений.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что все компоненты учебно-профессиональной компетентности студентов педагогических и психологических направлений подготовки в области девиантологии требуют дополнительных усилий, что должно найти свое отражение в программах учебных дисциплин и практик, а также в разработке методических материалов по психолого-педагогической профилактике девиантного поведения в реальной и виртуальной средах.

Список литературы

- Адамчук, Д. В., Дозорцева, Е. Г., Ениколопов, С. Н. и др. (2016). Психология девиантности. Дети. Общество. Закон: монография, ред. А. А. Реан. Юнити-дана.
- Андрюшина, О. В. (2006). Формирование специальной компетенции учителя в сфере профилактики асоциального поведения подростков: автореф. ... канд. пед. наук. Самара.
- Войскунский, А. Е. (2004). Актуальные проблемы зависимости от Интернета. *Психологический журнал*, 1, 90–100.
- Войскунский, А. Е. (2009). *Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития*. Москва: Акрополь.
- Волкова, Е. Н., Волкова, И. В., и Скитневская, Л. В. (2017). Культурно-историческая теория Л. С. Выготского как методологическое основание для исследований подросткового буллинга. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 10(2). 6-17.

- Волкова, Е. Н., Цветкова, Л. А., и Волкова, И. В. (2019). Методологические основания для разработки программ профилактики подросткового буллинга. *Сибирский психологический журнал*, 74, 88-99. doi: 10.17223/17267080/74/5
- Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В. (2019). Современные подходы к терапии и коррекции Интернет-аддикции. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 6, 152–159. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061152>
- Змановская, Е. В. (2021). Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции. *Российский девиантологический журнал*, 1(1), 12-23. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23
- Ильянкова, Е. И., Семакова, А. И. (2021). Оптимизация психологического благополучия несовершеннолетних с делинквентным поведением. *Российский девиантологический журнал*, 1(1), 84–98. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-84-98
- Комлев, Ю. Ю. (2020а). От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантации в обществе рисков. *Вестник экономики, права и социологии*, 2, 154-159.
- Комлев, Ю. Ю. (2020б). Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 1 (39), 31-40. doi: 10.24420/KUI.2020.39.1.004
- Реан, А. А. (2018). Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних. *Национальный психологический журнал*, 2(30), 3-12. doi: 10.11621/npj.2018.0201
- Реан, А. А., Новикова, М. А. (2019). Буллинг в среде старшеклассников Российской Федерации: распространенность и влияние социоэкономических факторов. *Мир психологии*, 1(97), 165-177.
- Реан, А. А., Коновалов, И. А. (2021). Оценка педагогами подростковой агрессивности: социально-перцептивные аспекты и готовность к вмешательству. *Российский девиантологический журнал*, 1(2), 276-295. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-276-295>
- Серебренникова, А. В. (2020). Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология). *Всероссийский криминологический журнал*, 3, 423–430. doi: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).423-430
- Фомиченко, А. С. (2013). Представления учителей о причинах агрессивного поведения учащихся разных классов общеобразовательной школы. *Социальная психология и общество*, 4(2), 81-93.
- Фомиченко, А. С. (2019). Особенности влияния характера взаимодействия в системе «учитель-ученик» на процессы обучения и развития школьников (по материалам зарубежных публикаций). *Современная зарубежная психология*, 8(1), 76-83. doi: 10.17759/jmfp.2019080108
- Чиркина, Р. В., Делибальт, В. В., Дозорцева, Е. Г. и др. (2018). К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК. *Психология и право*, 8(1), 77–94. doi: 10.17759/psylaw.2018080106
- Coplan, R. J., Bullock, A., Archbell, K. A., & Bosacki, S. (2015). Preschool teachers' attitudes, beliefs, and emotional reactions to young children's peer group behaviors. *Early childhood research quarterly*, 30, 117-127. <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2014.09.005>
- Hazler, R. J., Miller, D. L., Carney, J. V., & Green, S. (2001). Adult recognition of school bullying situations. *Educational Research*, 43(2), 133-146. <https://doi.org/10.1080/00131880110051137>
- Goode, E. (2011). *Deviant behavior*. Upper Saddle River (9th Edition). New Jersey: Prentice Hall.
- Nesdale, D. & Pickering, K. (2006). Teachers' reactions to children's aggression. *Social Development*, 15(1), 109-127. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2006.00332.x>
- Salimi, N., Karimi-Shahanjarin, A., Rezapur-Shahkolai, F., Hamzeh, B., Roshanaei, G., & Babamiri, M. (2021). Use of a Mixed-Methods Approach to Evaluate the Implementation of Violence and Bullying Prevention Programs in Schools. *Education and Urban Society*, 53(6), 607-628. <https://doi.org/10.1177/0013124520972090>
- Smith, G. J. (2017). The Challenges of Doing Criminology in the big Data Era: Towards a Digital and Data-driven Approach. *British Journal of Criminology*, (2), 259–274. <https://doi.org/10.1093/bjc/azw096>
- Varela, J. J., Sirlopú, D., Melipillán, R., Espelage, D., Green, J., & Guzmán, J. (2019). Exploring the influence school climate on the relationship between school violence and adolescent subjective well-being. *Child Indicators Research*, 12(6), 2095-2110. <https://doi.org/10.1007/s12187-019-09631-9>
- Verseveld, M. D., Fekkes, M., Fukkink, R. G., & Oostdam, R. J. (2021). Teachers' experiences with difficult bullying situations in the school: An explorative study. *The Journal of Early*

References

- Adamchuk, D. V., Dozorcheva, E. G., Enikolopov, S. N. i dr. (2016). *Psihologiya deviantnosti. Deti. Obshchestvo. Zakon: monografiya*, red. A. A. Rean. Yuniti-dana.
- Andryushina, O. V. (2006). *Formirovanie special'noj kompetencii uchitelya v sfere profilaktiki asocial'nogo povedeniya podrostkov: avtoref. ... kand. ped. nauk*. Samara.
- Vojskunsij, A. E. (2004). Aktual'nye problemy zavisimosti ot Interneta. *Psihologicheskij zhurnal*, 1, 90–100.
- Vojskunsij, A. E. (2009). *Internet-zavisimost': psihologicheskaya priroda i dinamika razvitiya*. Moscow: Akropol'.
- Volkova, E. N., Volkova, I. V., i Skitnevskaya, L. V. (2017). Kul'turno-istoricheskaya teoriya L.S.Vygotskogo kak metodologicheskoe osnovanie dlya issledovanij podrostkovogo bullinga. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, 10(2), 6–17.
- Volkova, E. N., Cvetkova, L. A., i Volkova, I. V. (2019). Metodologicheskie osnovaniya dlya razrabotki programm profilaktiki podrostkovogo bullinga. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 74, 88–99. doi: 10.17223/17267080/74/5
- Egorov, A. YU., Grechanyj, S. V. (2019). Sovremennye podhody k terapii i korrkcii Internet-addikcii. *Zhurnal nevrologii i psihiatrii im. S. S. Korsakova*, 6, 152–159. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061152>
- Zmanovskaya, E. V. (2021). Sovremennaya rossijskaya deviantologiya: istoriya, metodologiya, social'nye vyzovy i aktual'nye tendencii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1(1), 12–23. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23
- Il'yankova, E. I., Semakova, A. I. (2021). Optimizaciya psihologicheskogo blagopoluchiya nesovershennoletnih s delinkventnym povedeniem. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1(1), 84–98. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-84-98
- Komlev, Yu. Yu. (2020). Ot cifrovizacii i setevizacii k cifrovoj deviantizacii v obshchestve riskov. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*, 2, 154–159.
- Komlev, Yu. Yu. (2020). Cifrovizaciya, setevizaciya obshchestva postmoderna i razvitie cifrovoi kriminologii i deviantologii. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1 (39), 31–40. doi: 10.24420/KUI.2020.39.1.004
- Rean, A. A. (2018). Profilaktika agressii i asocial'nosti nesovershennoletnih. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2(30), 3–12. doi: 10.11621/npj.2018.0201
- Rean, A. A., Novikova, M. A. (2019). Bulling v srede starsheklassnikov Rossijskoj Federacii: rasprostranennost' i vliyanie socioekonomicheskikh faktorov. *Mir psihologii*, 1(97), 165–177.
- Rean, A. A., Konovalov, I. A. (2021). Ocenka pedagogami podrostkovoj agressivnosti: social'no-perceptivnye aspekty i gotovnost' k vmeshatel'stvu. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1(2), 276–295. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-276-295>
- Serebrennikova, A. V. (2020). Kriminologicheskie problemy cifrovogo mira (cifrovaya kriminologiya). *Vserossiiskii kriminologicheskij zhurnal*, 3, 423–430. doi: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).423-430
- Fomichenko, A. S. (2013). Predstavleniya uchitelej o prichinah agressivnogo povedeniya uchashchihsya raznyh klassov obshcheobrazovatel'noj shkoly. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 4(2), 81–93.
- Fomichenko, A. S. (2019). Osobennosti vliyaniya haraktera vzaimodejstviya v sisteme «uchitel'-uchenik» na processy obucheniya i razvitiya shkol'nikov (po materialam zarubezhnyh publikacij). *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 8(1), 76–83. doi: 10.17759/jmfp.2019080108
- Chirkina, R. V., Delibalt, V. V., Dozorcheva, E. G. i dr. (2018). K voprosu obosnovaniya diagnosticheskikh priznakov razlichnyh kategorij nesovershennoletnih s protivopравnym povedeniem v kontekste deyatelnosti PMPK. *Psihologiya i pravo*, 8(1), 77–94. doi: 10.17759/psylaw.2018080106
- Coplan, R. J., Bullock, A., Archbell, K. A., & Bosacki, S. (2015). Preschool teachers' attitudes, beliefs, and emotional reactions to young children's peer group behaviors. *Early childhood research quarterly*, 30, 117–127. <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2014.09.005>
- Hazler, R. J., Miller, D. L., Carney, J. V., & Green, S. (2001). Adult recognition of school bullying situations. *Educational Research*, 43(2), 133–146. <https://doi.org/10.1080/00131880110051137>
- Goode, E. (2011). *Deviant behavior*. Upper Saddle River (9th Edition). New Jersey: Prentice Hall.
- Nesdale, D. & Pickering, K. (2006). Teachers' reactions to children's aggression. *Social Development*, 15(1), 109–127. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2006.00332.x>
- Salimi, N., Karimi-Shahanjarin, A., Rezapur-Shahkolai, F., Hamzeh, B., Roshanaei, G., & Babamiri, M. (2021). Use of a Mixed-Methods Approach to Evaluate the Implementation of Violence and Bullying Prevention Programs in Schools. *Education and Urban Society*, 53(6), 607–628. <https://doi.org/10.1177/0013124520972090>
- Smith, G. J. (2017). The Challenges of Doing Criminology in the big Data Era: Towards a Digital and Data-driven Approach. *British Journal of Criminology*, (2), 259–274. <https://doi.org/10.1093/bjc/azw096>

- Varela, J. J., Sirlorú, D., Melipillán, R., Espelage, D., Green, J., & Guzmán, J. (2019). Exploring the influence school climate on the relationship between school violence and adolescent subjective well-being. *Child Indicators Research*, 12(6), 2095-2110. <https://doi.org/10.1007/s12187-019-09631-9>
- Verseveld, M. D., Fekkes, M., Fukkink, R. G., & Oostdam, R. J. (2021). Teachers' experiences with difficult bullying situations in the school: An explorative study. *The Journal of Early Adolescence*, 41(1), 43-69. <https://doi.org/10.1177/0272431620939193>

Информация об авторах:

Григорович Любовь Алексеевна – профессор кафедры психологии личности Российского государственного гуманитарного университета, доктор психологических наук, профессор.

Горелов Александр Александрович – профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, профессор.

Чудаков Александр Юрьевич – профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор медицинских наук, профессор.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 01.10.2021

Одобрена после рецензирования 21.12.2021

Опубликована 29.04.2022

About the authors:

Lubov L. Grigorovich – professor of the Department of Personality Psychology, Russian State University for the Humanities, doctor of psychology, professor.

Alexander A. Gorelov – professor of the Department of Forensic Activity of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of pedagogical sciences, professor.

Alexander Yu. Chudakov – professor of the Department of Forensic Activity of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of medical sciences, professor.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted October 01, 2021

Approved after reviewing December 21, 2021

Accepted April 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 159.9:376

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-77-84

Факторный анализ индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска

Зуйкова**Анна Александровна**Московский университет
МВД России им. В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)**ORCID:** 0000-0002-5378-4959**Сафронов****Алексей Игоревич**Государственный гуманитарно-
технологический университет
(Орехово-Зуево,
Московская область, Россия)
safronovletter@mail.ru**ORCID:** 0000-0002-5176-8218**Ерофеева****Мария Александровна**Московский университет
МВД России им. В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
erofeeva-ma72@yandex.ru**ORCID:** 0000-0001-7176-513X

Аннотация

В настоящей статье рассматривается проблема ранней диагностики употребления психоактивных веществ в детско-подростковой среде, а также изучения индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска. На основании проведенного исследования авторами осуществлен факторный анализ личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска на основе использования психодиагностического опросника ПДО «Наркориск» (Сыркин и др., 2016) совместно с подростковым вариантом 16-факторного опросника Кеттелла и модифицированным для подростков стандартизированным многофакторным методом исследования личности (СМИЛ Л. Собчик). Предполагается, что между рискометрическими профилями лиц, склонных к употреблению психоактивных веществ, и их индивидуально-личностными характеристиками существуют корреляционные связи, учет которых позволяет персонифицировать профилактическую работу. Авторами отмечается, что факторный анализ полученных результатов позволяет выявить характерные признаки по изучаемым профилям личности. Таким образом, для абулистического профиля личности характерны: открытость, подчиненность, доверчивость, конформизм, пессимистичность и тревожность, а также неорганизованность и отсутствие индивидуальности. Гедонистический профиль личности скоррелирован с такими показателями, как открытость, эмоциональная устойчивость, смелость, напряженность, импульсивность, индивидуальность, оптимизм, непрактичность и неподчиненность. Асоциальный профиль личности характеризуется эмоциональной неустойчивостью, неподчиненностью, несдержанностью, жесткостью, прямолинейностью, тревожностью, напряженностью, низким самоконтролем, импульсивностью, ригидностью и социальной интровертностью. Для конформного профиля личности характерны подчиненность, доверчивость, практичность, тревожность, консерватизм, конформизм, самоконтроль, напряженность, невротический сверхконтроль, пессимистичность и ригидность. Когнитивно-деструктивный профиль личности представлен такими характеристиками, как сниженный интеллект, подчиненность, конформизм и ригидность.

Полученные результаты позволяют практическим работникам в области психологии и педагогики зависимого поведения лучше понимать природу формирования рискометрического профиля подростков, склонных к употреблению психоактивных веществ, оказывать им адресную профилактическую помощь, разрабатывать и корректировать содержание профилактических мероприятий, прогнозировать поведенческие стратегии, выстраивать индивидуальный профилактический маршрут с учетом их индивидуально-личностных характеристик.

Ключевые слова

аддиктивное поведение, группа аддиктивного риска, факторный анализ, личностные характеристики, персонификация профилактической работы

Для цитирования: : Зуйкова, А. А., Сафронов, А. И., Ерофеева, М. А. (2022). Факторный анализ индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 77–84. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-77-84.

Original paper

Factor analysis of the personal characteristics of individuals of the addictive risk group

Anna A. Zuykova

Moscow University of the MIA
of Russia named after V.Ya. Kikotya
(Moscow, Russia)

ORCID: 0000-0002-5378-4959

Aleksey I. Safronov

State University of Humanities
and Technology
(Orehovo-Zuevo,
Moscow region, Russia)
safronovletter@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5176-8218

Mariya A. Erofeeva

Moscow University of the MIA
of Russia named after V.Ya. Kikotya
(Moscow, Russia)

erofeeva-ma72@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7176-513X

Abstract

This article deals with the problem of early diagnosis of the use of psychoactive substances in the child and adolescent environment, as well as the study of individual and personal characteristics of individuals at addictive risk. On the basis of the conducted research, the authors carried out a factor analysis of the personal characteristics of individuals of the addictive risk group, based on the use of the psychodiagnostic questionnaire PDO «Narcorisk» (Syrkin et al., 2016) together with a teenage version of the 16-factor Ketell questionnaire and a standardized multifactor method modified for adolescents personality studies (SMIL L. Sobchik). It is assumed that there are correlations between the risk profiles of persons prone to the use of psychoactive substances and their individual and personal characteristics, consideration of which makes it possible to personalize preventive work. The authors note that the factor analysis of the obtained results makes it possible to identify characteristic features of the studied personality profiles. Thus, the abusive personality profile is characterized by: openness, subordination, credulity, conformity, pessimism and anxiety, as well as disorganization and lack of individuality. The hedonistic personality profile correlated with such indicators as openness, emotional stability, courage, tension, impulsivity, individuality, optimism, impracticality and insubordination. The antisocial personality profile is characterized by emotional instability, insubordination, intemperance, rigidity, straightforwardness, anxiety, tension, low self-control, impulsivity, rigidity and social introversion. The conformal personality profile is characterized by: subordination, credulity, practicality, anxiety, conservatism, conformity, self-control, tension, neurotic overcontrol, pessimism and rigidity. The cognitive-destructive personality profile is represented by such characteristics as: reduced intelligence, subordination, conformity and rigidity.

The results obtained allow practitioners in the field of psychology and pedagogy of dependent behavior to better understand the nature of the formation of the risk profile of adolescents prone to the use of psychoactive substances, provide them with targeted preventive care, develop and adjust the content of preventive measures, predict behavioral strategies, build an individual preventive route taking into account their individual and personal characteristics.

Keywords

addictive behavior, addictive risk group, factor analysis, personality characteristics, personification of preventive work

For citation: Zuykova, A. A., Safronov, A. I., Erofeeva, M. A. (2022). Factor analysis of the personal characteristics of individuals of the addictive risk group. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 77–84. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-77-84.

Введение

Проблема профилактики аддиктивного поведения в подростковой среде сегодня является одной из наиболее актуальных для общества. Анализ современных исследований и статистических данных показывает, что распространение и употребление психоактивных веществ в подростково-молодежной среде выступает показателем социальной деструк-

тивности, роста криминализации общества (Короленко, Дмитриева, 2001).

Практические работники в области психологии и педагогики зависимого поведения стремятся совершенствовать и разрабатывать диагностический инструментарий выявления ранних рисков употребления психоактивных веществ. Следовательно, профилактика как направление психологической помощи высту-

пает важнейшим элементом не только воспитательной работы субъектов системы образования, но и не теряет своей актуальности при развитии асоциального сценария взаимодействия личности и социальной среды.

Обзор литературы

В психолого-педагогической науке предпринимаются попытки разрабатывать различные модели профилактики зависимого поведения детей и подростков, с учетом специфики условий их реализации: образовательная модель профилактики (Бойков А. Е., 2014) (Иутин и др., 2004); модель адаптивного функционального копинг-поведения (Симатова О. Б., 2009) (Вагнер и Уолдрон, 2006); психолого-педагогическая модель профилактики (Краснова А. А., 2017) (Сирота, Ялтонский, 2004); концептуальная модель профилактики (Сирота Н. А., Ялтонский В.М. 2006) (Сирота и др., 2020). Следует отметить также модели зарубежных исследователей, позволившие заложить основы превенции зависимого поведения: модель, разработанную Национальным институтом по злоупотреблению алкоголем США (NIAAA, 1975) и модель, предложенную Национальным институтом по злоупотреблению наркотиками США (NIDA, 1979). (Бубеев и др., 2006).

Существующие подходы к пониманию профилактической деятельности по мере своего развития пытаются учитывать множество различных характеристик. Наиболее часто принимаются во внимание такие характеристики моделей, как вариативная совокупность отличительных свойств категорий «профилактика» и «концепция профилактики», представленные следующими компонентами: содержательный, целевой, организационный и деятельностный (Сыркин и др., 2015).

Разработка и моделирование профилактических программ, направленных на предупреждение формирования зависимого поведения детей и подростков, предполагают сотрудничество различных специалистов, причем в профилактической деятельности участвуют не только специалисты в области аддиктивного поведения, но и – после соответствующей подготовки – учителя-предметники. Структура профилактической деятельности должна способствовать решению ряда задач: обучение в различных областях, имеющих отношение к проблеме формирования зависимости, развитие навыков распознавания учащихся, потенциально использующих психоактивные вещества, активизация воспитательного потенциала образовательной среды, совершенствование диагностического инструментария выявления ранних рисков формирования аддиктивного поведения. В то же время необходимо отметить недостаточную эффективность профилактических программ, опирающихся на информирование потенциальных групп

риска о негативных последствиях употребления психоактивных веществ. При этом достаточно перспективными являются профилактические программы, предполагающие ориентацию на формирование ценностного отношения к своему здоровью и формирование здорового образа жизни подрастающего поколения с учетом индивидуально-личностных характеристик (Сыркин и др., 2015; Сыркин и др., 2016).

Особый интерес в психолого-педагогических исследованиях проблем профилактической и коррекционно-реабилитационной работы с различными категориями лиц аддиктивного риска вызывает поиск взаимосвязей между различными факторами-предпосылками формирования зависимого поведения и индивидуально-личностными характеристиками лиц, уже употребляющих либо способных потенциально употреблять психоактивные вещества (Белоусова и др., 2014). Например, исследователи отмечают необходимость учета индивидуально-личностных, поло-возрастных и социальных характеристик при работе с различными категориями лиц группы аддиктивного риска (Gibbs et al., 2019). Также на основании изучения личности лиц, склонных к употреблению психоактивных веществ или уже их употребляющих, актуальным является изучение первичного конструирования идентичности определенного типа и в последующем создание классификации, позволяющей интерпретировать влияние различных факторов на формирование аддиктивного профиля личности (Erickson, 2021).

Некоторые исследователи отмечают необходимость детального описания индивидуально-психологических и индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска, а также учета социально-психологических факторов возникновения аддиктивного поведения, что позволяет прогнозировать склонность к демонстрации индивидуально-го сценария взаимодействия со сверстниками на фоне экспериментирования с психоактивными веществами (Kelly et al., 2017). Понимание индивидуально-психологических характеристик лиц группы аддиктивного риска способствует моделированию последствий взаимодействия подростка и субъектов превентивных мероприятий при решении профилактических задач (Dong & Krohn, 2020).

При этом разработка превентивных мероприятий позволяет предотвращать возникновение деструктивных поведенческих стратегий (агрессия, насилие), связанных с проблемой употребления психоактивных веществ (Taşören, 2017; Evans et al., 2021; Fernández-Montalvo et al., 2012; Cao et al., 2021).

Измерение рисков возникновения наркозависимого поведения на основе анализа личностных характеристик с последующей кластеризацией

должно составлять основу профилактических и коррекционно-реабилитационных мероприятий (Kroner et al., 2020). В этом случае предупреждение рисков формирования аддиктивного поведения будет достаточно эффективным процессом и при условии учета принципов активизации и увеличении роли социально значимой деятельности позволит успешно реализовывать профилактические мероприятия с различными целевыми группами (Phillippi et al., 2021).

Таким образом, разработка рискометрических профилей аддиктивного риска является одной из перспективных задач современной психолого-педагогической науки и может позволить персонализировать профилактические маршруты для лиц, склонных к зависимому поведению.

Сформированный рискометрический пул как набор характеристик личности подростка группы аддиктивного риска позволяет практическим работникам оказывать адресную помощь.

Описание исследования

В интересах выявления личностных характеристик детей и подростков, входящих в группу аддиктивного риска, а также дальнейшего использования полученных данных для разработки персонализированных профилактических программ нами было организовано эмпирическое исследование на базе общеобразовательных средних школ юго-востока

Московской области (г. Орехово-Зуево, г.о. Коломна, г.о. Люберцы, г. Бронницы). В исследовании приняли участие 500 обучающихся 7–9-х классов в возрасте 13–16 лет.

На первом этапе исследования в интересах выявления группы аддиктивного риска, нами был использован Психодиагностический опросник ПДО «Наркориск» (Сыркин и др., 2016), позволяющий отнести респондента к одному из профилей, представленных методикой: абулистический профиль личности, гедонистический профиль, асоциальный профиль, конформный профиль, когнитивно-деструктивный профиль, рискометрический нейтральный профиль. Результаты применения опросника ПДО «Наркориск» представлены ниже на рисунке 1. Анализ полученных данных говорит о том, что для 325 респондентов характерен рискометрический нейтральный профиль, что указывает на отсутствие рисков формирования зависимого поведения в настоящий момент онтогенеза. Оставшиеся респонденты распределились следующим образом: 41 респондент имеет абулистический профиль личности, 30 респондентов – гедонистический профиль, 23 респондента – асоциальный профиль, 47 респондентов – конформный профиль, 34 респондента – когнитивно-деструктивный профиль. Таким образом, для дальнейшего исследования нами были отобраны 175 респондентов, входящих в группу аддиктивного риска.

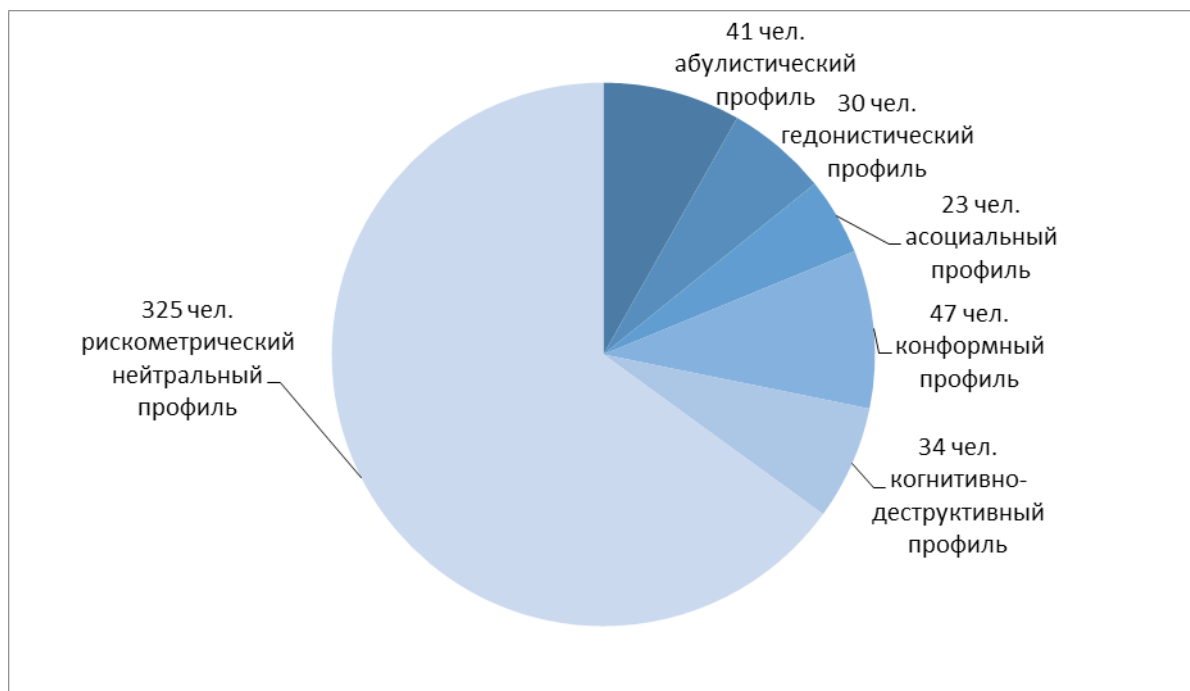

Рис. 1. Распределение респондентов по шкалам методики «ПДО Наркориск»

Fig 1. Distribution of respondents according to the scales of the “PDO Narcorisk” methodology

На следующем этапе исследования в интересах изучения личностных характеристик респондентов, входящих в группу аддиктивного риска, нами были использованы следующие методики: подростковый вариант 16-факторного опросника **Кеттелла** и также модифицированный для подростков стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ Л. Собчик). По завершении диагностического исследования полученные данные были подвержены корреляционному анализу Спирмена, результаты которого представлены ниже в таблице 1.

Факторный анализ полученных результатов, позволяет выявить характерные признаки по изучаемым

профилям личности. Таким образом, для абулистического профиля личности характерны: открытость, подчиненность, доверчивость, конформизм, пессимистичность и тревожность, а также неорганизованность и отсутствие индивидуальности. Гедонистический профиль личности скоррелирован с такими показателями, как открытость, эмоциональная устойчивость, смелость, напряженность, импульсивность, индивидуальность, оптимизм, непрактичность и неподчиненность. Асоциальный профиль личности характеризуется эмоциональной неустойчивостью, неподчиненностью, несдержанностью, жесткостью, прямолинейностью, тревожностью, напряженностью, низким самокон-

Таблица 1. Корреляции рискометрических профилей со шкалами СМИЛ и опросника Кеттелла

Table 1. Correlations of riskometric profiles with SMIL scales and the Cattell questionnaire

Методика	Фактор	АБП*	ГДП	АСП	КФП	КДП
Опросник Кеттелла	Открытость	0,47	0,57	0,24	0,34	0,47
	Интеллект	0,35	0,43	0,35	0,47	-0,67
	Эмоц. устойчивость	0,24	0,54	-0,75	0,43	0,37
	Подчиненность	0,57	-0,75	-0,64	0,56	0,62
	Сдержанность	0,25	0,48	-0,65	0,37	0,22
	Организованность	-0,75	0,32	0,23	0,21	0,21
	Смелость	-0,32	0,82	0,21	0,23	0,32
	Жесткость	0,23	0,34	0,57	0,37	0,45
	Доверчивость	0,56	0,23	0,23	0,57	0,37
	Практичность	0,15	-0,57	0,45	0,54	0,21
	Прямолинейность	-0,12	0,48	0,76	0,32	0,23
	Тревожность	-0,27	0,32	0,56	0,67	0,32
	Консерватизм	-0,15	0,21	0,32	0,82	0,37
	Конформизм	0,56	0,34	0,23	0,64	0,57
	Самоконтроль	0,37	0,42	-0,75	0,52	0,34
	Напряженность	0,24	0,62	0,53	0,72	0,32
СМИЛ	Невротический сверхконтроль	0,01	0,12	0,45	0,57	0,21
	Пессимистичность	0,64	0,22	0,32	0,54	0,32
	Эмоциональная лабильность	0,02	0,37	0,21	0,32	0,34
	Импульсивность	0,12	0,62	0,57	0,27	0,43
	Ригидность	0,15	0,37	0,64	0,56	0,57
	Тревожность	0,54	0,24	0,34	0,62	0,45
	Индивидуальность	-0,67	0,72	0,45	0,34	0,34
	Оптимизм и активность	-0,45	0,82	0,23	0,23	0,21
	Женственность-мужественность	0,13	0,24	0,12	0,21	0,22
	Социальная интроверсия	0,23	0,12	0,54	0,47	0,32

* Примечание: АБП – абулистический профиль личности; ГДП – гедонистический профиль личности; АСП – асоциальный профиль личности; КФП – конформный профиль личности; КДП – когнитивно-деструктивный профиль личности.

**Примечание: серым цветом выделены значимые корреляции по анализу Спирмена.

тролем, импульсивностью, ригидностью и социальной интровертностью. Для конформного профиля личности характерны: подчиненность, доверчивость, практичность, тревожность, консерватизм, конформизм, самоконтроль, напряженность, невротический сверхконтроль, пессимистичность и ригидность. Когнитивно-деструктивный профиль личности характеризуется сниженным интеллектом, подчиненностью, конформизмом и ригидностью.

Выводы

1. Профилизация групп аддиктивного риска позволяет субъектам профилактической деятельности реализовывать идеографический подход и учитывать индивидуально-личностные особенности лиц, склонных к зависимому поведению.

2. Адресность и таргетирование профилактической деятельности с учетом выявленных индивидуально-личностных особенностей позволяет расширить инструментарий средств предупреждения возникновения рисков аддиктивного поведения в подростковой среде.

3. Анализ и интерпретация индивидуально-личностных характеристик лиц группы аддиктивного риска позволяют практическим работникам выстраивать индивидуальные маршруты в процессе не только профилактической, но и коррекционной деятельности.

4. Детализированное представление личностных характеристик подростков группы аддиктивного риска позволяет прогнозировать поведенческие сценарии и стратегии поведения объектов профилактики.

Список литературы

- Белоусова, А. К., Николаева, А. Ю., Евсеева, О. Е. (2014). Когнитивная сфера наркотированной личности в юношеском возрасте. *Прикладная юридическая психология*, 2, 37-47.
- Бубеев, Ю. А., Козлов, В. В., Никифоров, И. Ф. (2006). *Интегративные психотехнологии в профилактике и коррекции зависимого поведения*: монография. Фирма «Слово».
- Вагнер, Э. Ф., Уолдрон, Х. Б. (2006). *Алкогольная и наркотическая зависимость у подростков. Пути преодоления*: учебное пособие (пер. А.В. Александрова, В.М. Ялтонский). Академия.
- Иутин, В. М., Сыркин, Л. Д., Фарух, А. А. (2004). Пути повышения эффективности диагностики и экспертизы злоупотреблений наркотическими средствами. *Военно-медицинский журнал*, 7(325), 44-48.
- Короленко, Ц. П., Дмитриева, Н. В. (2001). *Психосоциальная аддиктология*. Новосибирск: «Олсиб».
- Корчагина, Г. А., Фадеева, Е. В. (2015). Оценка эффективности программ профилактики потребления психоактивных веществ. *Медицинская психология в России*, 2(31).
- Сирота, Н. А., Ялтонский, В. М. (2004). *Эффективные программы профилактики зависимости от наркотиков и других форм зависимого поведения*. Москва: ООО Центр полиграфических услуг «Радуга».
- Сирота, Н. А., Зуйкова, А. А., Сафронов, А. И., Золоторева, Л. И., (2020). Применение методов субъективной семантики в решении задач профилактики употребления ПАВ лицами группы аддиктивного риска. *Человеческий капитал*, 9(141), 244-250. doi: 10.25629/НС.2020.09.22
- Сыркин, Л. Д., Ляпин, А. С., Сафронов, А. И., Зуйкова, А. А., (2015). Методические подходы к проблеме мониторинга и раннего выявления рисков формирования зависимого поведения в молодежной среде. *Вестник восстановительной медицины*, 3(67).
- Сыркин, Л. Д., Ляпин, А. С., Зуйкова, А. А., Сафронов, А. И. (2016). Использование методики «Психодиагностический опросник «Наркориск» в социально-психологическом тестировании в образовательных организациях. *Научный интернет-журнал «Мир науки»*, 1(4).
- Taşören, A. B. (2017). Drug Use and Self-Harming Behavior Among Incarcerated Men: Does Childhood Abuse, Anger, and Executive Function Make a Difference? *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 26(9), 1006-1023. <https://doi.org/10.1080/10926771.2017.1346028>
- Dong, B., & Krohn, M. D. (2020). Sent Home Versus Being Arrested: The Relative Influence of School and Police Intervention on Drug Use. *Justice Quarterly*, 37(6), 985-1011. <https://doi.org/10.1080/07418825.2018.1561924>
- Kelly, B. C., Harris, E., & Vuolo, M. (2017). Psychosocial Influences of the Escalation of Deviance: The Case of Prescription Drug Sniffing. *Deviant Behavior*, 38(8), 941-956. <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1229934>
- Evans, Caroline B. R., Stalker, K. C., & Brown, M. E. (2021). A systematic review of crime/violence and substance use prevention programs. *Aggression and Violent Behavior*, Volume 56, January–February 2021, 101513. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2020.101513>
- Kroner, D. G., Morrison, M. M., & Lowder, E. M. (2020). A Principled Approach to the Construction of Risk Assessment Categories: The Council of State Governments Justice Center Five-Level System. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 64(10-11), 1074-1090. <https://doi.org/10.1177/0306624X19870374>
- Fernández-Montalvo, J, López-Goñi, J. J., & Arteaga, A. (2012). Violent Behaviors in Drug Addiction: Differential Profiles of Drug-Addicted Patients With and Without Violence Problems. *Journal of Interpersonal Violence*, 27(1), 142-157. <https://doi.org/10.1177/0886260511416475>

- Gibbs, B. R., Lytle, R., & Wakefield, W. (2019). Outcome Effects on Recidivism Among Drug Court Participants. *Criminal Justice and Behavior*, 46(1), 115-135. <https://doi.org/10.1177/0093854818800528>
- Cao, H., Liang, Y., Li, X., Zhu, L., Wu, L., Liu, H., Jiang, L., Zhou, N., & Zhang, J. (2021). Childhood Maltreatment and Affective Symptoms and Severity of Drug Addiction among Chinese Male Drug Users: Variable-Centered and Person-Centered Approaches. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 30(8), 1007-1027. <https://doi.org/10.1080/10926771.2020.1796874>
- Erickson, J. H. (2021). "Wild in My Eyes": An Analysis of Narratives and Narrative Identities among Diverse Drug Users. *Deviant Behavior*. <https://doi.org/10.1080/01639625.2021.1990740>
- Phillippi, S. W., Thomas, C. L., & Lentini, K. (2021). Translation of National Juvenile Drug Treatment Court Guidelines into Statewide Standards and Practices: a Case Study. *Am J Crim Just*, 46, 483-495. <https://doi.org/10.1007/s12103-020-09563-z>

References

- Belousova, A. K., Nikolaeva, A. Yu., Evseeva, O. E. (2014). Kognitivnaya sfera narkotirovannoy lichnosti v yunosheskom vozraste. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2, 37-47.
- Bubeev, Yu. A., Kozlov, V. V., Nikiforov, I. F. (2006). *Integrativnye psihotekhnologii v profilaktike i korrekcii zavisimogo povedeniya: monografiya*. Firma «Slovo».
- Vagner, E. F., Uoldron, H. B. (2006). *Alkogoľ'naya i narkoticheskaya zavisimost' u podrostkov. Puti preodoleniya: uchebnoe posobie* (per. A.V. Aleksandrova, V.M. Yaltonskij). Akademiya.
- Iutin, V. M., Syrkin, L. D., Faruh, A. A. (2004). Puti povysheniya effektivnosti diagnostiki i ekspertizy zloupotreblenij narkoticheskimi sredstvami. *Voenno-meditsinskij zhurnal*, 7(325), 44-48.
- Korolenko, C. P., Dmitrieva, N. V. (2001). *Psihosocial'naya addiktologiya*. Novosibirsk: «Olsib».
- Korchagina, G. A., Fadeeva, E. V. (2015). Ocenka effektivnosti programm profilaktiki potrebleniya psihoaktivnyh veshchestv. *Meditsinskaya psihologiya v Rossii*, 2(31).
- Sirota, N. A., Yaltonskij, V. M. (2004). *Effektivnye programmy profilaktiki zavisimosti ot narkotikov i drugih form zavisimogo povedeniya*. Moskva: OOO Centr poligraficheskikh uslug «Raduga».
- Sirota, N. A., Zujkova, A. A., Safronov, A. I., Zolotoreva, L. I., (2020). Primenenie metodov sub'ektivnoj semantiki v reshenii zadach profilaktiki upotrebleniya PAV licami gruppy addiktivnogo riska. *Celovecheskij kapital*, 9(141), 244-250. doi: 10.25629/HC.2020.09.22
- Syrkin, L. D., Lyapin, A. S., Safronov, A. I., Zujkova, A. A., (2015). Metodicheskie podhody k probleme monitoringa i ranego vyyavleniya riskov formirovaniya zavisimogo povedeniya v molodezhnoj srede. *Vestnik vosstanovitel'noj mediciny*, 3(67).
- Syrkin, L. D., Lyapin, A. S., Zujkova, A. A., Safronov, A. I. (2016). Ispol'zovanie metodiki «Psihodiagnosticheskij oprosnik «Narkorisk» v social'no-psihologicheskom testirovanii v obrazovatel'nyh organizacijah. *Nauchnyj internet-zhurnal «Mir nauki»*, 1(4).
- Taşören, A. B. (2017). Drug Use and Self-Harming Behavior Among Incarcerated Men: Does Childhood Abuse, Anger, and Executive Function Make a Difference? *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 26(9), 1006-1023. <https://doi.org/10.1080/10926771.2017.1346028>
- Dong, B., & Krohn, M. D. (2020). Sent Home Versus Being Arrested: The Relative Influence of School and Police Intervention on Drug Use. *Justice Quarterly*, 37(6), 985-1011. <https://doi.org/10.1080/07418825.2018.1561924>
- Kelly, B. C., Harris, E., & Vuolo, M. (2017). Psychosocial Influences of the Escalation of Deviance: The Case of Prescription Drug Sniffing. *Deviant Behavior*, 38(8), 941-956. <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1229934>
- Evans, Caroline B. R., Stalker, K. C., & Brown, M. E. (2021). A systematic review of crime/violence and substance use prevention programs. *Aggression and Violent Behavior*, Volume 56, January-February 2021, 101513. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2020.101513>
- Kroner, D. G., Morrison, M. M., & Lowder, E. M. (2020). A Principled Approach to the Construction of Risk Assessment Categories: The Council of State Governments Justice Center Five-Level System. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 64(10-11), 1074-1090. <https://doi.org/10.1177/0306624X19870374>
- Fernández-Montalvo, J, López-Goñi, J. J., & Arteaga, A. (2012). Violent Behaviors in Drug Addiction: Differential Profiles of Drug-Addicted Patients With and Without Violence Problems. *Journal of Interpersonal Violence*, 27(1), 142-157. <https://doi.org/10.1177/0886260511416475>
- Gibbs, B. R., Lytle, R., & Wakefield, W. (2019). Outcome Effects on Recidivism Among Drug Court Participants. *Criminal Justice and Behavior*, 46(1), 115-135. <https://doi.org/10.1177/0093854818800528>
- Cao, H., Liang, Y., Li, X., Zhu, L., Wu, L., Liu, H., Jiang, L., Zhou, N., & Zhang, J. (2021). Childhood Maltreatment and Affective Symptoms and Severity of Drug Addiction among Chinese Male Drug Users: Variable-Centered and

Person-Centered Approaches. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 30(8), 1007-1027. <https://doi.org/10.1080/10926771.2020.1796874>

Erickson, J. H. (2021). "Wild in My Eyes": An Analysis of Narratives and Narrative Identities among Diverse Drug Users. *Deviant Behavior*. <https://doi.org/10.1080/01639625.2021.1990740>

Phillippi, S. W., Thomas, C. L., & Lentini, K. (2021). Translation of National Juvenile Drug Treatment Court Guidelines into Statewide Standards and Practices: a Case Study. *Am J Crim Just*, 46, 483–495. <https://doi.org/10.1007/s12103-020-09563-z>

Информация об авторах:

Зуйкова Анна Александровна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

Сафронов Алексей Игоревич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Государственного гуманитарно-технологического университета.

Ерофеева Мария Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 03.03.2022

Одобрена после рецензирования 07.04.2022

Опубликована 29.04.2022

About the authors:

Anna A. Zuykova – PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Pedagogy, Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Aleksey I. Safronov – PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Physical Education, State University of Humanities and Technology.

Mariya A. Erofeeva – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted March 03, 2022

Approved after reviewing April 07, 2022

Accepted April 29, 2022

УДК 81'27+81'42

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-85-92

Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе

Бабук Александр Вадимович

ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»

(Минск, Республика Беларусь)

alexander-babuk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8805-3910

Аннотация

В данной статье проводится анализ флейминговой коммуникации как инструмента разжигания речевого конфликта. Обосновывается мысль о том, что появление флейминга как средства речевой агрессии произошло на рубеже эпох в связи с развитием средств массовой информации, а затем и компьютерно-опосредованной коммуникации, осуществляемой в интернет-дискурсе. Показывается, что флейминг активно используется в сочетании с другими формами речевой агрессии в интернет-дискурсе, такими как троллинг и кибербуллинг. Особая роль во флейминговой коммуникации отводится «языку вражды» — термина, используемого в мировой судебной практике и обозначающего противопоставление описываемых объектов в тексте на основе определенных признаков (расы, языка, национальности, религии или принадлежности к какой-либо группе) и побуждения к насильственным действиям, осуществляемым на основе этих признаков. Используя примеры конкретных высказываний, предпринимается попытка классифицировать флейминговые высказывания (флеймы), раскрыть их стратегическую цель и описать используемые тактики дискредитации, иллюстрирующие намерения адресанта сообщения. Подчеркивается важность выявления сущности этих тактик в рамках проведения судебной лингвистической экспертизы, а также установления авторства анонимных флейминговых высказываний путем проведения судебной автороведческой экспертизы.

Ключевые слова

флейминг, речевая агрессия, троллинг, кибербуллинг, экстремизм, интерпретация, коммуникативная стратегия и тактика, судебная лингвистическая экспертиза, судебная автороведческая экспертиза

Для цитирования: Бабук, А. В. (2022). Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 85–92. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-85-92.

Original paper

Alexander V. Babuk

State Institution “Scientific and Practical Center of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus”

(Minsk, Republic of Belarus)

alexander-babuk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8805-3910

Flaming as a speech conflict inciting tool in Internet-discourse

Abstract

The article analyzes flaming as a tool for a speech conflict inciting. The author backs up the idea that flaming as a mean of speech aggression appeared on the threshold of a new era due to the development of the mass media and computer-mediated communication in the Internet discourse. It is shown that flaming is actively used in combination with other forms of speech aggression in Internet discourse, such as trolling and cyberbullying. Phenomenon of «hate speech» is assigned a special role in flamewars. This term as the international legal practice

shows, denotes the opposition of the subjects described in the text based on certain characteristics (race, language, religion, nationality, or belonging to any group) and inducement to violent actions that are carried out based on them. Using specific examples, the author attempts to classify flaming to reveal their strategic goals and to describe the tactics of discreditation illustrating the intent of the content creator. The work emphasizes the need to reveal the communicating tactics in the framework of forensic linguistics examination as well as deanonymization of the flaming content creators via forensic authorship examination.

Keywords

flaming, speech aggression, cyberbullying, extremism, interpretation, communicating strategies and tactics, forensic linguistics, forensic authorship examination

For citation: Babuk, A. V. (2022). Flaming as a speech conflict inciting tool in Internet-discourse. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 85–92. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-85-92.

Компьютерно-опосредованная коммуникация становится в последнее время все более актуальной в аспекте социального взаимодействия. Развитие средств массовой коммуникации, таких как электронная почта, социальные сети и мессенджеры мгновенной отправки сообщений, создают новые условия для различных форм общения, при которых все упомянутые средства могут использоваться не только в созидательных, но и в разрушительных целях, как это происходит в преступном сообществе. Одним из таких речевых инструментов, активно используемых современными преступниками, является флейминг.

Флеймингом (от англ. *flame* — «пламя») в настоящее время называют оскорбительное сообщение, отправленное кому-либо посредством интернета. Первоначально данное слово в английском языке (как и в русском языке, слово «*пламенный*») использовалось в качестве прилагательного и имело положительную коннотацию. Этим словом характеризовали что-то «*наполненное страстью, воодушевлением*» (Кузнецов, 2000) (от англ. *flaming speech* — «*пламенная речь*»). Затем данное понятие получило применение в компьютерном жаргоне, где под флеймом стали понимать оскорбительное или агрессивное сообщение, отправленное одним интернет-пользователем другому по электронной почте (Butterfield, 2016). В современной лингвистике флеймингом называют ведение разговора на неинтересную для собеседников тему, «спор ради спора» (Ярец, 2020) с намерением разжигания речевого скандала или «флеймовой войны» (от англ. — *flame war*) в интернет-дискурсе, что составляет стратегическую цель такой коммуникации. Классическим примером флейминга является превращение дискуссии в бесполезную и бессмысленную полемику, демагогию (Raymond, 2020).

С точки зрения теории речевых актов, понятие «*флейм*» стоит рассматривать как метафорическое интенциональное высказывание (Остин, 1986), используемое с целью разжигания речевого конфликта в компьютерно-опосредованной коммуникации (Вап-

сал, 2011b). Формами проявления флейминга могут быть «ничем не обоснованная критика», «враждебное вербальное поведение», «грубое разоблачение», «эмоциональный всплеск» и т. д. Все эти определения затрагивают различные сферы жизнедеятельности человека, такие как образование, бизнес-среда, сфера социальных и государственных взаимоотношений, которые сформировались задолго до появления интернета. В процессе коммуникации лицом к лицу человек может это распознать по различным маркерам невербального поведения, исходящих от другого человека – враждебной настроенности, злости, нетерпению и т.д.

Исторически флейминг как лингвистическое явление в современной медиасреде возник в связи с развитием средств массовой информации и коммуникации, спрос на которые стал актуальным в период крупных исторических событий. В русскоязычном информационном пространстве одним из таких событий стал распад СССР, сопровождавшийся публикациями всевозможных текстов, видео- и аудиоматериалов с большим проявлением различных форм речевой агрессии, представленной в первую очередь в прессе и на телевидении. Изучение публикаций, связанных с этим событием, побудило ученых рассматривать речевую агрессию как тип коммуникации, наполненный различными средствами языковой игры, формами иронии, сарказма, интертекстуальности, а также тенденциозного использования негативной информации¹, представленной в средствах массовой информации и коммуникации в интернет-дискурсе.

Флеймингу, как правилу, предшествует интернет-троллинг — размещение так называемого информационного тролля (от англ. *to troll, to trawl* — «ловить на блесну»), т. е. интенциональная речевая провокация участников коммуникации с целью создания конфликтной ситуации с помощью различных языковых средств, выражающих вербальную агрессию. Большинство ученых, таких как Т. А. Воронцова (Воронцова, 2016), Ю. В. Щербинина (Щербинина, 2015) и других, сходятся во мнении, что и флейминг, и троллинг

¹ Петрова, Н. Е. (2011). Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. Москва: Флинта : Наука.

являются формами проявления речевой агрессии. Механизм как троллинга, так и флейминга основан на языковой игре остроумия как средства речевого воздействия, которое, согласно утверждению З. Фрейда, позволяет сделать доступным для слушателя бессмысленное высказывание и в то же самое время обеспечивает адресанта защитой от критики (Коган и Вульф, 2006). Разница заключается в том, что флейминг олицетворяет непосредственно само разжигание речевого конфликта не в монологе, а в полилоге с участием множества коммуникантов, эмоционально реагирующих на такую речевую провокацию. Кроме того, в отличие от троллинга, флейминг предполагает прямую словесную атаку непосредственно на коммуниканта.

”

Флейминг обязательно предполагает активное вовлечение человека в процесс онлайн-дискуссии на заданную тему. Адресанту флейма необходим запас времени для того, чтобы, с одной стороны, охватить как можно больше спектров коммуникации и чтобы другие участники дискуссии приняли его в свои ряды, с другой стороны.

“

Полилог при флейминге, как правило, задается посредством интерактивной функции в медиакоммуникации, формируемой с помощью комментариев, которые пишут коммуниканты под постами (сообщениями) в социальных сетях, *Telegram*-каналах и видеороликами *Youtube*. Суть интерактивного взаимодействия заключается в побуждении адресантов публикуемых сообщений и видеороликов интерперсональных адресатов к составлению комментариев, которые в свою очередь могут привлечь других коммуникантов по цепной реакции, создавая, таким образом, различные формы виртуальной коммуникации (Helfrich, 2014). Если один из таких коммуникантов публикует сообщение, демонстрирующее паттерн враждебного коммуникативного поведения по отношению к какому-либо из участников коммуникации, то создаются благоприятные условия для флейминга.

Флейминг, как и троллинг, часто становится составной частью буллинга (травли) — периодически повторяющегося агрессивного поведенческого акта с намерением нанесения ущерба и причинения вреда конкретному индивиду (жертве), который не в состоянии себя защитить (Colette Langos, 2021). Буллинг может иметь различные формы физического, психического, психологического и другого воздействия. Современная форма буллинга в связи с распространением публикаций в социальных сетях и мессенджерах получила название кибербуллинга (Colette Langos, 2021), который, с лингвистической точки зрения, характеризуется следующими особенностями:

- осуждением;
- негативнооценочной номинацией объекта по какому-либо «естественному» признаку (например, по внешности или полу);
- эмоциональным подкреплением (как правило, отрицательным) (Nabila Putri Supriadi, 2020), выраженным как лингвистически (вербально), так и экстралингвистически (невербально) – посредством графем, эмодзи, стикеров и т. д.

Флеймингом в данном случае является таргетированная (целенаправленная) отправка или опубликование в открытом доступе текстовых сообщений с вышеупомянутыми характеристиками с целью преследования конкретного человека в определенной социальной или возрастной группе.

Качественную характеристику флейминга составляет также коммуникативная ситуация, в которой создается речевое произведение. Так, например, использование бранной и вульгарной лексики среди двух друзей в процессе бытового повседневного общения может служить маркером близких дружеских отношений. Соответственно, такая ситуация не может рассматриваться в качестве благоприятной почвы для флейминга. Однако использование подобной лексики, например, в ситуации статусно-ориентированного общения «учитель-ученик» способствует разжиганию речевого конфликта, что и является непосредственно флеймингом. Вот почему интерес для исследования представляет коммуникативная ситуация, когда флейминг становится целью вербальной агрессии и маркером антисоциального поведения, а слово – орудием правонарушения, которое зависит от контекста и коммуникативной ситуации употребления.

Наиболее «удобной» для флейминга интернет-платформой является социальная сеть или мессенджер, которые способствуют осуществлению коммуникации в различных форматах в рамках заданной тематики. Так, например, комментарии в социальной сети «Фейсбук», как правило, представляют собой различные оценочные суждения, в которых адресант может выразить свое личное отношение к предмету речи, а также коммуникативно реагировать на

Таблица 1. Примеры высказываний, позволяющих классифицировать флэймы

Table 1. Examples of the statements that can be classified as flame

п/п	Вид конструкций флеймов	Описание	Примеры (на материале комментариев соцсети «Фейсбук» [*])
1.	Прямой и интенциональный флейм	Данная лично-ориентированная речевая атака предполагает намеренное использование грубых, вульгарных, бранных речевых конструкций, эксплицитно выражающих несогласие или противоположную адресату идеологию, негативную оценку личности в агрессивной форме. В современном интернет-дискурсе встречается редко.	Адресат, выраженный в тексте эксплицитно (местоимение второго лица единственного числа). Интенция адресанта выражена посредством лексемы, имеющей негативнооценочную семантику: <u>Сообщение:</u> <i>Ты ничего не знаешь! Кто тебя такого еб**зо поставил работать преподавателем в главном вузе страны?!</i> <u>Ответная реплика:</u> <i>Тебе какая разница, у*од ком-натный!? Где хочу, там и работаю!</i>
2.	Непрямой (опосредованный) флейм	Отправка (публикация) сообщения с целью выражения несогласия с оппонентом. При этом смысл всего речевого произведения становится понятным только непосредственно субъектам того сообщества, в котором происходит дискуссия. К данной коммуникативной ситуации может привлекаться и третий субъект-посредник.	Классическим бытовым примером такой формы флейминга являются статусные сообщения, которые могут просматривать все пользователи, имеющие доступ к странице адресанта. Такие сообщения обычно выражают несогласие с конкретным предметом, субъектом или явлением. <u>Сообщение:</u> <i>«У меня вышла собственная книга!».</i> <u>Ответная реплика:</u> <i>«Хоть бы ее прочитал кто-нибудь!».</i> В данном случае комментарий, выражающий несогласие адресанта со статусным сообщением адресата, имеет форму упрека, выраженного с помощью частицы <i>хоть бы</i> .
3.	Прямой и непрямой опосредованный флейм	Данный вид флейма осуществляется адресантом интенционально, как прямым, так и непрямым способом, в рамках какой-то конкретной тематике и применяется открыто, но осторожно. Как правило, такие сообщения публикуются анонимно под вымышленными именами (никнеймами) или отправляются с чужого аккаунта.	<u>Прямой опосредованный флейм:</u> <i>«...о, господи, тупой, что-ли... найди в любой деревне еще живых стариков, помнящих войну и они тебе такое расскажут о твоих братьях-власовцах, что волосы дыбом встанут...тьфу...эка мерзость...».</i> <u>Непрямой опосредованный флейм:</u> <i>Мне нравится, когда тебе плохо, и ты мне об этом рассказываешь. Ну, депрессии!</i>
4.	Сатирико-саркастический флейм	Этот вид флейминга предполагает альтернативную номинацию индивида или группы в конкретной коммуникативной ситуации, как прямо, так и опосредованно, с использованием юмористических и саркастических конструкций, имплицитно представляющих реальную интенцию говорящего.	<u>Прямой сатирико-саркастический флейм:</u> <i>Что упадет с яблони быстрее – яблоко или негр? Яблоко, так как негра удержит веревка.</i> <u>Опосредованный сатирико-саркастический флейм:</u> <i>Ты – больной, который очень хочет жить, и врачи, поэтому бессильны.</i>

получаемую в ответ информацию из предыдущих комментариев (Филиппова, 2020). Во флейминговой коммуникации интернет-комментарии могут стать средствами выражения речевой агрессии и разжига-

ния речевого конфликта, что подтверждается примерами следующих высказываний, позволивших классифицировать флэймы соответствующим образом (Bansal, 2011a) (см. Таблицу 1).

^{*} Владелец социальной сети «Фэйсбук» американская компания Meta признана в России экстремистской организацией.

Ю. В. Щербинина выделяет две основные разновидности флейма – реактивный и инициативный.

Реактивный флейм чаще всего возникает спонтанно, как вспышка, появившаяся как следствие обиды на виртуального собеседника, и представляет собой фидбэки (от англ. *feedback* — отзыв, ответная реакция) — ответные сообщения на оскорбления, обвинения, провокации разжигания ссоры. Хотя в ряде случаев реактивный флейминг может быть вызван вполне безобидной, но несоответствующей теме диалога репликой (Щербинина, 2015).

Инициативный флейм представляет собой злонамеренное, целенаправленное разжигание вражды между участниками коммуникации в интернет-дискурсе, в ряде случаев — стравливание коммуникантов между собой или словесная травля, направленная на одного конкретного человека. Если аудитория агрессивно реагирует на провокацию, то начинается «война флеймов». Чем больше вовлеченных в словесную войну и чем сильнее их реакции в агрессивной форме, тем соответственно выше производимый эффект от флейминга. Инициативный флейм предполагает использование специальных технических и коммуникативных приемов, наносящих обиду адресату и выводящих его из эмоционального равновесия. К основным лингвистическим приемам флейминга относят:

- подделка имен, адресов, создание виртуальных личностей (публикация под вымышленным именем, которое пользуется авторитетом в данном сообществе);
- демонстрация полного спокойствия в контрасте с раздраженностью, озлобленностью, тревожностью адресата;

- категоричные утверждения без доказательств;

- перефразирование одной и той же мысли, идеи и ее многократный повтор с целью доведения адресата до состояния ярости или ненависти к другим участникам дискуссии;

- использование наиболее обидных словесных ярлыков, открытый «переход на личности»;

- обидные нотации и нравоучения, задевающие достоинства адресата;

- тенденциозный (в пользу флеймера) отбор и группировка соответствующих цитат, чужих высказываний;

- поддакивание чужим спорам по принципу «разделяй и властвуй»;

- маскировка деструктивных намерений под благие (мол, «хочу оживить умирающую дискуссию», «у меня есть особо ценные и никому не известные сведения по данному вопросу» и т. п.);

- кросс-постинг (от англ. *cross-posting*) — отсылка одного сообщения в несколько изданий (при этом адресата обвиняют в том, что он якобы разместил одно и то же сообщение на разных форумах, принял незаконное участие в разных конференциях и т. д.);

- «научно-художественный флейм» – это корректная и интересная публикация провокационной теории, вы-

мышленного факта, рассказа стихотворения, действующими лицами которых являются посетители и читатели данного интернет-издания (Щербинина, 2015).

Приведенные примеры показывают, что флейминг обязательно предполагает активное вовлечение человека в процесс онлайн-дискуссии на заданную тему. Адресату флейма необходим запас времени для того, чтобы, с одной стороны, охватить как можно больше спектров коммуникации и чтобы другие участники дискуссии приняли его в свои ряды, с другой стороны.

Лингвистическая сторона флеймов имеет также свои структурно-семантические, синтаксические, прагматические и другие языковые особенности, содействующие осуществлению конкретных коммуникативных тактик с целью дискредитации предмета речи. Н. Б. Руженцева пишет, что процесс дискредитации может происходить путем различных тактических схем. Раскроем и проиллюстрируем эти тактические схемы флейминга на примере конкретных высказываний:

1) тактика поляризации по принципу «МЫ — ОНИ»: отрицательная оценка одной группой лиц другой группой лиц, предписывание положительных характеристик первой группе лиц и, соответственно, противопоставление этих групп по какому-либо признаку – расы, языка, религии, принадлежности к группе власти и т.д. («*Эти негры нас угнетают. Они ничего не делают, а только халтурят, пьют и размножаются, пробивая себе жизненный путь по пособиям по безработице и не желая нести никакой ответственности за свою жизнь...*»);

2) сопоставительная тактика: отрицательное сравнение с кем-либо, вызывающим негативно-оценочные ассоциации («*Он похож на настоящего маньяка Чикатило*»);

3) тактика ссылки на дискредитируемое или дискредитировавшее себя лицо: когда проводятся аналогии предмета речи с теми лицами или историческими персонажами, которые изначально вызывают отрицательные характеристики («*Эти оккупанты действуют как ИГИЛовцы в Сирии*»);

4) тактика превращения нейтральных контекстов в дискредитирующие: «Мы будем делать все возможное, чтобы сохранить свою независимость, суверенитет и территориальную целостность» («*...режим обещает добиваться своего путем насилия и угнетения невинных людей...*»);

5) доказательное умаление авторитета путем выдвижения определенных аргументов («*Цены у нас растут, потому что чиновники нагло воруют деньги у населения*»);

6) дискредитирующий нарратив и дискредитирующее описание: большой текст о человеке, в котором его личность, портрет изначально представлен в негативно-ассоциативном ключе (книга «*Нашествие*»);

7) **дискредитация посредством стилизации:** ремейк какого-нибудь классического произведения, сарказм, ирония и т. д. («Этот хозяин конторки – счастливый человек: с таким богатством и на свободе» – ремейк с аллюзией на известную цитату из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» о гражданине Корейко). (Руженцева, 2004).

Стоит отметить, что выявление тактик дискредитации, а также описание семантики использованных языковых средств во флеймах осуществляется в процессе проведения судебной лингвистической экспертизы – «объективного, полного и всестороннего исследования текста» с целью поиска ответа на поставленный перед экспертом-лингвистом вопрос² по конкретной категории дел – экстремизма, оскорбления, угрозы, клеветы и т.д. Задача эксперта здесь заключается в том, чтобы верно интерпретировать представленный на исследование текст с целью извлечения криминалистически значимой информации, в том числе и путем описания упомянутых коммуникативных тактик речевой агрессии, иллюстрирующих флейминг.

Важной особенностью флейминга также является описание и личная интерпретация адресатом конструкций, имеющих специфику «языка вражды», что существенно зависит от субъективного восприятия реципиента. Понятие «языка вражды» (от англ. *hate speech*), согласно словарю Оксфорда, обозначает высказывание, направленное на разжигание ненависти по признаку принадлежности к определенной расе, языку, национальности, религии или к какой-либо группе, коммуникативной целью которого являются побуждение к насильственным действиям, основанное на упомянутых признаках (Garner).

В практике проведения судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь термин «язык вражды» не применяется. Однако он активно используется в мировой судебной практике при рассмотрении различных судебных разбирательств, касающихся экстремизма. «Основные запреты разжигания розни, возбуждения ненависти, подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию предусматривают и Конвенция по защите прав и свобод, и Международный пакт о гражданских и политических правах, и Рекомендации Комитета министров Совета Европы, Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию» (Горбаневский и Трофимова, 2021) и т. д.

Наличие в содержании текста «языка вражды» будет зависеть от интерпретации текста как адресантом отправляемого сообщения, так и его адресатом. О. С. Иссерс пишет, что «стратегия базируется на ин-

терпретации» (Иссерс, 2008). Основанная на определенных мотивах речевого поведения, она обусловлена желанием, волей, эмоциями конкретного человека. Так, например, высказывание, в котором действительно имеются призывы к насильственным действиям по расовому признаку, часто могут интерпретироваться как вполне допустимые, и соответственно наоборот, высказывания, в которых такие призывы отсутствуют, могут интерпретироваться как экстремистские.

Еще одной экспертной задачей является установление авторства распространяемых флеймов в рамках проведения судебной автороведческой экспертизы. Данная задача может быть поставлена перед экспертом в случае отправления флейминговых сообщений в интернет-дискурсе анонимным способом (например, разными лицами с одного и того же устройства, т. е. IP-адреса) с использованием «виртуальной языковой личности» (Лутовинова, 2015) – виртуального образа автора, созданного посредством вымышленного имени (никнейма) и аватарки (картинки). Для установления авторства флеймов различных социальных сетей и мессенджеров необходимо исследовать текст с целью выявления обликовых характеристик человека, таких как пол, возраст, профессиональная принадлежность и т. д. Для этого могут быть использованы когнитивный и лингвостилистический подходы, позволяющие установить авторство текста на основе его качественных и количественных характеристик путем различных лингвистических и лингвостатистических методов.

Таким образом, флейминг является одним из инструментов речевой агрессии, который возник в связи с развитием средств массовой информации и компьютерно-опосредованной коммуникации, где слово стало орудием совершения правонарушения. Наиболее благоприятной средой для флейминга является интернет-дискурс, где коммуникация осуществляется в рамках определенной тематики, в том числе и анонимно с использованием вымышленного никнейма и аватарки, а сами флейминовые конструкции могут воплощаться в различных прямых и не прямых формах, создаваться реактивным и инициативным образом и использоваться в сочетании с другими формами речевой агрессии – троллинга, кибербуллинга и других. Основными средствами реализации флеймов являются коммуникативные тактики дискредитации, используемые в интернет-дискурсе с целью разжигания речевого конфликта. Выявление стратегий и коммуникативных тактик флеймов осуществляется в рамках судебной лингвистической экспертизы, когда установление авторства флейминговых высказываний может производиться в рамках проведения судебной автороведческой экспертизы.

² Галяшина, Е. И. (2021). Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. Москва: Проспект.

Список литературы

- Воронцова, Т. А. (2016). Троллинг и флейминг: речевая агрессия в Интернет-коммуникации. *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология*, 26 (2), 109-116.
- Горбаневский, М. В., Трофимова, Г. Н. (2021). *ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет*. Москва: ИПЦ «МАСКА».
- Иссерс, О. С. (2008). *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: Издательство ЛКИ.
- Коган, Я. М., Вульф, М. В. (пер.) (2006). *Остроумие и отношение к бессознательному (З. Фрейд)*. Москва: АСТ, Минск: Харвест.
- Кузнецов, С. А. (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Лутовинова, О. В. (2015). Виртуальная языковая личность: к определению понятия. *Мир науки, культуры, образования*, 1 (50), 288-292.
- Остин, Дж. Л. (1986). Слово как действие. В Б. Ю. Городецкий (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике* (Выпуск XVII. Теория речевых актов, стр. 22-129). Москва: Прогресс.
- Руженцева, Н. Б. (2004). *Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.
- Филиппова, М. П. (2020). Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения. *Вестник удмуртского университета. Сер. История и филология*, Т. 3, вып. 6, 1049-1054.
- Щербинина, Ю. В. (2015). *Речевая агрессия. Территория вражды*. Москва: Форум.
- Ярец, А., Хагулева, Д. С., Кирило, А. В. (2020). Разновидности конфликтов и агрессии в Интернет-коммуникации. В *Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов XIII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов* (Минск, 22 ноября 2019 г. В 7 т. Т. II / БГУ, Филологический фак., Каф. английского языкознания; Н. Н. Нижнева (отв. ред.), стр. 201-214). Минск: Белорусский государственный университет.
- Butterfield, A., Ngondi, G., Kerr, A. (2016). *Oxford Dictionary of Computer Science*. London: Oxford University Press.
- Colette Langos, B. A. (2012). Cyberbullying: the challenge to define. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 15 (6), 285–289. <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0588>
- Garner, B. A., Black, H. C. (2009). *Black's Law Dictionary*. West Group; A Thomson Company.
- Helfrich, U. (2014). *Face work and flaming in social media. Face work and social media. Hildesheimer Beiträge zur Medienforschung 2*. Münster: LIT Verlag.
- Nabila Putri Supriadi, G. W. (2020). Bullies' attitudes on Twitter: A forensic linguistic analysis of cyberbullying (Systemic Functional Linguistics approach). *Passage*, 8(2), 111-124.
- Nitin, N., Bansal, A., Sharma, S. M., Kumar, K., Aggarwal, A., Goyal, S., Choudhary, K., Chawla, K., Jain, K., Bhasin M. (2011). Classification of Flames in Computer Mediated Communications. *International Journal of Computer Applications*, 14(6).
- Nitin, N., Bansal, A., Khazanchi, D. (2011). Understanding perceived flaming tendencies on social networking sites: an exploratory study. *Issues in information system*, 12 (1), 425-435.
- Raymond, E. S., Steele, G. (1991). *The new hacker's dictionary*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

References

- Voroncova, T. A. (2016). Trolling i flejming: rechevaya agressiya v Internet-kommunikacii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*, 26 (2), 109-116.
- Gorbanevskij, M. V., Trofimova, G. N. (2021). *GLEDIS v cifrovom prostranstve. Gil'dii lingvistov-ekspertov po dokumentacionnym i informacionnym sporam – 20 let*. Moscow: IPC «MASKA».
- Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
- Kogan, YA. M., Vul'f, M. V. (per.) (2006). *Ostroumie i odnoshenie k bessoznatel'nomu (Z. Frejd)*. Moscow: AST, Minsk: Harvest.
- Kuznecov, S. A. (2000). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. Saint Petersburg: Norint.
- Lutovinova, O. V. (2015). Virtual'naya yazykovaya lichnost': k opredeleniyu ponyatiya. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1 (50), 288-292.
- Ostin, Dzh. L. (1986). Slovo kak dejstvie. V B. Yu. Gorodeckij (red.), *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (Vypusk XVII. Teoriya rechevyh aktov, str. 22-129). Moscow: Progress.
- Ruzhenceva, N. B. (2004). *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossijskom politicheskom diskurse: monografiya*. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.
- Filippova, M. P. (2020). Internet-kommentarij i soobshchenie na internet-forume: parametry zhanrovogo razgranicheniya. *Vestnik udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*, Т. 3, вып. 6, 1049-1054.

- Shcherbinina, Yu. V. (2015). *Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy*. Moscow: Forum.
- Yarec, A., Hatuleva, D. S., Kirilo, A. V. (2020). Raznovidnosti konfliktov i agressii v Internet-kommunikacii. V *Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statej i tezisev XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, aspirantov, magistrantov, studentov* (Minsk, 22 noyabrya 2019 g. V 7 t. T. II / BGU, Filologicheskij fak., Kaf. anglijskogo yazykoznanija; N. N. Nizhneva (otv. red.), str. 201-214). Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet.
- Butterfield, A., Ngondi, G., Kerr, A. (2016). *Oxford Dictionary of Computer Science*. London: Oxford University Press.
- Colette Langos, B. A. (2012). Cyberbullying: the challenge to define. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 15 (6), 285–289. <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0588>
- Garner, B. A., Black, H. C. (2009). *Black's Law Dictionary*. West Group; A Thomson Company.
- Helfrich, U. (2014). *Face work and flaming in social media. Face work and social media. Hildesheimer Beiträge zur Medienforschung 2*. Münster: LIT Verlag.
- Nabila Putri Supriadi, G. W. (2020). Bullies' attitudes on Twitter: A forensic linguistic analysis of cyberbullying (Systemic Functional Linguistics approach). *Passage*, 8(2), 111-124.
- Nitin, N., Bansal, A., Sharma, S. M., Kumar, K., Aggarwal, A., Goyal, S., Choudhary, K., Chawla, K., Jain, K., Bhasin M. (2011). Classification of Flames in Computer Mediated Communications. *International Journal of Computer Applications*, 14(6).
- Nitin, N., Bansal, A., Khazanchi, D. (2011). Understanding perceived flaming tendencies on social networking sites: an exploratory study. *Issues in information system*, 12 (1), 425-435.
- Raymond, E. S., Steele, G. (1991). *The new hacker's dictionary*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Информация об авторе:

Бабук Александр Вадимович – кандидат филологических наук.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Alexander V. Babuk – Cand. Sci. (Philology).

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 17.01.2022

Одобрена после рецензирования 24.02.2022

Опубликована 29.04.2022

Submitted January 17, 2022

Approved after reviewing February 24, 2022

Accepted April 29, 2022

УДК 316.624+343.81

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-93-98

Девиантное поведение заключенных в местах лишения свободы Монголии

Батболд Галбадрах

Университет внутренних дел Монголии
(Улан-Батор, Монголия)
galbadrakh.b@uia.gov.mn

Аннотация

Проблема девиантного поведения лиц, находящихся в местах лишения свободы, актуальна как для монгольских, так и для зарубежных исследователей. Основная цель проводимых по этой проблеме исследований – поиск причин и наиболее эффективных средств контроля над агрессией. Хотя в тюремных учреждениях заключенные, приговоренные к пожизненному лишению свободы, составляют малую часть, но именно они заслуживают самого пристального внимания. В настоящее время пожизненное лишение свободы отбывают лица 25–38 лет.

Именно в этот период своими действиями, поведением человек продолжает создавать собственную атмосферу существования посредством коммуникативных связей.

Жизненные планы и ценности у заключенных, приговоренных к пожизненному лишению свободы, утрачены, что приводит к совершению различных противоправных действий, в том числе суицида, членовредительства, нападений, оскорблений и психологического давления на сотрудников тюремных учреждений. В статье рассматриваются проблемы девиантного поведения заключенных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

Методология, методы. Выводы, сделанные в процессе исследования, являются результатом использования различных научных методов, таких как анализ и синтез, а также системного и сравнительного методов.

Результаты. В ходе исследования осуществлен анализ научных точек зрения девиантного поведения осужденных, норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, предложена формулировка «бессрочное лишение свободы».

Ключевые слова

заключенный, цели уголовного наказания, пожизненное лишение свободы, бессрочное лишение свободы, девиантное поведение

Для цитирования: Батболд, Галбадрах (2022). Девиантное поведение заключенных в местах лишения свободы Монголии. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 93–98. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-93-98.

Original paper

Galbadrakh Batbold

University of Internal Affairs
of Mongolia
(Ulaanbaatar, Mongolia)
galbadrakh.b@uia.gov.mn

Deviant behavior of the incarcerated in the prison facilities of Mongolia

Abstract

Deviant behavior of the incarcerated individuals is a relevant challenge for both the Mongolian and the foreign researches. The main goal of the conducted studies is to expose the reasons of their behavior and to find the most effective control measures. Even though prisoners sentenced to life are the minor part of the incarcerated, they deserve our deliberate attention. Currently the age of sentenced to life is between 25 and 38 years old.

Specifically, at that age the prisoners keep creating their personal environment by their own acts and behavior depending on their communication skills and contacts.

Persons incarcerated for life have lost their life goals and values, what leads to an array of illegal acts including suicide, bodily harm, attacks, insults and psychological abuse of the prison staff. The following research is dedicated to the deviant behavior of the sentenced to life in prison.

Methodology, methods. The results of the research are based on the implementation of the different scientific methods such as analysis and synthesis, as well as systematic and comparative methods.

Results. In the process of research, the author has analyzed existing theories of the deviant behavior of prisoners, the norms of the criminal law and correctional law, and eventually offered a definition of the “termless incarceration”.

Keywords

incarcerated, goals of the criminal punishment, life sentence, termless incarceration, deviant behavior

For citation: Batbold, Galbadrakh (2022). Deviant behavior of the incarcerated in the prison facilities of Mongolia. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 93–98. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-93-98.

В связи с выполнением регулятивной функции уголовного и уголовно-исполнительного права в научной среде постоянно поднимается вопрос об эффективности уголовного наказания. Справедливо высказывание В. Н. Кудрявцева о том, что служебная роль права неизбежно сводилась к нулю, если бы оно не было эффективным (Кудрявцев, 1970, с. 90).

Согласно Уголовному кодексу Монголии, целями уголовной ответственности являются кара физического лица или юридического лица, совершивших преступление, восстановление прав, нарушенных преступлением, и возмещение ущерба или предупреждение совершения новых преступлений, а также ресоциализация человека, совершившего преступление¹.

Характер наказания в виде лишения свободы в Монголии, как и во многих других государствах, фактически определяется видом исправительного учреждения. Однако система исправительных учреждений Монголии имеет свою специфику.

Уголовно-исполнительная система Монголии, так же как и российская, исторически сложилась как колониальная. Однако с 2011 по 2017 гг. в Монголии был реализован комплекс правовых реформ, направленных на совершенствование и развитие уголовно-исполнительной системы, создание принципиально новых видов исправительных учреждений.

Большие изменения произошли в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. В 2015 году был принят новый Уголовный кодекс, а в 2017 году – Закон об исполнении судебных решений.

В связи с принятием новых законов были созданы правовые условия для замены существующей системы исправительных учреждений на открытые и закрытые виды исправительных учреждений.

Согласно Уголовному кодексу и Закону об исполнении судебных решений, к тюремным учреждениям, реализующим лишение свободы на определенный срок в Монголии, относятся: тюремное учреждение открытого, закрытого видов; специальное воспитательное учреждение; лечебно-исправительное учреждение, лечебно-профилактическое учреждение.

По официальным данным статистики 2021 г., в ведении Генерального управления исполнения судебных решений Монголии находится 21 тюремное учреждение (тюремное учреждение закрытого вида / специальное подразделение/ – 1, тюремное учреждение закрытого вида – 7, тюремное учреждение открытого, закрытого вида – 5, тюремное учреждение открытого вида – 5, специальное воспитательное учреждение – 1, лечебно-исправительное учреждение – 1, лечебно-профилактическое учреждение – 1).

На 1 января 2022 г. в тюремных учреждениях уголовно-исполнительной системы Монголии отбывали наказание 3104 заключенных, из них мужчин – 2916 (94 %), женщин – 171 (5,5 %), несовершеннолетних – 17 (0,5 %)². В целом, по данным International Centre for Prison Studies, Монголия занимает 216 место в Азии по количеству осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы (на 100 тыс. населения)³. Н. Гантулга отметил, что за последние годы наша страна достигла реальных успехов в деле приближения к мировому уровню и стандартам по условиям отбывания наказания в виде лишения свободы (Гантулга, 2015, с. 79).

В 2011 году Президент Цахиа Элбэгдорж сделал решительный шаг в сторону укрепления прав человека в Монголии, и его позиция отказаться от смертной казни была поддержана Великим Народным Хуралом Монголии. 5 декабря 2012 г. был принят Закон о при-

¹ Уголовный кодекс Монголии (2020) (под общ. ред. М.В. Бавсуна, А.А. Нечепуренко, с. 19). Омск, Омская академия МВД России.

² Отчет о деятельности службы исполнения лишения свободы за 2021 г.

³ <https://www.prisonstudies.org/country/mongolia>

соединении ко Второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни, присоединившись к которому Монголия приняла обязательство перед миром полностью отказаться от смертной казни. В результате был введен мораторий на смертную казнь, что инициировало упразднение наказания в виде смертной казни в Уголовном кодексе 2015 г.

После принятия нового Уголовного кодекса лишение свободы стало считаться самым строгим видом наказания, применяемым в отношении лиц, совершивших преступления. Статья 5.6 Уголовного кодекса гласит, что лишением свободы признается ограничение свободы лица, совершившего преступление, с содержанием в учреждениях открытого или закрытого вида на определенный срок или пожизненно.

Пожизненное лишение свободы является самым строгим видом наказания после смертной казни. Однако если смертная казнь во многих странах мира была признана неприемлемой мерой и ушла из практики, то пожизненное лишение свободы применяется практически повсеместно, хотя и сталкивается с частой и обоснованной критикой. Фактически это наказание не слишком отличается от казни – лицо лишается свободы без срока и реальной возможности освобождения.

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом для 15 общественно опасных деяний предусмотрено пожизненное лишение свободы. Это такие составы, как убийство человека по мотивам убеждений, цвета кожи, национальности, происхождения, религиозной, половой принадлежности или ненависти; изнасилование малолетнего ребенка, а также изнасилование, повлекшее смерть потерпевшей; сексуальная эксплуатация, то есть действия, совершенные в целях извлечения выгоды путем вовлечения потерпевшей в занятие проституцией, то же деяние, совершенное путем принудительного вовлечения малолетнего ребенка, то же деяние, совершенное организованной преступной группой; торговля людьми на постоянной основе организованной группой и др.

В. П. Михайлова и М. В. Трофимова отмечают, что на современном этапе развития общества, когда уровень преступности растет, а преступные действия отличаются жестокостью, изучение природы агрессии и вопросы ее предупреждения приобретают все более актуальное значение (Михайлова, Трофимова, 2009). Девиантное поведение заключенных имеет многофакторную природу и его изучение требует реализации системного подхода, в том числе изучения взаимосвязей неблагоприятных факторов. Что касается девиантного поведения, то психологический словарь определяет его как систему поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам (Петровский, Ярошевский, 1990).

Следует отметить, что девиантное поведение представляет большую опасность как для личности конкретного человека, так и для общества в целом. Сотрудники тюремных учреждений находятся в постоянном контакте с заключенными, поведение которых зачастую имеет различные формы отклонений от общепринятого.

А. Р. Лурия, изучая механику аффектов у преступников, пришел к выводу о том, что «чем тяжелее преступление... тем резче конфликт с обычными социальными установками, тем значительнее и актуальнее этот первичный аффект преступления» (Лурия, 2002, с. 107). В связи с этим особый научный интерес вызывают причины девиантного поведения, факторы, влияющие на подобное поведение заключенных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

На 1 января 2022 г. в тюремном учреждении № 405 закрытого вида /специальное подразделение/ отбывают наказание 27 заключенных, 18 из которых приговорены к пожизненному лишению свободы. Все заключенные мужского пола. Из вышеуказанных заключенных 11 приговорены за совершение убийства человека, 7 за изнасилование. Нужно указать, что 17 заключенных, отбывающих пожизненное лишение свободы, находятся под особым контролем.

Склонные к совершению суицида и членовредительства	13
Склонные к нападению на сотрудников и оскорбление	3
Склонные к побегу	1

Следует согласиться с мнением Ю. М. Антоныяна, что сила, направленность и продолжительность агрессивных проявлений зависят от целого спектра психологических, физиологических и ситуационных факторов. В основе любой агрессии лежит тот или иной конфликт, вызванный активным, длительным недовольством человека условиями окружающей жизни, близкими или самой собой. Чаще всего агрессивность проявляется, когда человек не в состоянии интеллектуально разрешить стоящую перед ним проблему (Антоныян и др., 1996).

Проведенное психологами в тюремном учреждении № 405 закрытого вида /специальное подразделение/ исследование показало, что весной и осенью заключенные находятся в состоянии психологической неустойчивости.

Кейс 1.

Заключенный Н. Л., приговоренный к смертной казни за убийство собственной матери (наказание заменено на пожизненное лишение свободы), считал июнь «черным» месяцем: в июне он убил собственную мать, в июне получил высшую меру наказания, и каждый июнь (всего трижды) делал попытку совершить самоубийство.

По этой причине администрация тюремного учреждения установила над указанным заключенным пристальный контроль, особенно в июне. Он находится в списке заключенных, склонных к совершению суицида и членовредительства.

Следует указать, что заключенные, решившие совершить самоубийство, делают это с помощью заранее изготовленных веревок путем удушения за горло, а те, которые просто хотят напугать сотрудников и администрацию тюремного учреждения, режут самодельным средством какую-то часть тела.

Также следует обращать внимание на поведение заключенного. У заключенного, запланировавшего самоубийство, наблюдается ограничение подвижности, он перестает делать ежедневную зарядку, постоянно находится в задумчивости, начинает раздавать свои принадлежности и вещи другим заключенным.

М. Фуко провел многогранное исследование нормы биологического, психологического и морального феноменов. Он анализировал «монстра» как существо, абсолютно нарушающее законы природы мира, а также представления о норме и ненормальном как субъекте, который не поддается нормативному воспитанию и не вписывается в нормативную систему социума (Фуко, 2004).

Рассмотрим метод совершения преступлений заключенными, отбывающими пожизненное лишение свободы (Рис. 1).

Кейс 2.

Заключенный З., приговоренный к пожизненному лишению за совершение изнасилования трехлетней девочки, признает свою вину, склоняет сотрудников

к тому, чтобы его жалели. У него нет жизненной цели, он не видит смысла в существовании, пессимистичен, убежден, что его просто репрессировали. Многократно распространял слухи, что совершит самоубийство.

Данную ситуацию можно объяснить следующим образом:

1. Склонность к совершению самоубийства, прежде всего, связана с таким видом наказания, как пожизненное лишение свободы.

Следует обратить внимание на формулировку названия наказания. Законодатели решили оформить его как «пожизненное лишение свободы».

Нельзя игнорировать цель уголовной ответственности, отмеченной в Уголовном кодексе и гласящей – кара физического лица. Однако, с другой стороны, сам термин «пожизненный» приводит к устрашению преступников, мыслям к совершению самоубийства и реализации этой мысли. Большое давление заключенные, совершившие изнасилование и убийство собственной матери, испытывают со стороны других заключенных. Он неоднократно слышит «Ты осужден на всю жизнь, больше не выйдешь из сосен⁴ и нар. Все время будешь пессимистом. Насильник, убийца матери!»

В словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой «пожизненный» означает «продолжающийся до конца жизни» (Евгеньева, 1999).

В толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова «пожизненный» означает «на всю жизнь, до конца жизни» (Ушаков, 1935).

Но ведь наказание в виде пожизненного лишения свободы само по себе совсем не означает «пожизнен-

Рис. 1. Метод совершения преступлений заключенными, отбывающими пожизненное лишение свободы

Fig 1. Method of operation used by prisoners servicing life sentence

⁴ Ранее заграждения, заборы исправительных учреждений готовили из сосен.

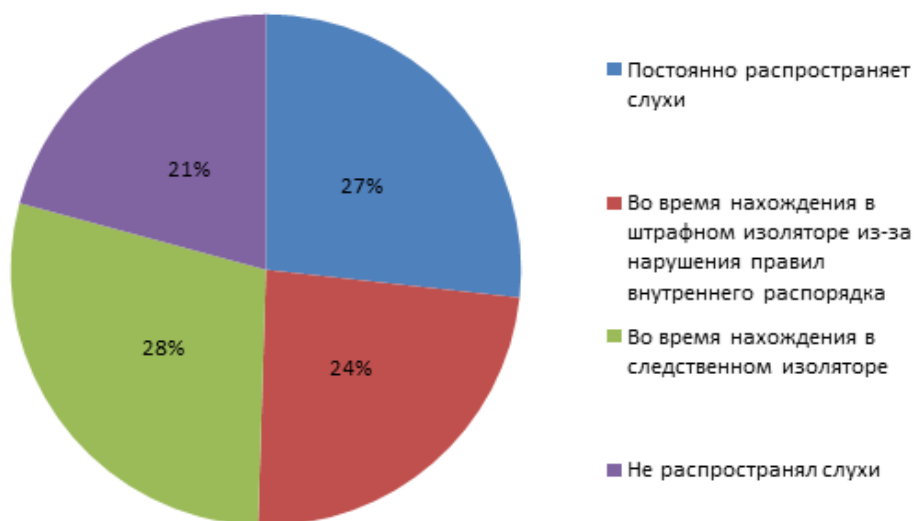

Рис. 2. Распространение слухов о самоубийстве

Fig 2. Dissemination of the rumors about suicide

ный». Так, в ч. 6 ст. 5.6 Уголовного кодекса Монголии указано, что вопрос об освобождении осужденного от отбывания наказания, в отношении которого назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, решается судом в зависимости от обстоятельств совершения преступления, признаков вреда или ущерба, личности осужденного в случае, если осужденный отбыл двадцать пять лет лишения свободы.

Аналогичная норма содержится и в Уголовном кодексе РФ. В частности, в ч. 5 ст. 79 указано, что лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы. Условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы применяется только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет. Лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочному освобождению не подлежит⁵.

В связи с этим для предотвращения девиантного поведения заключенных, отбывающих пожизненное лишение свободы, это наказание предлагается назвать «бессрочное лишение свободы».

Поддерживая вышеуказанное предложение, нужно обратить внимание и на последствия неправомерных действий заключенных. Указанные действия могут

оказать негативное влияние на нормальное функционирование тюремного учреждения.

Например, можно назвать случаи суицидных действий в центральном следственном изоляторе г. Улан-Батор. В 2013 г. известный музыкант-рэпер Б. пытался поджечь себя, из-за чего впоследствии были уволены или понижены в должности немало сотрудников. В 2019 году в этом же изоляторе было совершено самоубийство бывшего судьи Б., вследствие чего были уволены сотрудники данного учреждения.

Девиантное поведение приобрело массовый характер, что поставило это явление на центральное место среди психологов тюремных учреждений, социальных работников и медицинских сотрудников.

С их точки зрения, в целях предупреждения суицидных действий особо значимо поддержание социальных связей заключенных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

Б. Туяа, Э. Гэрэлхуу отметили, что когда человек одинок, его сознание спутано, со стороны он выглядит одиноким и неприкаянным, по его мнению, моральные ценности девальвируются, связи с обществом обрываются. Если такое состояние продолжится, оно может привести к тяжелым психическим заболеваниям – таким как делирий. Длительное пребывание в одиночестве может иметь серьезные последствия для психического здоровья. В частности, гнев, страх, беспокойство и депрессия могут в дальнейшем привести к самоубийству (Туяа, Гэрэлхуу, 2016).

Заключенным, приговоренным к лишению свободы и отбывающим наказание в тюремном учреждении

⁵ Уголовный кодекс РФ в ред. от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // <http://www.consultant.ru/>

№ 405 закрытого вида /специальное подразделение/, разрешены два краткосрочных свидания в течение года, отправление одного письма в месяц. Длительные свидания не предусмотрены.

В связи с этим в докладе Комиссии по правам человека за 2015 г. для заключенных, отбывающих наказание в тюремном учреждении № 405 закрытого вида /специальное подразделение/, предлагалось предоставить право на одно длительное свидание

в течение года, однако это предложение так и не было реализовано.

Можно сделать вывод, что девиантное поведение представляет большую опасность как для конкретного человека, так и для общества в целом. В частности, в группе риска находятся сотрудники тюремных учреждений, постоянно контактирующие с заключенными, поведение которых зачастую имеет различные формы отклонений от общепринятого.

Список литературы

- Антонян, Ю. М., Еникеев, М. И., Эминов, В. Е. (1996). *Психология преступника и расследования преступлений: монография*. Юрист.
- Евгеньева, А. П. (1999). *Словарь русского языка: в 4-х т.* (РАН, Институт лингвистических исследований), 4-е изд. Москва: Издательство «Русский язык» Полиграфресурсы.
- Кудрявцев, В. Н. (1970). Социологический анализ правовых явлений. В *О структуре марксистско-социологической теории*. Москва: Издательство Московского университета.
- Лурья, А. Р. (2002). *Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека*. Москва: Когито-Центр.
- Михайлова, В. П., Трофимова, М. В. (2009). Взаимосвязь агрессии и акцентуации характера у осужденных с разным типом девиантного поведения. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3(36), 71-78.
- Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (1990). *Психология: словарь* (2-е изд., испр. и доп.). Москва: Политиздат.
- Ушаков, Д. Н. (1935). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия».
- Фуко, М. (2004). *Ненормальные: курс лекций, прочитанные в Колледже де Франс в 1974-1975 учебном году* (перевод с французского А.В. Шестакова). Санкт-Петербург: Наука.
- Гантулга, Н. (2015). *Хүний эрх ба хорих ял*. Улан-Батор.
- Туяа, Б., Гэрэлхүү, Э. (2016). Ганцаардал сэтгэл зүйн үзэгдэл болох нь. *Боловсрол судлал*, 16.

References

- Antonyan, Yu. M., Enikeev, M. I., Eminov, V. E. (1996). *Psihologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenij: monografiya. Yurist*.
- Evgen'eva, A. P. (1999). *Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t.* (RAN, Institut lingvisticheskikh issledovaniy), 4-e izd. Moscow: Izdatel'stvo "Russkij yazyk", Poligrafresursy.
- Kudryavcev, V. N. (1970). Sociologicheskij analiz pravovyh yavlenij. V *O strukture marksistsko-sociologicheskoy teorii*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Luriya, A. R. (2002). *Priroda chelovecheskih konfliktov: Ob"ektivnoe izuchenie dezorganizacii povedeniya cheloveka*. Moscow: Kogito-Centr.
- Mihajlova, V. P., Trofimova, M. V. (2009). Vzaimosvyaz' agressii i akcentuacii haraktera u osuzhdennyh s raznym tipom deviantnogo povedeniya. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(36), 71-78.
- Petrovskij, A. V., Yaroshevskij, M. G. (1990). *Psihologiya: slovar'* (2-e izd., ispr. i dop.). Moscow: Politizdat.
- Ushakov, D. N. (1935). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Gosudarstvennyj institut «Sovetskaya enciklopediya».
- Fuko, M. (2004). *Nenormal'nye: kurs lekcij, pročitannye v Kolledzhe de Frans v 1974-1975 uchebnom godu* (perevod s francuzskogo A.V. Shestakova). Saint Petersburg: Nauka.
- Гантулга, Н. (2015). *Хүний эрх ба хорих ял*. Улан-Батор.
- Туяа, Б., Гэрэлхүү, Э. (2016). Ганцаардал сэтгэл зүйн үзэгдэл болох нь. *Боловсрол судлал*, 16.

Информация об авторе:

Батболд Галбадрах – кандидат юридических наук, начальник кафедры социальной работы и психологии Университета внутренних дел Монголии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 28.02.2022

Одобрена после рецензирования 30.03.2022

Опубликована 29.04.2022

About the author:

Galbadrakh Batbold – PhD in Law, the Head of Department of Social work and psychology, University of Internal Affairs of Mongolia.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted February 28, 2022

Approved after reviewing March 30, 2022

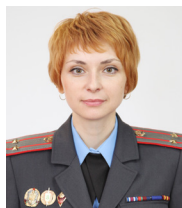
Accepted April 29, 2022

УДК 343.97

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-99-108

Предупреждение насильственной преступности в интересах социально-экономического развития государства (опыт Республики Беларусь)

Терещенко Татьяна Георгиевна

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

(Минск, Республика Беларусь)

tati2034@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8705-2046

Аннотация

Введение: одной из приоритетных задач криминологии и уголовного права является охрана человека как высшей ценности общества и государства от преступных посягательств. Его жизнь и здоровье, половая свобода и неприкосновенность, адекватная степень защиты и функционирования общественного порядка и нравственности признаются наиболее важными правоохраняемыми объектами, что обуславливает установление строгой ответственности за убийство, причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, изнасилование и др. В числе всех совершаемых в нашем государстве преступлений значительным удельным весом и распространенностью обладают категории насильственных деяний, представляющих повышенную степень общественной опасности ввиду зачастую необратимых последствий. Этому способствуют и негативные процессы, протекающие в нашем обществе (алкоголизация, маргинализация, аддиктивность от различного рода веществ и видов деятельности, увеличение количества психопатологических поведенческих расстройств).

В этой связи выработка и реализация современных форм и методов противодействия насильственной преступности представляется своевременной и необходимой. Систему мер предупреждения преступности целесообразно выстраивать с учетом количественно-качественных показателей в рамках разноуровневой системы (уровень общего, особенного и единичного).

Цель: на основе обобщения данных, полученных из научных источников, материалов архивных уголовных дел, результатов анкетирования респондентов оптимизировать уровневую систему мер предупреждения преступлений насильственной направленности и хулиганства.

Методология, методы и методики: сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, теоретические методы формальной и диалектической логики, анкетирование. Применялись частно-научные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм.

Результаты: противодействие и преодоление преступности, включая насильственные формы ее проявления, является приоритетом для любого государства. Это напрямую связано с обеспечением его национальной безопасности от внутренних угроз. Одним из направлений деятельности в этой связи является изучение мер превентивного характера. Сбор аналитических сведений о количественных и качественных показателях насильственной преступности в динамике, изучение характерологических показателей личностей, совершающих умышленные посягательства на жизнь, здоровье граждан, половую неприкосновенность и общественный порядок позволяют выстраивать в белорусском государстве слаженную криминологическую и уголовно-исполнительную политику, которая несет в себе и предупредительный потенциал. Вместе с тем высокий уровень рецидива у осужденных (более 40 %), причинивших насилие или угрозу такового, обуславливает концентрацию внимания на разработке и применении мер предупреждения с учетом разноуровневого подхода.

Научная новизна: в результате исследования с учетом обнаруженных криминологических закономерностей предложена авторская позиция относительно трансформации системы мер предупреждения насильственной преступности и хулиганства.

Практическая значимость: обусловлена возможным снижением количественных показателей преступности насильственной направленности с учетом оптимизации предупредительной деятельности различными субъектами профилактики.

Ключевые слова

преступность, насилие, предупреждение насильственной преступности, хулиганство, девиация

Для цитирования: Терещенко, Т. Г. (2022). Предупреждение насильственной преступности в интересах социально-экономического развития государства (опыт Республики Беларусь). *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 99–108. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-99-108.

Original paper

Tat'yana G. Tereschenko

The Academy of the Ministry
of internal affairs
of the Republic of Belarus
(Minsk, Republic of Belarus)
tati2034@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8705-2046

Violent crime prevention in the interests of socio- economical state development (Republic of Belarus case)

Abstract

Abstract. Personal safety from criminal offences is highly valued by society and state and is of top priority for the criminal science and criminal law. Human life, health, sexual freedom and safety, a relevant level of public order and morals are considered the most important goals of the law enforcement, and that demands a choice of harsh punishments for murder, bodily injuries, rape etc. Among all the crimes committed in our state violent crimes are both prevalent and significant due to a heightened harm to society, since they often bring irrevocable harm. Dangerous social processes (alcoholism, marginalization, addictions to different drugs and types of behavior, a rise of mental illnesses) bolster the danger.

Therefore, creation and implementation of the modern ways and measures of violent offenses prevention becomes both relevant and timely. The system of prevention should be built basing on the quantitate and qualitative characteristics as a multi-level structure (general, special and individual level).

Goal. Employing the academic research, case data, survey results the author aims at optimization of the multi-leveled system of the violent crimes and hooliganism prevention.

Methods. The author uses comparative legal method, practical method of description, theoretical methods such as formal and dialectical logic, and surveys. Among the special scientific methods author has chosen formal legal and legal interpretation method.

Results. Combating and prevention of crime, including violent offenses, stays a priority for every nation. It is directly related to the national safety from the domestic threats. One of the directions of state activities in that sphere is an exploration of the prevention methods.

Collection of the analytical data on the quantitate and qualitative characteristics of the violent crimes in their dynamic, research in the sphere of personal characteristics of offenders violating life, health and sexual safety and public order allow us to create a holistic legal and scientific criminal policy in a Republic of Belarus, showing also a potential in prevention. Simultaneously a risk of recidivism among the convicted (more than 40 percent) for violence or violent threats demands our attention to the development and implementation of the multi-level prevention strategy.

Scientific novelty. As a result of the research and accounting for the found criminal patterns the author offers an opinion of the prevention system reform in the field of violent crimes and hooliganism.

Practical significance. The suggestions of the article in case of their implementation promise a probable decline of the violent crime rate, accounting for the optimization of the prevention activities of the different stakeholders in that field.

Keywords

crime, violence, violent crime prevention, hooliganism, deviation

For citation: Tereschenko, T. G. (2022). Violent crime prevention in the interests of socio-economical state development (Republic of Belarus case). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 99–108. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-99-108.

Введение

Преступность на любом этапе развития государства, представляя собой негативное социальное и правовое явление, влечет наступление последствий для общества в виде материального, физического и морального вреда. Обращаясь к биологической концепции преступности (Ч. Ломброзо, Э. Кречмер, П. Джекобс и др.) (Ломброзо, 2004, с. 5-7; Дубинин и др., 1989, с. 148), можно согласиться с учеными, полагающими, что преступность представляет собой естественное состояние любого общества (капиталистического, социалистического, на переходном этапе рыночной экономики и т.п.), которому присущи определенные формы девиации. Продолжатели биологической концепции преступности конкретизировали «естественность» преступности, объясняя ее не только антропологической основой, но и включением условий семейной и общественной жизни преступника и его антропологических особенностей (анатомических, физиологических и психических). В силу этого Э. Ферри предложил придать институту наказания оборонительный или предохранительный характер и рекомендовал в идеале рассматривать преступность как болезнь, а карательную систему – как клинику (Стручков, 1977, с. 51).

Вместе с тем социальные процессы, протекающие в обществе, не могут не сказаться на его членах. В настоящее время психоаналитики связывают внутренние конфликты личности, перетекающие во внешнюю поведенческую активность, с высоким темпом жизни (интенсификация), повышенными нервно-психическими нагрузками, «гнетом машин» и городской архитектуры, компьютеризацией, глобализацией. Указанные факторы способствуют психопатизации и невротизации населения, росту преступности и психических заболеваний. Здесь психоаналитические концепции преступности тесно смыкаются с психопатологическими объяснениями криминального поведения (Ананич, 2014, с. 61–62).

Преступные девиации в социуме возникают как следствие нарушения процесса социализации, целью которого служит адаптация индивида к принятым и существующим в обществе условиям и нормам поведения

с учетом социального прогресса, мобилизации и цифровизации общественных отношений. В результате девиантное усвоение социально приемлемой формы поведения (теория обучения Б. Скинера, социальная теория А. Бандуры, теория дифференциальной ассоциации Э. Сатерленда) (Яковлев, 1985, с. 29) влечет за собой совершение прежде всего насильственных, корыстно-насильственных и корыстных деяний¹.

Так, ежегодно в мире фиксируются десятки тысяч преступлений, посягающих на различные объекты уголовно-правовой охраны. По данным базы *Numbeo* опубликована статистика по индексу преступности в различных странах мира на 2021 год (*Crime Index for Country*). Например, для Республики Беларусь указанный индекс составляет 59,58 (умеренный уровень преступности)²; уровень насильственной преступности по откликам респондентов составляет 59,62 (умеренный). Справочно: уровень преступности в Республике Беларусь на 100 000 населения составляет 1 009; темп прироста к аналогичному периоду прошлого года (2020 год) составил 8 %.

При этом анализ тенденций развития криминогенной ситуации в белорусском обществе позволяет отметить увеличение числа менее тяжких преступлений и преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Это свидетельствует в том числе и о недостаточной эффективности системы социальной реабилитации осужденных, профилактики рецидивной преступности, алкоголизма, наркомании, низком предупредительном эффекте применения ряда наказаний, снижении роли общественно полезного труда в обеспечении материального и духовного благосостояния граждан. Как справедливо отмечено представителями Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в современных условиях необходимо уделять повышенное внимание социальной профилактике преступности, прежде всего экономическим факторам, в комплексе базовых причин ее воспроизводства³. Это коррелирует и с криминогенной ситуацией на местах⁴.

Далее, продолжая рассматривать в белорусском обществе структуру насильственной преступности, в которую включаются такие общественно опасные девиации,

¹ Лунеев, В. В. (2018). *Курс мировой и российской криминологии в 2 т.* Том 1. Общая часть в 3 кн. Книга 2: учебник для магистратуры (стр. 136). Юрайт.

² Справочно: индексы основаны на опросах посетителей веб-сайта https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp

³ *Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020-2022 годы* (2021). КонсультантПлюс. Беларусь: ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.

⁴ В прокуратуре Брестской области обсудили проблемы предупреждения умышленных убийств и причинения тяжких телесных повреждений [электронный ресурс]. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/zashchita-sotsialnykh-prav-grazhdan/v-inykh-sferakh/v-prokurature-brestskoy-oblasti-obsudili-problemy-preduprezhdeniya-umyshlennykh-ubiystv-i-pri-chineni/> (дата доступа : 20.10.2021).

как убийство (с покушением), телесные повреждения различной степени тяжести, изнасилования и иные действия сексуального характера, хулиганство, можно отметить негативную динамику преступности данного вида в 2020 году. Например, темп прироста для убийств (с покушением) составил 1,6 %⁵; для умышленных тяжких телесных повреждений – 5 %, в том числе повлекших смерть – 53,9 %. В этой связи актуально рассмотрение вопроса предупреждения совершения общественно опасных негативных деяний насильственной направленности методами криминологической превенции различными субъектами профилактики. При этом мы видим, что предупреждение уголовно-правовых девиаций интересовало научное сообщество на протяжении длительного времени, начиная с классического этапа криминологии. И в настоящее время, эпоху плюралистических тенденций, вновь возникает вопрос экономической состоятельности, научной обоснованности и социальной ориентированности в вопросах разработки и реализации превентивной вайленсологической (от англ. violence – насилие, прим. автора) политики государства.

Обзор литературных источников

Стоит отметить, что вопросы предупреждения насильственной преступности рассматривались отечественными криминологами (В. А. Ананич, М. И. Бажанов, В. А. Кашевский и др.), российскими исследователями (Ю. М. Антонян, С. Н. Абельцев, И. И. Карпец, Э. Ф. Побегайло и др.), зарубежными криминологами (F. Kumagai, C. Rennison, M. Planty, S. Jacques, A. Allen и др.) (Kumagai, 1983; Rennison & Planty, 2006; Rennison et. al., 2016; Rennison et. al., 2013). Это и аспекты личностного характера, и включение различных субъектов в предупреждение преступности, и виктимологическое направление профилактики (Ананич, 2001; Антонян, 2001; Абельцев, Эриашвили, 2000; Терещенко, 2021; Raphael et. al., 2019) и влияние различий в социальных статусах на процесс виктимизации, и «антипропаганда» насилия в отношении отдельных социальных групп и т. д. (Raphael et. al., 2019). Бесспорно, основополагающие, базисные положения, предлагаемые учеными, не утратили своей актуальности в современных реалиях. Вместе с тем существенная трансформация общественных отношений, неблагоприятная эпидемиологическая обстановка во всем мире, системное повышение психологической напряженности в социуме обуславливают интенсификацию превентивной деятельности не только за счет

расширения кадрового ресурса, но и за счет улучшения форм и методов работы, т. е. ее содержательной основы. Немаловажной является и возможность учета мнения практических сотрудников, ежедневно сталкивающихся с проблемами криминала. Это предполагает проведение эмпирического исследования (анкетирование различных субъектов профилактики).

Методология, методы и материалы исследования

С учетом вышесказанного отметим, что предупреждение насильственных преступлений и хулиганства основывается на философской концепции детерминизма и включает меры общесоциального, специально-криминологического и индивидуально-характера.

Правовой основой данной деятельности является закон Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»⁶, Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы; утверждена Решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией 18.12.2019 № 20 (далее – Программа).

Учитывая уровневый подход системы мер предупреждения, ряд направлений в Программе ориентирован на широкий неперсонифицированный круг участников общественных отношений. Цель мероприятий – правовое просвещение граждан по вопросам противодействия преступности в целом и насилия в частности (п. 2.3–2.5, 6.2, 6.5). Отметим, что общесоциальное предупреждение насильственных преступлений и хулиганства осуществляется в ходе социально-экономического строительства, в процессе всестороннего развития общества (культуры, идеологии, морали, права). Уменьшение противоречий, диспропорций в обществе уже несет в себе профилактическую направленность.

В то же время Программа в большей части ориентирована на претворение в жизнь специально-криминологических мер предупреждения. Среди них следующие:

- создание национального механизма оказания помощи несовершеннолетним, подвергшимся насилию;
- корректирование законодательства в аспекте совершенствования профилактического учета;
- развитие работы с лицами молодежного возраста и несовершеннолетними по вопросам коррекционной

⁵ https://yandex.by/news/story/VBobrujske_muzhchina_izbil_dosmert_i_3-letnyuyu_devochku--medium=topnews_news&utm_source=morda_desktop

⁶ Об основах деятельности по профилактике правонарушений (2021). КонсультантПлюс. Минск: ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.

работы, социально-педагогической поддержки, технологий предупреждения конфликтного поведения, реабилитации в случае аддиктивной зависимости от психически активных веществ;

– мероприятия по профилактике и противодействию совершения преступлений ранее судимыми лицами в аспекте совершенствования психологической работы с целью установления причин и условий девиантного поведения, минимизации рисков повторения преступных действий;

– развитие системы социальной адаптации ранее судимых лиц (места временного пребывания, решение вопросов трудового и бытового устройства, привлечение негосударственных организаций к оказанию подобного рода услуг на условиях государственного социального заказа).

”

Преступные девиации в социуме возникают как следствие нарушения процесса социализации, целью которого служит адаптация индивида к принятым и существующим в обществе условиям и нормам поведения с учетом социального прогресса, мобилизации и цифровизации общественных отношений.

“

Рассматривая положения ведомственного Закона «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», стоит также обозначить основные профилактические мероприятия по предупреждению правонарушений против жизни и здоровья, общественного порядка и общественной нравственности (ст. 14). Данные меры представляют собой направления специально-криминологического предупреждения преступности.

В частности, на ОВД в пределах своей компетенции возложены обязанности по выявлению причин и условий, способствующих незаконному обороту оружия,

боеприпасов, взрывчатых веществ; принятию мер по информированию населения о способах и средствах обеспечения личной безопасности; проведению разъяснительной работы с отдельными категориями лиц.

В аспекте профилактических мероприятий по предупреждению насилия в семье ОВД обеспечивают защиту пострадавшим лицам путем предоставления услуг временного приюта гражданам, пресечения попыток выяснения места нахождения пострадавшего, посещения его по месту жительства, общения с ним (вынесение защитного предписания). Практика показала, что указанные меры являются наиболее результативными с учетом сложившейся криминогенной ситуации в семьях, сталкивающихся с проблемами бытового насилия. При этом выяснение причин и условий, которые способствуют совершению насилия, является ключевым в структуре механизма преступного поведения. Как показывают данные социологических исследований, среди детерминант осуществления партнером физического насилия на первом месте – злоупотребление партнером алкоголем, наркотиками (68,5 %). Затем среди причин социологи указывают ревность партнера (44,9 %), желание партнера показать свое главенство и власть (21,3 %). При этом в 11,6 % случаев насилие происходит без видимых причин⁷.

Учитывая в последующем настоятельную необходимость персонифицированной работы с потенциальными и реальными правонарушителями в рамках ранней и непосредственной профилактики, обозначим и раскроем в этой связи меры индивидуальной профилактики. К последним законодатель относит профилактическую беседу, официальное предупреждение, профилактический учет и защитное предписание, определяемые ст. 23–31 указанного выше закона.

Процесс индивидуальной профилактики складывается из взаимосвязанных этапов:

– выявления лиц, ведущих антиобщественный образ жизни и склонных к совершению насильственных преступлений и хулиганства;

– постановки выявленных лиц на учет в органах внутренних дел;

– определения причин антиобщественного поведения и условий, способствующих этому поведению;

– принятия мер для устранения указанных причин и условий;

– применения разнообразных форм и методов профилактического воздействия, предусмотренных действующим законодательством.

Круг лиц, нуждающихся в индивидуальной профилактике, определяется на основе информации, поступающей в органы внутренних дел от граждан, ад-

⁷ Вопросы противодействия насилию в семье обсудили в Верховном Суде [электронный ресурс]. URL: http://court.gov.by/ru/justice/press_office/a2c07f89d1734760.html/?fbclid=IwAR071kcAOKhgK-mxH8sITEHgHN6codS5MPq-YKfikE7yxNFKOZlmlqIRO-uU (дата доступа: 26.10.2021).

министратий предприятий, медицинских учреждений, учебных заведений, суда, прокуратуры, служб социальной защиты и т.п.

Далее, необходимо обеспечить своевременную регистрацию заявлений для реагирования ОВД. К сожалению, как показывает практика, совершению насильственного преступления предшествует длительное систематическое воздействие в форме психологических угроз и незначительного физического контакта (толчки, шлепки, пощечины). Но сама жертва, как правило, не желает, чтобы ей была оказана помощь: ситуация скрывается или в случае обращения в ОВД заявление не получает должного рассмотрения, т. к. конфликтующие стороны примиряются, но спустя некоторое время, когда наступает аккумуляция психического напряжения, результатом становится причинение вреда здоровью или лишение жизни человека.

Результаты исследования.

Обсуждение результатов исследования

Анализ материалов архивных уголовных дел позволяет сделать вывод о необходимости преодоления аддиктивного, зависимого поведения жертвы (материального, морального) от конфликтующей стороны. В этой связи целесообразно привлекать «домашних» психологов, иных специалистов в сфере семейно-бытовых отношений для выстраивания конструктивного диалога.

Оказание содействия в устройстве на работу, замене жилищной площади либо создание специального жилищного фонда временного проживания для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а также предоставление жилья по типу убежища от конфликтующих членов семьи (родственников) могло бы решить вопросы по снятию накопленного напряжения, нейтрализации конфликта и примирению сторон.

Стоит также подчеркнуть, что направления работы с преступником (правонарушителем), четко определены и урегулированы нормами административного и уголовного права. С другой стороны, потенциал криминологической науки еще не используется в полной мере.

Так, направление виктимологической профилактики насильственных преступлений и хулиганства не только практически не изучено в белорусском обществе, но и нормативно не урегулировано. Тем не менее, анализ научной литературы и эмпирического материала показывает, что часто поведение жертвы насильственных преступлений является уязвимым (созависимым), провоцирующим, неосмотрительным или способствующим совершению преступления (Мумаев, 2010, с. 18–20). В связи с этим важное значение приобретает разработка методов предупреждения преступлений при помощи виктимологической профилактики.

Отметим, что понятие «виктимологическая профилактика» отсутствует в действующем законе «Об

основах деятельности по профилактике правонарушений». Вместе с тем в науке криминологии имеется немало доказательств прямой причинной связи между жертвами отдельных преступлений, их виктимным поведением и совершением в отношении последних общественно опасных деяний (корыстных, корыстно-насильственных и т.д.).

Нами было проведено анкетирование сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь, сотрудников ОВД по вопросам профилактики причинения тяжких телесных повреждений на виктимологической основе как одного из наиболее распространенных преступлений в структуре обозначенных насильственных посягательств. Основной целью проведенного опроса было получение объективных данных о ситуации, сложившейся в сфере предупреждения тяжких преступлений для последующей выработки эффективных профилактических мер с учетом суждений практических сотрудников.

”

*Направление
виктимологической
профилактики насильственных
преступлений и хулиганства
не только практически
не изучено в белорусском
обществе, но и нормативно
не урегулировано.*

“

Были опрошены 150 респондентов: следователи, старшие следователи и начальники следственных отделений (отделов), участковые инспектора милиции и оперативные сотрудники; практический стаж работы в должности в среднем составил свыше 5 лет. При этом около 30 % опрошенных сотрудников работают в сельской местности, более 70 % – в городе. Опрос проводился на территории г. Минска, Минской и Могилевской областей.

Как показало анкетирование, при всей значимости виктимологической профилактики активно используются таковые меры только 17 % опрошенных сотрудников, редко – 54 %, не используют – около 17 %, а 7 % эти меры даже не известны. В данном случае мы можем го-

ворить о еще недостаточном уровне подготовки современного следователя и сотрудника ОВД как субъектов виктимологической профилактики преступлений. Это положение сопоставимо с необходимостью расширения неспециализированных субъектов профилактики в деятельности по преодолению конфликтов, внедрение в их практику медиативно-восстановительных подходов.

В этой связи особый интерес представляет мнение практиков об эффективности мер, применяемых *иными* службами и подразделениями. Очень высокую эффективность отметили опрошенные по отношению к участковым инспекторам милиции (68,2 %) и достаточно высокую – по отношению к психологическим службам (11,1 %) как неспециализированным субъектам профилактики. Полученные данные объясняются близостью участковых инспекторов милиции (как и психологов) к населению, что дает возможность реализовывать их виктимологические знания и приемы на практике.

Чаще всего сотрудники в рамках своей профилактической деятельности используют методы разъяснения законодательных норм, регламентирующих правомерное поведение, оказания консультативной помощи и проведения профилактических бесед с гражданами (50,4 %), т. е. меры убеждения, которые, по мнению практиков, и оказались наиболее эффективными с точки зрения недопущения противоправных действий впоследствии (41,7 %). Применительно же к виктимологическим факторам как совокупности обстоятельств, которые во взаимодействии с личностью потерпевшего детерминируют совершение преступления в конкретной ситуации, наиболее эффективными методами для их нейтрализации являются, по мнению опрошенных, следующие:

- виктимологическое просвещение граждан, оказание консультативной помощи по вопросам защиты от посягательств (57,2 %);
- привлечение специалистов к воспитательному процессу, обучение кадров для работы с потерпевшими (41,7 %);
- публичное рассмотрение представлений об устранении причин и условий преступлений в трудовых коллективах, организациях (36,8 %);
- повышение профессионального уровня сотрудников ОВД, иных специалистов для работы с потерпевшими (35,9 %);
- оказание социальной помощи жертвам (25,2 %);
- создание специального учета виктимологической категории населения (25,2 %).

Эксперты отмечают (допускалось до 4 ответов) неодинаковые показатели в диапазоне от 57,2 % до 25,2 % (с разницей в 32 %), что говорит о неравнозначном распределении мер воздействия и преобладании информационного влияния на потерпевших среди иных

мер. Тем не менее, эффективная профилактическая деятельность, по мнению практиков, требует привлечения и сторонних специалистов (психологов, педагогов) для дополнительной социально-психологической адаптации и терапии наряду со специализированным обучением кадров ОВД для работы с жертвами преступлений.

Стоит отметить, что среди исследованных нами и предложенных для изучения сотрудникам виктимогенных ситуаций, которые способствуют причинению насилия, наиболее значимыми в этом аспекте были указаны следующие:

- аморальное поведение потерпевшего, нарушающее нормы морали и нравственности (оскорбление, унижение чести и достоинства и т.п.) (30,1 %);
- неправомерное (противоправное) поведение, включающее в себя нарушение индивидом административных норм (например, распитие спиртных напитков в общественных местах) (28,5 %);
- неосмотрительное поведение жертвы, неправильно представляющей конечные последствия своих поступков и выражающееся в несоблюдении ею необходимых мер предосторожности (совместное распитие спиртного и т.д.) (24,2 %);
- уголовно наказуемое поведение, заключающееся в совершении лицом преступлений, впоследствии способствующих причинению тяжкого телесного повреждения по отношению к ним (4,7 %).

Примерно одинаковые показатели в диапазоне 30,1 % и 24,2 % (с разницей в 5,9 %) говорят о практически равнозначном влиянии рассматриваемых ситуаций (за исключением последней) на причинение вреда здоровью.

В связи с этим вызывает интерес мнение экспертов относительно способов повышения эффективности виктимологической профилактики в наиболее короткие сроки.

Так, широкое привлечение специалистов, ответственности к воспитательным (обучающим) процессам населения отметили 70,87 % опрошенных; внесение изменений и дополнений в законодательные акты, в частности, путем законодательных реформ – разработка направления виктимологической профилактики – 41,74 %; повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников ОВД в работе с гражданами – 33,98 %; разработка формы отчетности о виктимогенной категории граждан (учет информации и сведений виктимологического характера: уровень виктимности и прочее) – 20,38 %.

Возвращаясь к материалам проведенного исследования, заметим также, что среди опрошенных 1,9 % респондентов подчеркнули роль СМИ в формировании правового сознания граждан. Следует отметить, что в периодических изданиях, радио- и телепрограммах (сеть которых достаточно обширна), на наш взгляд, прослеживается стереотипность в освещении вопросов,

связанных с преступностью. При этом проблема личной виктимизации от тяжких насильственных посягательств является, к сожалению, наименее освещенной (по сравнению со сведениями об эффективности борьбы с наркотрафиком, оборотом оружия и хищениями имущества).

Кроме того, установив прямую зависимость между ростом совершаемых преступлений и конфликтной обстановкой в быту как достаточным условием совершения насильственных преступлений, для изучения респондентам был предложен ряд мер по предупреждению причинения тяжких телесных повреждений при указанных обстоятельствах. Как наиболее эффективные респондентами определены следующие меры:

- периодическое посещение семьи с конфликтными отношениями (78,6 %);
- постановка субъектов при наличии оснований на профилактический учет (61,1 %);
- профилактическая беседа с возможной жертвой преступления (48,5 %);
- иные меры социальной помощи (например, трудоустройство) не играют, по мнению экспертов, столь значительной роли для профилактики причинения насилия в быту на виктимологической основе. Высказанные меры вполне применимы и в аспекте профилактики убийств, хулиганств, совершаемых на бытовой почве.

Исходя из этого, можно выделить три группы приоритетных направлений повышения эффективности виктимологической профилактики: 1) организационно-правовые, включающие внесение изменений в нормативные правовые акты и дополнение существующей формы отчетности по учету информации виктимологического характера; 2) повышение уровня профессиональной и морально-психологической подготовки сотрудников различных ведомств и служб; 3) повышение профессионального мастерства иных субъектов профилактики с возможностью применения в их деятельности передовых форм и методов работы (социального партнерства, коррекционной направленности, психологической разрядки и т.п.).

Данные эмпирического исследования по своему содержанию схожи и коррелируют с положениями научных исследований российских коллег, которые отмечают необходимость расширения спектра виктимологической профилактики насильственной преступности, создания специального учета потерпевших, включения в эту деятельность общественных организаций и узких специалистов (психологов, девиантологов и т.п.) (Качурова, 2020, с. 63).

Выводы

1. В основе системы мер предупреждения насильственной преступности и хулиганства находится широкий комплекс организационно-управленческих, экономических, правовых и социальных мер, направленных

на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению насильственных преступлений и хулиганства. При этом, руководствуясь принципом дифференциации, направления профилактической деятельности необходимо ранжировать с учетом уровневого подхода (общий, специально-криминологический и индивидуальный).

2. Предупреждение насильственной преступности и хулиганства представляет собой важное направление деятельности различных субъектов профилактики. Это коррелирует со стратегическим направлением обеспечения национальной безопасности государства в аспекте предупреждения криминализации общества, роста рецидивной преступности, создания угроз для безопасности жизнедеятельности населения. В то же время включение в эту деятельность лишь субъектов государственного сектора – проявление одностороннего подхода, в связи с чем практика расширения участия неспециализированных субъектов профилактики оправдана и необходима.

3. Для организации качественной работы по предупреждению преступности рассматриваемого вида целесообразно на постоянной основе проводить учет и мониторинг поступающей информации о состоянии, структуре, динамике, географии насильственных преступлений и хулиганства; внедрять практику разработки криминологических прогнозов. В последующем необходимо привлекать представителей администрации района (города, области) для регулярного обсуждения вопросов повышения эффективности профилактической деятельности (с участием руководителей предприятий, учреждений, учебных заведений, правоохранительных органов, общественных организаций, других заинтересованных лиц в формате оперативного совещания, круглого стола).

4. Накопленный криминологический опыт предупреждения насильственной преступности позволяет выстраивать работу с потенциальными и реальными правонарушителями. Вместе с тем превентивное воздействие по отношению к жертвам преступлений нуждается в дальнейшем развитии. Если конкретизировать, то это:

- учет потенциальных и реальных жертв, виктимных ситуаций и факторов;
- включение в процесс снижения виктимности различных субъектов профилактики (особая роль в этом должна отводиться специалистам социально-педагогических и психологических служб);
- создание алгоритма научения по разрыву аддиктивной созависимости, преодолению конфликтных отношений, недопущению неосмотрительного поведения в быту.

Высказанные нами предложения позволяют оптимизировать существующую систему мер предупреждения насильственной преступности и хулиганства, скоординировав направления и усилия с учетом складывающейся криминогенной ситуации в Республике Беларусь.

Список литературы

- Абельцев, С. Н., Эриашвили, Н. Д. (гл. ред.) (2000). *Личность преступника и проблемы криминального насилия*. Закон и право, Юнити-Дана.
- Ананич, В. А. (2001). Преступность в Республике Беларусь: состояние и тенденции. *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*, 1 (1), 30-36.
- Ананич, В. А. (2014). *Введение в криминологию: лекции, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*. Минск: Академия МВД.
- Антонян, Ю. М. (2001). Насильственная преступность в России. В Л.Л. Анониан (ответств. ред.), *Сер. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом*. Институт научной информации по общественным наукам РАН.
- Дубинин, Н. П., Карпец, И. И., Кудрявцев, В. Н. (1989). *Генетика. Поведение. Ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения* (2-е изд.). Москва: Политиздат.
- Качурова, Е. С. (2020). Виктимологическое предупреждение криминальной агрессии в семье при соблюдении режима самоизоляции. *Пролог: журнал о праве*, 2, 60-63.
- Ломброзо, Ч. (2004). *Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты*. Москва: Инфра-М.
- Мумаев, С-М. С. (2010). *Виктимологические аспекты профилактики насильственных преступлений: на материалах убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Российский университет дружбы народов. Москва.
- Стручков, Н. А. (1977). *Введение в криминологию: лекция*. Ленинград: Издательство ВПУ МВД СССР.
- Терещенко, Т. Г. (2021). О структурно-собираетельном портрете личности насильственного преступника. В *Актуальные вопросы современной криминологической и уголовно-исполнительной науки: тезисы доклада международной научно-практической заочной конференции памяти доктора исторических наук, профессора А.В. Шаркова* (Минск, 15 апр. 2021 г., стр. 245-247). Учреждение образования «Академия МВД Республики Беларусь».
- Яковлев, А. М. (1985). *Теория криминологии и социальная практика*. Москва: Наука.
- Kumagai, F. (1983). Final Violence in Japan. *Victimology*, 8, 178-183.
- Raphael, J, Rennison, C. M., & Jones, N. (2019). Twenty-Five Years of Research and Advocacy on Violence Against Women: What Have We Accomplished, and Where Do We Go From Here? A Conversation. *Violence Against Women*, 25(16), 2024-2046. <https://doi.org/10.1177/1077801219875822>
- Rennison, C. M., DeKeseredy, W. S., & Dragiewicz, M. (2013). Intimate Relationship Status Variations in Violence Against Women: Urban, Suburban, and Rural Differences. *Violence Against Women*. 19(11), 1312-1330. <https://doi.org/10.1177/1077801213514487>
- Rennison, C. M., Jacques, S., & Allen, A. (2016). Victim Injury and Social Distance: A National Test of a General Principle of Conflict. *Violence & Victims*, 31(4), 726-751. doi: 10.1891/0886-6708.VV-D-15-00023
- Rennison, C. M., & Planty, M. (2006). Reassessing Who Contributed Most to the Decline in Violence During the 1990s: A Reminder That Size Does Matter. *Violence & Victims*, 21(1), 23-47.

References

- Abel'cev, S. N., Eriashvili, N. D. (gl. red.) (2000). *Lichnost' prestupnika i problemy kriminal'nogo nasiliya*. Zakon i pravo, yuniti-dana.
- Ananich, V. A. (2001). Prestupnost' v Respublike Belarus': sostoyanie i tendencii. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*, 1 (1), 30-36.
- Ananich, V. A. (2014). *Vvedenie v kriminologiyu: lekci, uchrezhdenie obrazovaniya «Akademiya Ministerstva vnutrennih del Respubliki Belarus'»*. Minsk: Akademiya MVD.
- Antonyan, Yu. M. (2001). Nasil'stvennaya prestupnost' v Rossii. V L.L. Anonian (otvetstv. red.), *Ser. Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu v Rossii i za rubezhom*. Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN.
- Dubinina, N. P., Karpec, I. I., Kudryavcev, V. N. (1989). *Genetika. Povedenie. Otvetstvennost'. O prirode antiobshchestvennyh postupkov i putyakh ih preduprezhdeniya* (2-e izd.). Moscow: Politizdat.
- Kachurova, E. S. (2020). Viktimologicheskoe preduprezhdenie kriminal'noj agressii v sem'e pri soblyudeni rezhima samoizolyacii. *Prolog: zhurnal o prave*, 2, 60-63.
- Lombroso, CH. (2004). *Prestuplenie. Novejschie uspekhi nauki o prestupnike. Anarhisty*. Moscow: Infra-M.
- Mumaev, S-M. S. (2010). *Viktimologicheskie aspekty profilaktiki nasil'stvennyh prestuplenij: na materialah ubijstv i umyshlennogo prichineniya tyazhkogo vreda zdorov'yu*: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rossijskij universitet druzhby narodov. Moscow.

- Struchkov, N. A. (1977). *Vvedenie v kriminologiyu: lekciya*. Leningrad: Izdatel'stvo VPU MVD SSSR.
- Tereshchenko, T. G. (2021). O strukturno-sobiratel'nom portrete lichnosti nasil'stvennogo prestupnika. V *Aktual'nye voprosy sovremennoj kriminologicheskoy i ugolovno-ispolnitel'noj nauki: tezisy doklada mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy zaochnoj konferencii pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora A.V. Sharkova* (Minsk, 15 apr. 2021 g., str. 245-247). Uchrezhdenie obrazovaniya «Akademiya MVD Respubliki Belarus'».
- Yakovlev, A. M. (1985). *Teoriya kriminologii i social'naya praktika*. Moskow: Nauka.
- Kumagae, F. (1983). Final Violence in Japan. *Victimology*, 8, 178-183.
- Raphael, J, Rennison, C. M., & Jones, N. (2019). Twenty-Five Years of Research and Advocacy on Violence Against Women: What Have We Accomplished, and Where Do We Go From Here? A Conversation. *Violence Against Women*, 25(16), 2024-2046. <https://doi.org/10.1177/1077801219875822>
- Rennison, C. M., DeKeseredy, W. S., & Dragiewicz, M. (2013). Intimate Relationship Status Variations in Violence Against Women: Urban, Suburban, and Rural Differences. *Violence Against Women*. 19(11), 1312-1330. <https://doi.org/10.1177/1077801213514487>
- Rennison, C. M., Jacques, S., & Allen, A. (2016). Victim Injury and Social Distance: A National Test of a General Principle of Conflict. *Violence & Victims*, 31(4), 726-751. doi: 10.1891/0886-6708.VV-D-15-00023
- Rennison, C. M., & Planty, M. (2006). Reassessing Who Contributed Most to the Decline in Violence During the 1990s: A Reminder That Size Does Matter. *Violence & Victims*, 21(1), 23-47.

Информация об авторе:

Терещенко Татьяна Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 02.11.2021

Одобрена после рецензирования 27.12.2021

Опубликована 29.04.2022

About the author:

Tat'yana G. Tereschenko – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета educational institution «The Academy of the Ministry of internal affairs of the Republic of Belarus».

The author declare no conflicts of interests.

Submitted November 02, 2021

Approved after reviewing December 27, 2021

Accepted April 29, 2022

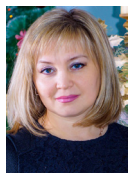
Оригинальная статья

УДК 343, 316,6

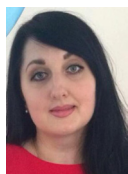
DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-109-123

О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы

Шевелева Светлана Викторовна

Юго-Западный государственный университет
(Курск, Россия)
decan46@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8358-8924**Шатанкова Елена Николаевна**

Юго-Западный государственный университет
(Курск, Россия)
uridf@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0245-0585**Аннотация**

Вопрос свободы воли и противостоящего ей принуждения представляет научный интерес для философов, психологов, юристов. Смежной категорией для принуждения выступает манипуляция, преимущественно получившая научное осмысление либо как средство социального управления в социологии и философии, либо как метод взаимодействия государства и общества в политологии. Юристами данный вопрос исследовался мало. На фоне расширения информационных войн, установления уголовной ответственности за «фейки» в рамках ст. 207¹, 207² УК РФ проблемы понимания указанных категорий приобретают особую актуальность. Целью данного исследования является попытка «имплементирования» достижений в области философии, психологии, политологии в канву современного уголовного права для выработки рабочих формул определения принуждения, манипуляции, ответственности и их соотношения со свободой воли как базовой категорией всех нормативно-правовых актов. Поэтому новизна представленного исследования заключается в самой постановке вопроса.

Методологической основой явились системно-функциональный и экзистенциально-феноменологический методы и метод эксперимента.

Новизна. Через призму соотношения свободы воли, принуждения и манипуляции уголовно-правовые исследования не проводились.

Результаты. Свобода воли в уголовном праве представляет собой возможность выбора варианта поведения, противостоят ей принуждение или манипуляция. Важно понимать, что категории полусвободы в праве быть не может, она констатируется, т. е. выступает некой юридической фикцией, аксиомой, гипотезой. Поэтому акцент сдвигается на установление ответственности, исходя из посыла, что субъект обладал достаточной свободой воли, противостоят которой либо принуждение, либо манипуляция. Последние могут выступать только способом совершения преступления. Принуждение и манипуляция в уголовном праве имеют одинаковые структурные элементы, поэтому анализ в меньшей степени изученного феномена «манипуляция» в уголовном праве построен через сходную категорию «принуждение», имеющую разработанный концептуально-методологический аппарат.

Практическая значимость. Результаты исследования обосновывают новый подход к решению ряда практических проблем, связанных с понятийным аппаратом уголовного закона.

Выводы работы могут стать теоретической основой практической деятельности адвокатов, практикующих «риск-ориентированные подходы» в уголовном праве.

Ключевые слова

свобода воли, принуждение, ответственность, манипуляция, уголовное право

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства»

Для цитирования: Шевелева, С. В., Шатанкова, Е. Н. (2022). О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 109–123. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-109-123.

Original paper

Svetlana V. Sheveleva

The Southwest State University
(Kursk, Russia)

decan46@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8358-8924

Elena N. Shatankova

The Southwest State University
(Kursk, Russia)

uridf@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0245-0585

On freedom of will, coercion, manipulation in philosophy, psychology and law: towards the formulation of the problem

Abstract

The issue of free will and the violence opposing it is of scientific interest for philosophers, psychologists, lawyers. Manipulation is a category related to violence, and it has mainly deserved a scientific explanation either as a method of social management in sociology and philosophy, or as a method of interaction between the state and society in political science. Lawyers have shown less interest in it. The expansion of «information warfare», the establishment of criminal liability for «fakes» under art. 2071, 2072 of the Criminal Code of the Russian Federation made a legal understanding of these categories particularly relevant. **The purpose** of this study is an attempt to «implement» achievements in the field of philosophy, psychology, political science into the canvas of modern criminal law to develop a functioning definition of the coercion, manipulation, responsibility, and their relationship with free will as the basic category of all normative legal acts. Therefore, the novelty of the presented research lies in the very formulation of the question.

The methodological basis of the research is the system-functional and existential-phenomenological method and the experimental method.

Novelty. Criminal law studies have not been conducted before through the lens of the correlation of free will, coercion and manipulation.

Results. Freedom of will in criminal law is the possibility of choosing a certain behavior, whether coercion or manipulation opposes it. It is important to understand that there can be no categories of semi-freedom in law, free will is postulated, it acts as a kind of legal fiction, axiom, hypothesis. Therefore, the emphasis shifts to the establishment of responsibility, based on the premise that the subject had sufficient free will, which is opposed either by coercion or manipulation. The latter can only act as a way of committing a crime. Coercion and manipulation in criminal law have the same structural elements, therefore, the analysis of the phenomenon of «manipulation» in criminal law is constructed through a similar category of «coercion», which has a developed conceptual and methodological apparatus.

Practical significance. The results of the study offer a new approach to solving a number of practical problems related to the conceptual apparatus of the criminal law.

The conclusions of the work can become a theoretical basis for the practical activities of lawyers practicing «risk-oriented approaches» in criminal law.

Keywords

free will, coercion, responsibility, manipulation, criminal law

Acknowledgements

The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2020 No. 085102020-0033 «Transformation of private and public law in the context of the evolution of the individual, society and the state»

For citation: Sheveleva, S. V., Shatankova, E. N. (2022). On freedom of will, coercion, manipulation in philosophy, psychology and law: towards the formulation of the problem. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 109–123. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-109-123.

Введение

Современные философы утверждают, проблема свободы воли такова, что она не нуждается ни в каком дополнительном обосновании ее актуальности (Беседин, 2019), т. е. с развитием общества растут и угрозы ограничения или подавления такой свободы. Полагаем, стоит признать, что начиная с мыслителей Древней Греции и Древнего Рима и до сегодняшних дней, проблема свободы воли не решена, а данный вопрос можно назвать «принципиально неопределяемым понятием» подобно совести, этике и т. д. В настоящее время существует несколько научных направлений, характеризующих волю как волюнтаризм, волю как свободу выбора, волю как мотивацию, волю как волевую регуляцию.

Условно все исследования в области философии можно разделить на два направления: детерминизма и индетерминизма, которые в свою очередь могут быть разбиты на абсолютные и относительные. Связь относительного детерминизма и относительного индетерминизма является довольно сложной и заключается в приоритете либо внешней среды, либо свободы воли. Например, Гегель писал: «Свободное действие человека является свободным лишь в субъективном его мнении. Т. е. человек уверен, что следует своему личному выбору» (относительный индетерминизм). И далее: «...в результате свободной деятельности свободных людей осуществляется еще нечто более далекое, что хотя и заключено внутренне в этом интересе, однако не заключено в их сознании и в их намерении» (Гегель, 1935) (относительный детерминизм).

Разумеется, не остались в стороне и психологи. Их вывод относительно автономии свободы воли пессимистичен. «Свобода воли – это иллюзия. Мы не творцы своих желаний. Наша свобода мнимая» (Харрис, 2015). «Позитивная физиопсихология совершенно уничтожила веру в свободную волю или в нравственную свободу, доказав, что мы должны рассматривать эту свободу исключительно как обман субъективного психологического наблюдения» (Ферри, 2005, с. 334). Свобода воли ошибочно предполагается потому, что мы не создаем «тех физиологических или психических antecedentov, которые непосредственно обуславливают обсуждение, предшествующее хотению» (Ферри, 2005, с. 339); «...воля человека находится в полной и непрерывной зависимости от органических, а, следовательно, и от психических особенностей его» (Ферри, 2005, с. 342). И далее: «...если человек совершает преступле-

ние не в силу свободного выбора своей воли, а в силу роковой тирании своего ненормального организма и внешней среды, то по какому праву можно его наказывать, можно считать его ответственным за ошибки, которые не принадлежат ему»? В ответ на это как раз и был выдвинут тезис о мерах социальной защиты как совокупности превентивных и репрессивных социальных мер, не зависящих в своем применении от нравственной вины преступника: «За обществом должно быть признано право на самосохранение независимо от нравственной ответственности отдельного лица... Деяния человека могут быть ему вменены и, следовательно, он является ответственным за них, потому что он живет в обществе» (Ферри, 2005, с.400-401).

Методология, методы и материалы исследования

Интересным в этой связи выглядит знаменитый эксперимент Ф. Зимбардо, часто критикуемый с точки зрения этики и научной методологии. Суть эксперимента заключалась в том, что добровольцы были разделены на «тюремщиков» и «заключенных». Инициаторы эксперимента создали максимально приближенные к реальности условия тюрьмы в подвале Стэндфордского университета, начиная от обстановки, заканчивая атрибутикой: палками у охранников, номерами на робах у заключенных. «Тюремщики» должны были поддерживать дисциплину, в том числе пересчитывать «заключенных». Результаты оказались ошеломляющими. За пять дней молодые, психически здоровые ребята, никогда не отличавшиеся тягой к садизму и насилию, устраивали такие изощренные издевательства над «заключенными», что организаторы эксперимента на шестой день вынуждены были вмешаться и остановить эксперимент (Haney et. al., 1973). Ф. Зимбардо причиной такого результата назвал ситуацию, которая подавила нравственные устои участников. Причем эти устои были изменены не только у «охранников», почувствовавших власть над «заключенными». «Заключенные» также изменили траекторию поведения. Переход от одобряемого поведения к совершению злонамеренных действий исследователь назвал «эффектом Люцифера» и описал в одноименной книге (Зимбардо, 2018). На интересующий нас вопрос: может ли личность эффективно противостоять ситуации, т. е. есть ли возможность выбора у личности, Ф. Зимбардо отвечает утвердительно (Зимбардо, 2018) и предлагает «про-

грамму сопротивления нежелательным социальным влияниям» (Будников, 2018).

В другом эксперименте, менее критикуемом в научном сообществе, но также затрагивающем феномен группового конформизма и названном Экспериментом о подчинении, профессор Йельского университета С. Милгрэм, пришел к выводу, что определяющим фактором поведения являются авторитет и склонность подчиняться. Суть данного эксперимента заключалась в следующем: добровольцы тянули жребий на предмет – быть в эксперименте «учеником» или «учителем». Однако по замыслу организаторов они всегда вытягивали билетик «учитель». «Учеником» был актер. «Учитель» находился в отдельной комнате и должен был управлять генератором с переключателями от 15 до 450 вольт. Если «ученик» давал неверный ответ, «учитель» использовал генератор, и чем больше «ученик» давал неверных ответов, тем выше должно было использоваться напряжение. До начала эксперимента эксперты предположили, что не более 3 % участников будут использовать электрический шок с высоким значением. Однако при проведении эксперимента практически все участники использовали рычаг со значением «450». При этом «жертва» (актер) давал понять, что испытывает физические страдания: плакал, просил о помощи, стучал ногами. «Учителя» краснели, тяжело дышали, выказывали нервное напряжение, но продолжали «пытку». При этом никакого принуждения со стороны организаторов не оказывалось. Организатор говорил стандартные фразы: «Пожалуйста, продолжайте», «Важно, чтобы вы продолжали», «Это нужно для эксперимента». Любой участник мог прекратить пытку, но не сделал этого вопреки убеждению, что причинять боль другим – это зло.

Вывод С. Милгрэма заключается в том, что авторитет имеет настолько важное значение, что уравновешенные, взрослые люди готовы зайти крайне далеко в своих поступках и выдвинул две теории: теорию конформизма и теорию субъектности (Milgram, 1963).

Обзор литературы

По мнению Д. Волкова, эксперимент свидетельствует о преобладании силы конформизма и привычки к подчинению над моральными ценностями. На наш взгляд, акцент здесь необходимо сделать на следующем: отдавая свою волю в распоряжение другим и полагая, что не имеет возможности принять решение, участник, таким образом, переносил ответственность на других. Такой вывод коррелирует с данными, полученными П. Хаггардом, который усложнил знаменитые эксперименты М. Милгрэма в желании найти ответ: происходил ли перенос ответственности на того, кто предлагал «нажимать кнопку». «Оказалось, что выполнение приказа действительно снимало ответственность – то есть человек, который его выполнял, склонен был считать,

что “это не он”, что он просто выполняет чужую волю. Косвенно о том же самом говорили и данные ЭЭГ: судя по рисунку электрических ритмов, мозг, получив приказ, не слишком думал о последствиях поступка».

Представленные исследования могли бы привести к оправданно пессимистическому выводу: свобода воли настолько детерминирована внешними обстоятельствами, что ее можно не брать в расчет. Но, если исходить из такого посыла, то поощрение и наказание (в самом общем виде) не нужны. Говоря словами известного нейробиолога Р. Сапольски, «если вы действительно в это верите (отсутствие свободы воли – Прим авт.) – никогда не будет оправдания тому, что вы имеете право на большее, чем другой, и никогда не будет оснований кого-то ненавидеть» (Браницкий, 2022).

”

*Свобода воли является
некой аксиомой для
всех международных и
внутригосударственных
нормативных актов, поэтому
ни одна правовая система, ни
одна идеология не опровергает
свободу личности, внутренней
составляющей которой является
свобода воли.*

“

Задаваясь вопросом, чем является свобода воли – иллюзией или возможностью в философском аспекте, Д. Б. Волков также настаивает на существовании свободы воли, а, следовательно, ответственности. «Отрицание свободы не только безосновательно, но вдобавок плохо влияет на мотивацию людей. Убеждение в отсутствии свободы воли снижает желание прилагать усилия и принимать сложные альтруистические решения. Для многих оно становится универсальным оправданием и поводом к деградации» (Волков, 2018, с. 1). В качестве доказательств он приводит результаты экспериментов К. Вос и Дж. Скулера: подопытным, разделенным на две группы, давали читать книгу Ф. Крика «Удивительная гипотеза: научный поиск души». Одной группе – ту часть книги, где утверждается отсутствие свободы воли, другой – где о свободе воли нет речи. После прочтения участники эксперимента должны

были решать математические задачи, а подсчет результатов провести самостоятельно. В результате больше «правильных» ответов было в той группе, которая прочитала, что свободы воли не существует (Vohs & Schooler, 2008). Подобные эксперименты неединичны, но все они убедительно доказывают, что сама попытка отрицать наличие свободы воли ведет к отрицанию ответственности (Baumeister et al., 2009, с. 260–268; Rigoni et al., 2012, с. 1482–1490).

Результаты исследования

Юристы, подключившиеся к рассуждениям о свободе воли, связывая данную категорию с правом, говорят о свободной воле как об исходной точке. Свобода воли является некой аксиомой для всех международных и внутригосударственных нормативных актов, поэтому ни одна правовая система, ни одна идеология не опровергает свободу личности, внутренней составляющей которой является свобода воли. В Конституции РФ говорится, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими» (ст. 18). Эти положения и связанные с ними, закрепленные в главе 2 Конституции Российской Федерации, могут рассматриваться как фиксирующие в конституционном тексте концепцию свободы воли (Зорькин, 2009, с. 8). Представители частно-правовых наук оперируют такими понятиями, как автономия воли, беспрепятственное осуществление субъективных гражданских прав, свобода договора, абсолютное право собственности (Волков, 2010), волеспособность (Сенина, 2006, с. 7). Специалисты публично-правовых наук также задаются вопросами принципа диспозитивности в уголовном праве (Сидоренко, 2013; Сумачев, 2006) и процессе (Дикарев, 2008, с. 74) как мерах правовой свободы частного лица; влияния свободы воли на субъективные признаки состава преступления (Антонова, 2016), а также при анализе деяния как признака объективной стороны (например, «чтобы иметь уголовно-правовой характер, действие должно быть обязательно волевым» (Фильченко, 2012)). Вопрос свободы воли тесно связан с обоснованием наказания и ответственности.

Обсуждение результатов исследования

В огромном массиве современных юридических исследований, так или иначе посвященных свободе воли, как правило презюмируется, что свобода воли есть возможность выбора варианта поведения. Именно такой подход наиболее «удобен» для юриспруденции. Следовательно ответственности подлежит тот, кто имел вариативность своего поведения.

В последнее время среди философов и юристов акцент в вопросе о соотношении свободы воли и ответственности сместился на «первичность» ответственности. Суть заключается в том, что, если лицо (агент) ответственно (может нести ответственность), значит оно свободно. Философы таким образом обосновывают свой подход: ответственность констатируется. Во-первых, причинно-следственная связь между агентом действия, действием и результатом не всегда очевидна, во-вторых, в установлении таких связей определение существенных (принимаемых во внимание) и несущественных аспектов зависит от идеологических предпочтений (Сыров, 2019). М. Смайли полагает, что к таким предпочтениям следует относить представления о конфигурации социальных ролей индивида, а также представления о том, являются или нет причинившие вред частью того сообщества, к которому принадлежит индивид (Smiley, 1992). При этом очевидно, что такие конфигурации имеют динамический характер – в юриспруденции это выражается посредством введения или упразднения деликтов. *При таком подходе свобода воли для ответственности является одним из условий.* Но каковы необходимые условия для ответственности, кроме свободы воли? Д. Б. Волков полагает, что кроме свободы воли для ответственности необходимо действие, сопровождаемое намерением, а само действие должно исходить от конкретного лица. «Связь с другими агентами не подходит для сохранения ответственности» (Волков, 2018, с. 17). По мнению автора, человек может нести ответственность за свой выбор, если не было принуждения, и этот выбор не стал результатом манипуляции (Волков, 2018, с. 19).

В целом признавая такой подход, попытаемся перенести вывод философа на юриспруденцию. Вопрос соотношения свободы воли и принуждения среди юристов является предметом давних дискуссий преимущественно в области уголовно-правовых наук (Хиллута, 2021; Шевелева, 2015). Во-первых, ограничение прав и свобод при реализации уголовно-правовых механизмов по общему правилу является наиболее репрессивным. Во-вторых, хотя уголовное законодательство, в отличие от Гражданского кодекса РФ, не возводит свободу воли в ранг принципов, тем не менее, в ряде своих институтов оно основывается на прямо выраженной антитезе свободы воли и принуждения: институт невменяемости и возрастной невменяемости, где речь идет о возможности лица руководить своими действиями; состояние опьянения, не являющееся препятствием к привлечению к ответственности, т. к. законодатель исходит из посыла, что лицо совершает деяние с требуемой мерой свободы воли, наличие экстремальных условий, влияющих на нервно-психические перегрузки или особое психофизическое состояние, заключающееся в причинах отказа привлечения к ответственности, физическое и психическое принуж-

дение, являющееся обстоятельством, исключаяющим преступность деяния, принуждение как обстоятельство, смягчающее или отягчающее наказание в зависимости от адресата (п. «е», «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ), степень влияния взрослых на совершение преступления или антиобщественных действий несовершеннолетними и др. (Шевелева, 2015).

Коротко авторская позиция в этом вопросе может быть сформулирована следующим образом. Противоположностью свободе воли является принуждение, исходящее либо от людей, либо от обстоятельств, либо от государства. Первое принято именовать преступным принуждением (либо девиантным поведением), второе исходит от сил природы или имеет техногенный характер, третье выражается в мерах юридической ответственности, а точнее, праве государства на наказание.

Право государства на наказание основывается на конституционной обязанности защищать человека и принадлежащие ему права и свободы, и по своей природе относится к числу субъективных публичных прав (Гурин, 2014).

Что касается двух других субъектов принуждения, то, на первый взгляд, можно предположить, что в случае наличия принуждения отсутствует свобода воли, и как следствие, не может наступать ответственность. Однако не все так просто. Принуждение может носить преодолимый и непреодолимый характер, тогда как в юриспруденции во всех случаях нужно четко фиксировать: была свобода воли или нет, – промежуточных состояний, т. е. полусвободы, здесь быть не может. Уголовное право основывается на опровержимой презумпции свободы воли, в соответствии с которой действия человека предполагаются свободными до тех пор, пока не доказано обратное.

Устранение свободы воли через принуждение или иные обстоятельства предполагает исчезновение свободы воли в юридическом смысле этого слова. Это означает, например, что тот, к кому применяют насилие, может и обладать «технически» свободой выбора варианта поведения (не подчиниться угрозе, насилию и претерпеть определенные негативные для себя последствия), однако «юридически» свобода воли исчезает. В некоторых случаях вместе с тем свобода воли исчезает и «юридически», и в реальном значении. Свобода воли и принуждение в уголовном праве являются автономными понятиями, основанными на категориях психологии, но не совпадающими с ними (Шевелева, 2015). Таким образом, акцент смещается на формулирование *ad hoc* четких юридических признаков принуждения и иных обстоятельств, устранивающих свободу воли.

Принуждение обстоятельствами чаще всего не рассматривается через термин «принуждение». Как правило, речь идет о непреодолимой силе, крайней необходимости. Принуждение, исходящее от человека,

юридически фиксируются через такие категории, как насилие, шантаж, угроза, понуждение и смежные понятия. Имеют место и такие способы воздействия на принятие решение (т. е. на свободу воли, если исходить из посыла, что свобода воли есть свобода выбора варианта поведения), как обман, злоупотребление доверием, подкуп, уговор, обещание, призыв, пропаганда. Можно ли такие способы «причислять» к принуждению? *Разграничительная линия, на наш взгляд, здесь проходит на том, что при принуждении человек избирает линию поведения, стремясь избежать для себя и своих близких неблагоприятных (опасных) последствий, либо вообще лишен возможности выбора. Иные способы воздействия можно именовать манипуляцией.*

Данная категория в меньшей степени изучена юристами, тогда как и философы, и психологи давно интересуются указанным феноменом (Gruijters, 2022; Sanak-Kosmowska & Wiktor, 2020).

Полагаем, что для выявления признаков манипуляции необходимо обратиться к существующим подходам, которые сложились в социальной философии, психологии, политологии, т. к. и право в целом, и уголовное право в частности, используя неюридические конструкции, формируют исключительно «рабочие» формулы.

Обращает на себя внимание, что манипуляция в философии, психологии, политологии и лингвистике изучается преимущественно как манипуляция общественным сознанием (Князева, 2011; Навасартян, 2017; Ланге, 2015; Строганов, 2019; Никитская, 2014; Негодаева, 2008).

Платон, не используя данного термина, тем не менее, указывал на некое средство, позволяющее подчинить волю и внушить человеку не только образ мыслей, но и направить его действия по нужному сценарию без физического принуждения (Платон, 2008). Родоначальником создания манипулятивных правил в политике считается Н. Макиавелли. В целях формирования искаженного восприятия он указывал на обязательность соблюдения учтивой и корректной формы для создания видимости устремлений и невозможности изобличения в нечестных намерениях (Барышков, 2010). Впоследствии макиавеллизм рассматривался не как некое направление в политике эпохи Возрождения, а как сущность самой политики, не связанной моральными ограничениями (Князева, 2011). Социолог Л. Уорд, сравнивая манипуляцию с интеллектуальной деятельностью, приходит к выводу, что манипуляция – «злокачественная форма обмана» (Уорд, 2003). По мнению С. Г. Кара-Мурзы, манипуляция – не насилие, но соблазн (Кара-Мурза, 2000). Р. Мэй связывал манипулирование с «сильной волей», стремлением к власти, разделяя ее на внутреннюю и внешнюю (Мэй, 1997). «Манипулирование собой» поддерживал и Э. Шостром: «Вынужденная адаптироваться к социальным и межличностным от-

ношениям, личность одновременно манипулирует как собой, так и другими» (Шостром, 2008), стремясь завоевать для себя определенные блага, ключевое из которых – «скрытое использование и влияние на других людей, контроль над ними» (Шостром, 2008). Современные авторы утверждают: «Манипуляция имеет самое непосредственное отношение к выживанию человека» и является видом безнравственного общения (Юренков, 2013), деструктивного явления (Сиразетдинова, 2016). Некоторые авторы выявляют положительные аспекты манипуляции, давая следующее определение: «Манипуляция сознанием представляет собой целенаправленное скрытое психологическое воздействие, редуцирующее целостность манипулируемого к объекту в целях изменения ценностных установок манипулируемого и одновременно симулирующее его субъектность» (Сиразетдинова, 2016), выделяя следующие признаки: не-

”

*Противоположностью
свободе воли является
принуждение, исходящее
либо от людей, либо от
обстоятельств, либо
от государства.*

“

равенство манипулируемого и манипулирующего при доминировании последнего; ограниченное сохранение субъектности манипулируемого (в отличие от внушаемого, манипулируемый осознает себя субъектом выполняемых действий, сохраняя активность и избирательность); неявный характер воздействия для манипулируемого; смена субъектных представлений (взглядов, намерений, представлений) манипулируемого; отсутствие прогнозирования у манипулируемого необходимости и полезности полученных результатов (Сиразетдинова, 2016). Большинство же современных исследователей манипуляцию оценивают как некую данность, не признавая за ней ни ярко положительной, ни резко отрицательной окраски. А. С. Петракова пишет: «Манипуляция – это процесс скрытого управле-

ния сознанием индивида в целях трансформации его внутренней сущности, духовного состояния, осуществляемой для того, чтобы через формирование определенных ценностных суждений, мнений и установок изменить его поведение в соответствии с планами, замыслами манипулятора, зачастую в ущерб собственным интересам индивида» (Петракова, 2014).

Итак, структурно манипуляция, так же как и принуждение, представляет собой сочетание нескольких элементов. Поэтому их анализ, как представляется, следует строить во взаимосвязи.

Источником принуждения и манипуляции являются внешние факторы: а) воздействие человека и б) воздействие обстоятельств. Второй вид, как правило, принуждением не является, чаще речь идет о силах природы, обстоятельствах техногенного характера. При манипуляциях скорее следует говорить о так называемых манипуляциях массовым сознанием: политические мероприятия, информационные войны, цифровизация общества, реклама, пропаганда. Следовательно, здесь можно отследить первое отличие: обозначенное нами «принуждение обстоятельствами» несет прямой вред охраняемым законам интересам, тогда как манипуляции массовым сознанием не обязательно должны быть нацелены на негативные последствия – например, манипуляции с населением по формированию здорового образа жизни.

Объектом принуждения и манипуляции всегда выступает человек. Как видится, здесь нет принципиальных различий.

Содержание принуждения и манипуляции. Относительно принуждения данный вопрос наиболее часто освещается в литературе и сводится к разновидности физического и психического воздействия. И здесь можно увидеть первое отличие от манипуляции, которая никогда не осуществляется насильственно. Другой, более трудный вопрос: результативность. Сложность заключается в том, что как принуждение, так и манипуляция могут иметь преодолимый характер. Поэтому в каждом конкретном случае ответ будет *ad hoc*, поскольку в различных криминальных контекстах с разной мерой ограничения свободы воли будут связываться различные уголовно-правовые следствия.

Интересен в этой связи смоделированный опыт Д. Перебума. Группа нейроученых вживляет в мозг профессора Плама без его ведома чип, с помощью которого в режиме *on-line* управляет его поведением и направляет приказ убить человека. Очевидно, ответственность профессора Плама в этом случае исключена. Представим, что данный чип действует автономно и заставляет совершить убийство. Вопрос ответственности остается прежним. И далее: а что если аналогичный чип запрограммирован на воспитание, культуру и другие положительные факторы? «Если в случаях с чипами мы снимаем ответственность с Плама, по-

сколькo он не имеет власти над факторами, определяющими его поведение, то и в случае, когда преступника из него делают его окружение или наследственность, мы также должны признать, что он не свободен и не несет моральной ответственности за свое преступление» (Перебум, 2016). Представленная манипуляция сходна с детерминизмом. «Но “нет выбора” и “выбор детерминирован” – это вовсе не одно и то же» (Шаргородский, 2003). На наш взгляд, в приведенном примере акцент надо ставить несколько иначе: если бы не наличие чипа, совершил бы Плам убийство? Только ли манипуляция, осуществляемая с сознанием профессора с помощью чипа, является ключевой причиной совершения поступка? Сам Д. Перебум не дает более подробных характеристик личности вымышленного им профессора Плама. Если исходить из посыла, что за любой негативный результат должна наступить ответственность, то в приведенном примере снятие ответственности с профессора априори возлагает ответственность на нейроученых.

В качестве примера рассмотрим широко известный исторический факт, известный как «Кровавое воскресенье». Манипуляции с народными массами со стороны организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Г. Гапоном привели к тому, что мирное народное шествие «за помощью к царю» обернулось расстрелом со стороны солдат, охранявших дворец. Гапон и его последователи знали, что мирным шествие не будет, что солдаты будут применять оружие, что будут жертвы. Цель организаторов заключалась в усилении возмущения в обществе, а результатом стала Первая русская революция. Однако ответственность за сотни убитых не была возложена на Гапона. Напротив, лидеры социал-демократов, эсеры наперебой желали включить священника в число единомышленников. Властями Гапон был объявлен в розыск, но не по факту убийства людей, а в связи с революционной деятельностью.

Принципиальная разница между принуждением и манипуляцией то, что при манипулировании другим человеком воздействие осуществляется исключительно ненасильственными способами (о чем уже было сказано), выбор варианта поведения принуждаемым основывается на стремлении избежать негативных последствий, при манипуляции – получить наиболее желаемые результаты. Таким образом, манипуляция в уголовном праве получает свое юридическое выражение в дефинициях «уговор», «обещание», «обман», «склонение», «злоупотребление доверием», «подкуп», «пропаганда».

При принуждении, как и при манипуляции, виновного интересует не человек как таковой, а его поведение: лицо желает направить последнее в нужное русло путем принуждения или манипуляции. Следовательно, принуждение и манипуляция в уго-

ловном праве могут образовывать только способ совершения преступления, но не общественно опасное деяние.

Деяние будет заключаться в требованиях (при принуждении), обещании или обмане в широком смысле (при манипуляции) совершить действие или бездействии, выгодное виновному.

Исходя из обозначенных выше подходов определения свободы воли, принуждения применительно к запросам уголовного права, когда требуется рабочая формула и нет практической необходимости рассуждать о полусвободе, следует предположить, что при манипуляции как способе совершения преступления имеют место следующие признаки: скрытый характер для манипулируемого, умышленный характер действий манипулятора, направленный на получение конкретного результата, отсутствие насилия, совершение действий, представляющих интерес для манипулятора, в ущерб интересам манипулируемого.

”

*Принуждение и манипуляция
в уголовном праве могут
образовывать только способ
совершения преступления,
но не общественно опасное
деяние.*

“

Анализ научной литературы, посвященной манипуляции и свободе воли в уголовном праве, показывает, что данный вопрос активно дискутируется с опорой на манипуляции в генетике (Goding & Tranter, 2021; Bowman-Smart, 2021; Balistreri & Hansen, 2019).

В настоящее время действуют принципы проведения генетических исследований и практического использования полученных знаний, сформулированные еще в 1975 г. на Конференции в г. Монтерей (Кулделл и др., 2019), которая была созвана для преодоления моратория на генно-инженерные опыты с людьми. Суть моратория заключалась в том, что даже потенциальный риск служит достаточным основанием для

прекращения экспериментов с ДНК человека (Кулделл и др., 2019). Отчасти данный мораторий был преодолен: ученые отказались от проведения лишь отдельных видов опасных экспериментов, а в процедуре указали на необходимость изоляции биологических агентов в зависимости от уровня риска (Сергеев, 2019). «В ноябре 2018 г. профессор Южного научно-технического университета SUSTech (Шэньчжэнь, КНР) Хэ Цзянькуй (He Jiankui) на II Международном саммите по редактированию генома человека объявил об успехе проведенных его исследовательской группой экспериментов на эмбрионах мышей и обезьян, человеческих эмбриональных стволовых клетках и человеческих эмбрионах в целях направленного выключения гена CCR5» (Сергеев, 2019). Данный ген играет ключевую роль в заражении клеток вирусом иммунодефицита. Суть эксперимента заключалась в том, что вирус не может прикрепиться к Т-клетке. Полагая, что проведенная мутация гена человека безопасна, профессор отредактированный эмбрион имплантировал женщине, и при последующей ее беременности родились девочки-близнецы. Ученые поведение своего коллеги встретили крайне негативно (Alonso & Savulescu, 2021; Swazo, 2020; Mills et al., 2021). Во-первых, формально действия Хэ нельзя оценить как открытие, т.к. такая методика была разработана ранее. Во-вторых, опыт с человеческим эмбрионом показал «крах саморегулирования деятельности ученых»¹. Ученый был привлечен к уголовной ответственности и получил три года лишения свободы и штраф «за нарушение законодательства в области экспериментов над людьми и проведение отдельных работ без лицензии» (Жабина, 2020), а юристы в Китае указали на отсутствие охранительных нормативных актов (Song & Joly, 2021). Данный вопрос нас интересует с позиции уголовно-правовой науки. Дело в том, что по китайским законам для проведения экспериментов с ДНК необходимо согласие совершеннолетнего участника эксперимента, а также одобрение комитета по этике больницы. Учитывая, что ученый сам рассказал о результатах эксперимента, следует полагать, что он не допускал возможности привлечения к уголовной ответственности. В итоге он был признан виновным по ст. 280 УК КНР «Фальсификация документов», т. к. решения комиссии по этике у него не было, получив за это максимальный срок. Следует признать, что даже в китайском уголовном законодательстве отсутствуют нормы о манипуляци-

ях в сфере геномной инженерии. При этом общепризнано, что данное государство дальше всех продвинулось в этом вопросе. По заявлению китайских юристов, дело Хэ стало «водоразделом между этическим и юридическим риском в сфере генетических исследований». Правоведы предложили предусмотреть ответственность за «совершение преступлений с использованием новых технологий»². В России гипотетически подобная ситуация некоторыми авторами была оценена по признакам ст. 41 УК РФ как обоснованный риск (Козаченко, 2019), однако в продолжение рассуждений о подвластности генетики уголовному праву, ученый предложил при этом установить уголовную ответственность за «действия, направленные на нелегальное изменение генома либо клонирование человека» (Козаченко, 2019), «за посягательство на генетическое благополучие человека» (Козаченко, 2019) и далее: за «генетические манипуляции» с неосторожной формой вины (Козаченко, 2019).

Отечественные ученые отмечают, что «генетическое здоровье человека» (Ковалев, 1996) находится под угрозой, и даже проведенное ЭКО без согласия женщины с модифицированным эмбрионом не является преступлением. Д. Н. Сергеев полагает, что общественно опасными манипуляции с генами человека можно будет признать тогда, когда участник эксперимента об этом не осведомлен (Сергеев, 2019, с. 10). Полагаем, что эта идея требует уточнения: лицо должно быть не просто осведомлено о производимом эксперименте, но и знать обо всех потенциальных последствиях, которые могут возникнуть в будущем. В настоящее время любые манипуляции, связанные с процессом вмешательства в ДНК человека, не являются предметом регулирования ни одного закона. Лишь Семейный кодекс РФ отчасти определяет общие контуры суррогатного материнства и прав родителей при использовании вспомогательных репродуктивных технологий (п. 4 ст. 51, п. 3, ст. 52). Ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» устанавливает основания применения вспомогательных репродуктивных технологий, регламент которых определен приказом Министерства здравоохранения³. Сфера действия ФЗ «О государственном регулировании в области геномной инженерии» включает отношения в области природопользования, охраны окружающей среды, экологической безопасности и здоровья человека,

¹ Second International Summit on Human Genome Editing: Continuing the Global Discussion Proceedings of a Workshop. P. 2. From <https://www.nap.edu/read/25343/chapter/1> (дата обращения: 25.02.2022).

² 赵汉斌.面对“科学狂人”,法律应提前归. From http://www.xinhuanet.com/tech/2018-11/28/c_1123777358.htm (дата обращения: 25.02.2022)

³ Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению" (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 N 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2020

генодиагностику и генотерапию⁴. Государственная геномная регистрация носит добровольный характер для всех граждан, кроме осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, неустановленных лиц в рамках проведения следственных действий и неопознанных трупов (ст. 7 ФЗ № 242-ФЗ⁵). За нарушение правил получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения биологического материала и обработки геномной информации для должностных лиц установлена ответственность (ч. 3 ст. 10 ФЗ № 242-ФЗ) вплоть до уголовной. Отдельные авторы склонны полагать, что квалификация может осуществляться по ст. 167, 168, 272, 274, 293, 307 УК РФ (Алексеев и др., 2016), с чем сложно согласиться. Данной информацией могут распоряжаться только правоохранительные органы в рамках уголовного процесса (ст. 15 ФЗ № 242-ФЗ).

Полагаем, «слово» за уголовным правом должно возникнуть после решения данного вопроса в рамках регулятивного законодательства. В то же время действующий сегодня ФЗ №54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» декларирует наличие ответственности за клонирование человека, и поэтому заслуживает поддержки мнение российских ученых, основанное на зарубежном нормотворческом опыте⁶, о необходимости введения нормы, касающейся генетических манипуляций в части клонирования человека (Капинус, Додонов, 2008). По прогнозам криминологов, к 2025 г. мы вплотную подойдем к созданию бионических роботов, «что в сочетании с технологиями клонирования может привести к появлению квазичеловеческих существ с неопределенным правовым

статусом и неограниченными возможностями по их неправомерному использованию» (Козаев, 2017).

Выводы

Итак, манипуляцию следует рассматривать как один из способов преступного поведения. Учитывая, что во многом структурные элементы манипуляции и принуждения совпадают, на теоретическом уровне возможны проекции юридических конструкций принуждения на указанный феномен. Представленное исследование может послужить началом дискуссии о фиксации понятия «манипуляция» в юридических науках.

Подводя итог, хотелось бы обозначить следующее. Как писал М. Ансель, «после нескольких веков борьбы мнений понятие преступной воли, *mens rea*, столь же неопределенно, как и во времена Цицерона» (Ансель, 1970), и мы полагаем, что следует исходить из фикции, что свобода воли есть, а возможность привлечения к ответственности создает это чувство свободы. Такую позицию можно обозначить агностицизмом, одним из пионеров которого является А. Принс, справедливо отмечавший: «В сущности, когда совершено какое-либо действие, самое полезное, кажется мне, не разбирать, является ли способ его совершения убедительным.... Важным представляется констатировать, принесло ли данное действие пользу или вред обществу, и дать нам возможность воспользоваться добытым благом в первом случае и защититься от зла во втором» (Принс, 1912). Иными словами, для уголовного права свобода воли может быть охарактеризована как гипотеза, фикция, аксиома, т. е. она констатирует ее наличие, и только обратное, т. е. принуждение или манипуляция, исключает свободу воли.

Список литературы

- Алексеев, М. В., Бойцов, А. С., Васильченко, Ю. В., Григорьев и др. (2016). *Комментарий к Федеральному закону от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (постатейный)* (отв. ред. Е.Н. Холопова).
- Ансель, М. (1970). *Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике)*. Москва: Прогресс.
- Антонова, Е. Ю. (2016). Свобода воли и её влияние на субъективную сторону состава преступления. *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*, 2(82), 62-67.
- Барышков, В. П. (2010). Макиавеллизм и стратагемность как способы политической и повседневной деятельности. *Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология*, 1.

⁴ Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности" // Российская газета. № 130. 12.07.1996.

⁵ Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009) "О государственной геномной регистрации в Российской Федерации" // Российская газета. № 251. 09.12.2008.

⁶ Уголовная ответственность за клонирование человека установлена в США (1980 г.), ФРГ (1990 г.), Испании (1995 г.), Сальвадора (1997 г.), Колумбии (2000 г.), Японии (но с оговоркой о возможности законных фундаментальных исследованиях) (2000 г.), Великобритании (2001 г.), Эстонии (2001 г.), Швеции (2002 г.), Мексики (федеральный округ) (2002 г.), Молдовы (2002 г.), Словакии (2003 г.), Румынии (2004 г.), Франции (2004 г.) и др.

- Беседин, А. П. (2019). Свобода воли Дмитрия Волкова. Рецензия на книгу Дмитрия Волкова «Свобода воли. Иллюзия или возможность». *Финиковый Компот*, 14.
- Браницкий, И. (2022). *Свободы воли не существует»: автор «Биологии добра и зла» Роберт Сапольски — о вакцине от стресса, петле деградации и природе диктаторов*. Получено из <https://www.forbes.ru> (дата обращения 17.02.2022).
- Будников, М. Ю. (2018). Хранитель времени: к 85-летию Филипа Зимбардо. *Медицинская психология в России*, 2(49).
- Волков, А. В. (2010). Свобода воли в гражданском праве. *ЮП*, 5.
- Волков, Д. (2018). *Свобода воли. Иллюзия или возможность*. Москва: Карьера Пресс.
- Гегель, Г. В. Ф. (1935). *Собрание сочинений в 14-ти томах*. Москва, Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), Т. 8. *Философия истории*.
- Гурин, Д. В. (2014). Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективации. *Библиотека криминалиста. Научный журнал*, 6, 32-52.
- Дикарев, И. С. (2008). Принцип диспозитивности в уголовном процессе России. *Журнал российского права*, 6, 74-80.
- Жабина, А. (2020). Атака клонов: от экспериментов к бизнесу. *Эксперт*, 11 (1155), 60-61.
- Зимбардо, Ф. (2018). *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев*. Москва: Альпина но-фикш.
- Зорькин, В. Д. (2009). Права человека в контексте глобальной юриспруденции. *Журнал конституционного правосудия*, 2, 8-12.
- Капинус, О. С., Додонов, В. Н. (2008). Ответственность за клонирование человека в современном уголовном праве *Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сборник статей* (стр. 147 – 159). Москва: Буквевед.
- Кара-Мурза, С. Г. (2000). *Манипуляция сознанием* (стр. 14-16). Москва: Алгоритм.
- Князева, И. В. (2011). *Манипуляция общественным сознанием: сущность, исторические формы, трансформация: социально-философский анализ: дис. ... канд. философ. наук*. Воронеж.
- Ковалев, М. И. (1996). *Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека*. Екатеринбург: УрГЮА.
- Козаев, Н. Ш. (2017). Международные стандарты применения современных биотехнологий и их влияние на уголовное право России. *Юридический вестник ДГУ*, 22, 2, 71-75. doi: 10.21779/2224-0241-2017-22-2-71-75
- Козаченко, И. Я. (2019). Подвластно ли уголовное право генетике? (непростые ответы на сложные вопросы). *Вестник Кузбасского института*, 3(40), 29-41.
- Красавчиков, О. А. (1970). Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании. *Советское государство и право*, 1, 62-68.
- Кулделл, Н., Бернштейн, Р., Ингрэм, К., Харт, К. М. (2019). *На пути к синтетической биологии*. ДМК Пресс.
- Ланге, О. В. (2015). *Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии: дис. ... канд. полит. наук*. Санкт-Петербург.
- Мэй, Р. (1997). *Любовь и воля*. Москва.
- Навасартян, Л. Г. (2017). *Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. ...канд. филолог. наук*. Саратов.
- Негодаева, О. Б. (2008). *Манипуляция сознанием как фактор риска в российском обществе: дис. ... канд. философ. наук*. Ростов-на-Дону.
- Платон (2008). *Диалоги*. Книга вторая (пер. В.Н. Карпов). Москва: Азбука-классика.
- Никитская, Н. С. (2014). *Манипулятивные стратегии в современной российской бизнес-среде (на примере малого бизнеса): дис. ... канд. психол. наук*. Ярославль.
- Перебум, Д. (2016). Оптимистичный скептицизм относительно свободы воли. *Логос*, 5, 59–99.
- Петракова, А. С. (2014). *Социально-философский анализ трансформации сознания личности средствами манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. философ. наук*. Краснодар.
- Политова, И. П. (2014). *Категория воли в гражданском праве России: автореф. дис.... канд. юрид. наук*. Москва.
- Принс, А. (1912). *Защита общества и преобразование уголовного права* (пер. с фр. Е. Маркеловой; под ред. и с предисл. Г.С. Фельдштейна). Москва.
- Сенина, Ю. Л. (2006). *Категория воли в гражданском праве России (в аспекте гражданско-правовой сделки: дис. ... канд. юрид. наук*. Томск.
- Сергеев, Д. Н. (2019). Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя). *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*, 5, 5-13.
- Сидоренко, Э. Л. (2013). *Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук*. Москва.
- Сиразетдинова, М. Ф. (2016). *Манипуляция сознанием: социально-философский анализ: автореф. дис. ...канд. философ. наук*. Уфа.

- Стасевич, К. Почему мы убиваем по приказу. *Наука и жизнь*. (22.02.2016). Получено из <https://www.nkj.ru/news/28223/> (дата обращения 17.02.2022)
- Строганов, В. Б. (2019). *Технологии политической манипуляции в интернете*: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург.
- Сумачев, А. В. (2006). *Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной анализ*: автореф. ... дис. докт. юрид. наук. Екатеринбург.
- Сыров, В. Н. (2019). Дискуссия о свободе воли и моральной ответственности: где перспективы? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 51, 88-97. doi: 10.17223/1998863X/51/9
- Сундурова, Ф. Р., Тарханова, И. А. (2009). *Уголовное право России. Общая часть* (3-е изд., перераб. и доп.). Москва.
- Уорд, Л. (2003). *Психические факторы цивилизации*. Санкт-Петербург: Питер.
- Ферри, Э. (2005). *Уголовная социология* (сост. и предисл. В. С. Овчинского). Москва.
- Фильченко, А. П. (2012). Философско-юридические основания определения момента возникновения отношения уголовной ответственности. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 11(2), 185-187.
- Харрис, С. (2015). *Свобода воли, которой не существует*. Москва: Альпина Паблишер.
- Хиллота, В. В. (2021). Свобода воли и уголовная ответственность в фокусе новых открытий нейробиологии. *Право.ру*, 6(74), 45-51.
- Шаргородский, М. Д. (2003). *Избранные работы по уголовному праву* (сост. и предисл. Б.В. Волженкина). Санкт-Петербург.
- Шевелева, С. В. (2015). Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис. ... докт. юрид. наук. Курск.
- Шостром, Э. (2008). *Человек манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации*. Москва: Изд-во Института Психотерапии.
- Юренков, В. В. (2013). Манипуляция как социально-философское явление. *Теория и практика общественного развития*, 4.
- Alonso, M., Savulescu, J. (2021). He Jiankui's gene-editing experiment and the non-identity problem. *Bioethics*, 35(6), 563-573.
- Balistreri, M., Hansen, S. L. (2019). Moral and Fictional Discourses on Assisted Reproductive Technologies: Current Responses, Future Scenarios. *NanoEthics*, 13(3), 199-207.
- Baumeister, R. F., Masicampo, E. J., Dwall, C. N. (2009). Prosocial Benefits of Feeling Free: Disbelief in Free Will Increases Aggression and Reduces Helpfulness. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 35(2), 260-268.
- Bowman-Smart, H. (2021). Orphans By Design: The Future Of Genetic Parenthood. *Bioethics*, 35(1), 23-30.
- Goding, V., Tranter, K. (2021). 'The machine runs itself': law is technology and Australian embryo and human cloning law. *Griffith Law Review*, 30(2), 240-269.
- Gruijters, S. L. K. (2022). Making inferential leaps: Manipulation checks and the road towards strong inference. *Journal of Experimental Social Psychology*, 98, 104251.
- Haney, C., Banks C., Zimbardo, P. (1973). A study of prisoners and guards in a simulated prison. *Naval Research Review*, 9, 1-17.
- Milgram, S. (1963). Behavioral Study of Obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology[en]*, 67, 371-376.
- Mills, P., Chen, Q., Ma, Y. et al. (2021). Making sense of it all: Ethical reflections on the conditions surrounding the first genome-edited babies. *Wellcome Open Research*, 5, 216.
- Rigoni, D., Kühn, S. et al. (2012). Reducing Self-Control by Weakening Belief in Free Will. *Consciousness and Cognition*, 21, 1482-1490.
- Sanak-Kosmowska, K., Wiktor, J. W. (2020). Empirical identification of latent classes in the assessment of information asymmetry and manipulation in online advertising. *Sustainability (Switzerland)*, 12(20), 8693, 1-17.
- Smiley, M. (1992). Moral responsibility and the boundaries of community: power and accountability from a pragmatic point of view. *The University of Chicago*, 256.
- Song, L., Joly, Y., (2021). After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms. *Medical Law International*, 21(2), 174-192.
- Swazo, N. K. (2020). Doing wrong to 'lulu' and 'nana'? Applying parfit to the he jiankui experiment. *International Journal of Applied Philosophy*, 34(1), 157-170.
- Vohs, K., Schooler, J. (2008). The Value of Believing in Free Will: Encouraging a Belief in Determinism Increases Cheating. *Psychological Science*, 19(1), 49-54.

Reference

- Alekseev, M. V., Bojcov, A. S., Vasil'chenko, Yu. V., Grigor'ev i dr. (2016). *Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 3 dekabrya 2008 g. N 242-FZ "O gosudarstvennoj genomnoj registracii v Rossijskoj Federacii"* (postatejnyj) (otv. red. E.N. Holopova).
- Ansel', M. (1970). *Novaya social'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugovolnoj politike)*. Moscow: Progress.
- Antonova, E. Yu. (2016). Svoboda voli i eyo vliyanie na sub'ektivnyuyu storonu sostava prestupleniya. *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2(82), 62-67.
- Baryshkov, V. P. (2010). Makiavellizm i stratagemnost' kak sposoby politicheskoy i povsednevnoj deyatel'nosti. *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya*, 1.
- Besedin, A. P. (2019). Svoboda voli Dmitriya Volkova. Recenziya na knigu Dmitriya Volkova «Svoboda voli. Illyuziya ili vozmozhnost'». *Finikovyy Kompot*, 14.
- Branickij, I. (2022). *Svobody voli ne sushchestvuet»: avtor «Biologii dobra i zla» Robert Sapolski — o vakcine ot stressa, petle degradacii i prirode diktatorov*. Polucheno iz <https://www.forbes.ru> (data obrashcheniya 17.02.2022).
- Budnikov, M. Yu. (2018). Hranitel' vremeni: k 85-letiyu Filipa Zimbardo. *Medicinskaya psihologiya v Rossii*, 2(49).
- Volkov, A. V. (2010). Svoboda voli v grazhdanskom prave. *YUP*, 5.
- Volkov, D. (2018). *Svoboda voli. Illyuziya ili vozmozhnost'*. Moscow: Kar'era Press.
- Gegel', G. V. F. (1935). *Sobranie sochinenij v 14-ti tomah*. Moskva, Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo (Socekgiz), T.8. *Filosofiya istorii*.
- Gurin, D. V. (2014). Pravo gosudarstva na ugovolnoe nakazanie: sub'ektivnoe sodержanie i formy ob'ektivacii. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal*, 6, 32-52.
- Dikarev, I. S. (2008). Princip dispozitivnosti v ugovolnom processe Rossii. *Zhurnal rossijskogo prava*, 6, 74-80.
- Zhabina, A. (2020). Ataka klonov: ot eksperimentov k biznesu. *Ekspert*, 11 (1155), 60-61.
- Zimbardo, F. (2018). *Effekt Lyucifera. Pochemu horoshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev*. Moscow: Al'pina no-fiksh.
- Zor'kin, V. D. (2009). Prava cheloveka v kontekste global'noj yurisprudencii. *Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya*, 2, 8-12.
- Kapinus, O. S., Dodonov, V. N. (2008). *Otvetstvennost' za klonirovanie cheloveka v sovremenom ugovolnom prave Sovremennoe ugovolnoe pravo v Rossii i za rubezhom: nekotorye problemy otvetstvennosti: sbornik statej* (str. 147 – 159). Moscow: Bukvoed.
- Kara-Murza, S. G. (2000). *Manipulyaciya soznaniem* (str. 14-16). Moscow: Algoritm.
- Knyazeva, I. V. (2011). *Manipulyaciya obshchestvennym soznaniem: sushchnost', istoricheskie formy, transformaciya: social'no-filosofskij analiz: dis. ... kand. filosof. nauk*. Voronezh.
- Kovalev, M. I. (1996). *Pravovye problemy zashchity zhizni, zdorov'ya i geneticheskogo dostoinstva cheloveka*. Ekaterinburg: UrGYUA.
- Kozaev, N. Sh. (2017). Mezhdunarodnye standarty primeneniya sovremennyh biotekhnologij i ih vliyanie na ugovolnoe pravo Rossii. *Yuridicheskij vestnik DGU*, 22, 2, 71-75. doi: 10.21779/2224-0241-2017-22-2-71-75
- Kozachenko, I. Ya. (2019). Podvlastno li ugovolnoe pravo genetike? (neprostye otvety na slozhnye voprosy). *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 3(40), 29-41.
- Krasavchikov, O. A. (1970). Dispozitivnost' v grazhdansko-pravovom regulirovanii. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1, 62-68.
- Kuldell, N., Bernshtejn, R., Ingrem, K., Hart, K. M. (2019). *Na puti k sinteticheskoy biologii*. DMK Press.
- Lange, O. V. (2015). *Sovremennye manipulyativnye tekhnologii: voprosy teorii i metodologii: dis. ... kand. polit. nauk*. Saint Petersburg.
- Mej, R. (1997). *Lyubov' i volya*. Moscow.
- Navasartyan, L. G. (2017). *Yazykovye sredstva i rechevye priemy manipulyacii informaciej v SMI (na materiale rossijskih gazet): dis. ...kand. filolog. nauk*. Saratov.
- Negodaeva, O. B. (2008). *Manipulyaciya soznaniem kak faktor riska v rossijskom obshchestve: dis. ... kand. filosof. nauk*. Rostov-na-Donu.
- Platon (2008). *Dialogi*. Kniga vtoraya (per. V.N. Karpov). Moscow: Azbuka-klassika.
- Nikitskaya, N. S. (2014). *Manipulyativnye strategii v sovremennoj rossijskoj biznes-srede (na primere malogo biznesa): dis. ... kand. psihol. nauk*. Yaroslavl'.
- Perebum, D. (2016). Optimistichnyj skepticizm otnositel'no svobody voli. *Logos*, 5, 59–99.
- Petrakova, A. S. (2014). *Social'no-filosofskij analiz transformacii soznaniya lichnosti sredstvami manipulyativnogo vozdeystviya: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk*. Krasnodar.
- Politova, I. P. (2014). *Kategoriya voli v grazhdanskom prave Rossii: avtoref. dis.... kand. yurid. nauk*. Moscow.
- Prins, A. (1912). *Zashchita obshchestva i preobrazovanie ugovolnogo prava* (per. s fr. E. Markelovoj; pod red. i s predisl. G.S. Fel'dshtejna). Moscow.

- Senina, Yu. L. (2006). *Kategoriya voli v grazhdanskom prave Rossii (v aspekte grazhdansko-pravovoj sdelki: dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk.*
- Sergeev, D. N. (2019). Otvetstvennost' za manipulyatsii s genomom cheloveka (delo He Czyan'kuya). *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu*, 5, 5-13.
- Sidorenko, E. L. (2013). *Dispozitivnost' kak rezhim ugovovno-pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra. yurid. nauk. Moskow.*
- Sirazetdinova, M. F. (2016). *Manipulyatsiya soznaniem: social'no-filosofskij analiz: avtoref. dis. ...kand. filosof. nauk. Ufa.*
- Stasevich, K. Pochemu my ubivaem po prikazu. *Nauka i zhizn'*. (22.02.2016). Polucheno iz <https://www.nkj.ru/news/28223/> (data obrashcheniya 17.02.2022)
- Stroganov, V. B. (2019). *Tekhnologii politicheskoy manipulyatsii v internete: dis. ... kand. polit. nauk. Ekaterinburg.*
- Sumachev, A. V. (2006). *Dispozitivnost' v ugovovnom prave: teoretiko-prikladnoj analiz: avtoref. ... dis. dokt. yurid. nauk. Ekaterinburg.*
- Syrov, V. N. (2019). Diskussiya o svobode voli i moral'noj otvetstvennosti: gde perspektivy? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 51, 88-97. doi: 10.17223/1998863X/51/9
- Sundurova, F. R., Tarhanova, I. A. (2009). *Ugovovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' (3-e izd., pererab. i dop.). Moskow.*
- Uord, L. (2003). *Psihicheskie faktory civilizatsii. Saint Petersburg: Piter.*
- Ferri, E. (2005). *Ugovovnaya sociologiya (sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo). Moskow.*
- Fil'chenko, A. P. (2012). Filosofsko-yuridicheskie osnovaniya opredeleniya momenta vzniknoveniya otnosheniya ugovovnoj otvetstvennosti. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 11(2), 185-187.
- Harris, S. (2015). *Svoboda voli, kotoroj ne sushchestvuet. Moskow: Al'pina Publisher.*
- Hilyuta, V. V. (2021). Svoboda voli i ugovovnaya otvetstvennost' v fokuse novykh otkrytij nejrobiologii. *Pravo.by*, 6(74), 45-51.
- Shargorodskij, M. D. (2003). *Izbrannye raboty po ugovovnomu pravu (sost. i predisl. B.V. Volzhenkina). Saint Petersburg.*
- Sheveleva, S. V. (2015). *Svoboda voli i prinuzhdenie v ugovovnom prave: dis. ... dokt. yurid. nauk. Kursk.*
- Shostrom, E. (2008). *Chelovek manipulyator. Vnutrennee puteshestvie ot manipulyatsii k aktualizatsii. Moskow: Izd-vo Instituta Psihoterapii.*
- Yurenkov, V. V. (2013). Manipulyatsiya kak social'no-filosofskoe yavlenie. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 4.
- Alonso, M., Savulescu, J. (2021). He Jiankui's gene-editing experiment and the non-identity problem. *Bioethics*, 35(6), 563-573.
- Balistreri, M., Hansen, S. L. (2019). Moral and Fictional Discourses on Assisted Reproductive Technologies: Current Responses, Future Scenarios. *NanoEthics*, 13(3), 199-207.
- Baumeister, R. F., Masicampo, E. J., Dewall, C. N. (2009). Prosocial Benefits of Feeling Free: Disbelief in Free Will Increases Aggression and Reduces Helpfulness. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 35(2), 260-268.
- Bowman-Smart, H. (2021). Orphans By Design: The Future Of Genetic Parenthood. *Bioethics*, 35(1), 23-30.
- Goding, V., Tranter, K. (2021). 'The machine runs itself': law is technology and Australian embryo and human cloning law. *Griffith Law Review*, 30(2), 240-269.
- Gruijters, S. L. K. (2022). Making inferential leaps: Manipulation checks and the road towards strong inference. *Journal of Experimental Social Psychology*, 98, 104251.
- Haney, C., Banks C., Zimbardo, P. (1973). A study of prisoners and guards in a simulated prison. *Naval Research Review*, 9, 1-17.
- Milgram, S. (1963). Behavioral Study of Obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology[en]*, 67, 371-376.
- Mills, P., Chen, Q., Ma, Y. et al. (2021). Making sense of it all: Ethical reflections on the conditions surrounding the first genome-edited babies. *Wellcome Open Research*, 5, 216.
- Rigoni, D., Kühn, S. et al. (2012). Reducing Self-Control by Weakening Belief in Free Will. *Consciousness and Cognition*, 21, 1482-1490.
- Sanak-Kosmowska, K., Wiktor, J. W. (2020). Empirical identification of latent classes in the assessment of information asymmetry and manipulation in online advertising. *Sustainability (Switzerland)*, 12(20), 8693, 1-17.
- Smiley, M. (1992). Moral responsibility and the boundaries of community: power and accountability from a pragmatic point of view. *The University of Chicago*, 256.
- Song, L., Joly, Y., (2021). After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms. *Medical Law International*, 21(2), 174-192.
- Swazo, N. K. (2020). Doing wrong to 'lulu' and 'nana'? Applying parfit to the he jiankui experiment. *International Journal of Applied Philosophy*, 34(1), 157-170.
- Vohs, K., Schooler, J. (2008). The Value of Believing in Free Will: Encouraging a Belief in Determinism Increases Cheating. *Psychological Science*, 19(1), 49-54.

Информация об авторах:

Шевелева Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета.

Шатанкова Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 07.03.2022

Одобрена после рецензирования 13.04.2022

Опубликована 29.04.2022

About the authors:

Svetlana V. Sheveleva – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University.

Elena N. Shatankova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Southwest State University.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted March 07, 2022

Approved after reviewing April 13, 2022

Accepted April 29, 2022